

СТРАНИЦЫ *советской* ИСТОРИИ
В Е Р С И И

Ева Ингеборг
ФЛЯЙШХАУЭР

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ленин
и Людендорф

(1905 –
1917)

Беллетристика
Версий / Вожди / Дебаты
И С С Л Е Д О В А Н И Я

Страницы советской истории. Версии

Ева Ингеборг Фляйшхауэр

**Русская революция. Ленин
и Людендорф (1905–1917)**

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2017

УДК 94(100)"654"

ББК 63.3(0)53

Фляйшхауэр Е.

Русская революция. Ленин и Людендорф (1905–1917) /

Е. Фляйшхауэр — Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия", 2017 — (Страницы
советской истории. Версии)

ISBN 978-5-8243-2329-0

Книга немецкого специалиста по истории Восточной Европы Евы Ингеборг Фляйшхауэр посвящена исследованию влияния зарубежных государств на российскую внутреннюю политику с целью развязывания революции в Российской империи ради предельного ослабления и в конечном счете уничтожения последней. В ходе десятилетней, поистине «детективной» работы автор открыла широкую панораму неизвестных фактов и связей, которая, по мнению автора, свидетельствует о проникновении разведок центральных держав в петербургские центры власти в рамках подготовки к войне. Приведя ряд косвенных доказательств, автор компенсирует хорошо известное отсутствие прямых улик (три главных заинтересованных стороны – германский и австрийский генштабы и большевистское партийное руководство – согласованно, по данным автора, уничтожили соответствующие документы и методично замели следы своего сотрудничества). В результате возникает картина партнерства большевиков с генштабами центральных держав, направленного на уничтожение традиционной России. Результаты исследования могут помочь оставить в прошлом спор о «немецком следе» в русской революции, порожденный отсутствием веских прямых доказательств. Книга рассчитана на специалистов, историков и социологов, а также широкий круг читателей, интересующихся историей России начала XX в. и, в частности, причинами дестабилизации Российской империи в этот период. Мнение автора может не совпадать с позицией издательства. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(100)"654"

ББК 63.3(0)53

© Фляйшхауэр Е., 2017

© Автономная некоммерческая
организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2017

ISBN 978-5-8243-2329-0

Содержание

1		7
1.1.	Первые контакты Людендорфа и Ленина	11
1.2.	Русско-японская война и первая русская революция	22
1.2.1.	Эрих Людендорф в оперативном отделе Большого генштаба	25
1.2.2.	Ленин на службе у японского Генштаба	27
1.2.2.1.	Инфильтрация гапоновского движения	32
1.2.2.2.	Первая искра – «Кровавое воскресенье на Неве»	36
1.2.2.3.	Ленин придумывает революцию	37
1.2.2.4.	Неудачное участие Ленина в революции	42
1.2.2.5.	Инструкция Министерства внутренних дел	46
	Экскурс: Ленинский финансист Л. Б. Красин	48
1.3.	Перемены в прусско-германском Генеральном штабе	55
1.3.1.	Превентивная война и вопрос об иностранных агентах и вспомогательных войсках	55
	Экскурс: Ленинский пограничник Я. М. Свикке	62
1.3.2.	Проникновение в охранку	64
1.3.3.	Людендорф во главе оперативного отдела – «злой гений Мольтке»	70
1.4.	Ленин под покровительством Эвиденцбюро	81
1.4.1.	От мировой войны к мировой революции	81
1.4.2.	Ленинский дебют: Пражская партийная конференция	82
	Экскурс: Ленинский агент охраны Р. В. Малиновский	86
	Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ева Ингеборг Фляйшхауэр Русская революция: Ленин и Людендорф (1905–1917)

*Памяти Эриха Фляйшхауэра (родился 21.01.1899 в Эрфурте –
погиб 26.09.1918 в Шепти) и его поколения*

*Полная история роли, сыгранной Германией в русских событиях
1917–1918 годов, еще не написана и не скоро будет написана.
Б. И. Элькин, 1926'*

© 2017 edition winterwork

Alle Rechte vorbehalten

© Eva Ingeborg Fleischhauer, 2017

© Пангина Л. Ю., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Политическая энциклопедия»,
2020

1

Связи большевиков с разведкой до первой Мировой войны

Связь скоро была налажена. Генеральный штаб во главе с гениальным начальником действовал великолепно. Краков, летом Поронин, стали настоящей ставкой нашей армии. Сюда постоянно съезжались полководцы отдельных наших частей. Здесь выковывались мечи для... будущих боев... Штаб работал вовсю².

Современная разведка, традиционно подразделяющаяся на контрразведку и собственно разведку (сбор и анализ информации), в большинстве государств преследует оборонительные цели: своевременное распознавание внешней опасности и предотвращение посягательств на внутреннюю целостность собственного государства. Разведка прусско-германского Главного управления Генерального штаба (Большого генштаба) как военная разведывательная служба была рождена войнами (1866 и 1870–1871 гг.) и в соответствии с направленными на приращение территории целями прусской внешней и военной политики помогала в подготовке войн. В понимании ее последних представителей военного и послевоенного времени ее планы и операции «всегда учитывали возможную войну»³, и «подготовка к войне» главенствовала «в мирной деятельности Генерального штаба»⁴. В результате эта разведслужба с самого начала ориентировала свои операции на решительно наступательные действия. Прусско-германская контрразведка, работая сперва под нейтральным названием «Информационное бюро», вела борьбу с реальными и потенциальными шпионами, которая заключалась в их обезвреживании (превентивном), в том числе путем проникновения на государственную территорию действительных, выдуманных или вероятных врагов. Сбор информации превратился в «активную добычу информации» с агрессивным подтекстом («наступательную разведку», выражаясь языком аналогичного австро-венгерского учреждения, венского Эвиденцбюро⁵ – Evidenzbureau, дословно: бюро сбора данных), которую следовало осуществлять при помощи вербовки и использования платных агентов, добровольных или вынужденных осведомителей и «доверенных людей» (изначально, как правило, трудившихся безвозмездно) преимущественно за границами собственной страны.

Разгромив на западе «вековечного врага» Францию (1870–1871) и опустошив ее казну высочайшей на тот момент в мировой истории контрибуцией в размере 5 млрд франков, прус-

² Я. С. Ганецкий о В. И. Ленине накануне Первой мировой войны: Ганецкий Я. Ильич накануне и в начале войны // Правда. 1924. 27 июля. См. также: Война, Ленин и ленинизм: Неизданные статьи В. И. Ленина. Л., 1924. С. 27; Ганецкий Я. Воспоминания о Ленине: Отрывки из воспоминаний. М., 1933. С. 9–10.

³ Geheimer Nachrichtendienst u. Spionageabwehr des Heeres von Generalmajor a. D. Gempp / Reichskriegsministerium. Abwehrabteilung. Erster Band, 1866–1944: Bundesarchiv, Militärarchiv (BA MA). RW 5/v. 657. S. 119. Ведомственные архивы разведслужбы Генерального штаба были по большей части уничтожены в конце Первой мировой войны; документы германской военной миссии в Турции, разведотдел которой работал против Российской империи, погибли в 1918 г. (ср.: Oberst Freiherr Kress von Kressenstein. Mit den Türken zum Suezkanal. Berlin, 1938. S. 7). Тем самым историки лишились «ценнейшего материала... который не должен был попасть не в те руки, особенно материала... разведывательной службы, чьим сотрудникам грозили преследования со стороны “победителей”» (Geheimer Nachrichtendienst u. Spionageabwehr des Heeres von Generalmajor a. D. Gempp. Erster Band: BA MA. RW 5/v. 654. S. III, 4), в том числе всех материалов о «революционизировании» России с помощью местных пособников.

⁴ Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. Berlin, 1920. S. 201.

⁵ Документы Эвиденцбюро австро-венгерского Генерального штаба также были уничтожены в конце войны (ср.: Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage: Zwölf Jahre Kundschaftsdienst. Zürich; Leipzig; Wien, 1930. S. 80), а вместе с ними стерты и следы деятельности его агентов-большевиков.

ско-германский Генеральный штаб все больше направлял внимание своей разведслужбы на восток. По мере возрастания политической напряженности в послебисмарковскую эпоху могущественный восточный сосед Германской империи стал первостепенным объектом ее разведывательной деятельности⁶. Параллельно плело свою «агентурную сеть» в Российской империи Эвиденцбюро⁷ Габсбургской монархии, вступившей вместе с Германией в Тройственный союз (1882)⁸. В 1885 г. там возник особый Русский отдел, при годовом бюджете в 60 тыс. гульденов способный содержать до сотни конфиденентов, в то время как аналогичные царские службы «тогда еще сильно отставали в области шпионажа»⁹, – Россия последовала примеру обоих западных соседей в строительстве эффективных структур разведки и контрразведки только после своего поражения в русско-японской войне (1905)¹⁰.

Неуклонное осложнение отношений с Российской империей и тайная борьба разведки Германской империи против зарождающегося партнерства России с Францией побудили прусско-германский Генеральный штаб в 1889 г. повысить статус «Информационного бюро» путем его преобразования в секцию IIIb при Большом генштабе под началом майора Венкера. После Венкера секцией руководили майоры Мюллер (1892–1894), Даме (1894–1900), Брöße (1900–1910), Хайе (1910–1913) и, наконец, Вальтер Николаи (1913–1918)¹¹. Название «секция IIIb» являлось отголоском деятельности, направленной когда-то исключительно против Франции: оно восходит к соответствующей секции внутри III (французского) отдела прусского Генерального штаба, которая отвечала за добычу и сбор информации во время франко-прусской войны (1870–1871). Секция IIIb должна была главным образом обеспечивать I (русский), III (французский) и IV (занимавшийся иностранными укреплениями) отделы Генерального штаба первичными разведданными, которые каждый отдел анализировал со своей точки зрения¹². Собственная (оборонительная) задача представляла собой очень небольшой и постоянно уменьшавшийся по ходу подготовки немцев к войне сегмент поля деятельности секции, который только во время Первой мировой войны в качестве «контрразведки» («абвера») перепоручили специализированному подразделению. Параллельно и в австро-венгерском Эвиденцбюро наступательная разведка брала верх над оборонительной. В Германской империи даже этот сокращавшийся сегмент под влиянием психологических предпосылок (рейхсканцлер граф Каприви в 1893 г. дал им формулировку «народно-психологической потребности в войне с Россией, к которой примкнет Франция»¹³) и растущего вместе с усилением военных

⁶ Ср.: Schmidt J. W. *Gegen Russland und Frankreich: Der deutsche militärische Geheimdienst, 1890–1914*. Ludwigsfelde, 2010.

⁷ Ср.: Beer S. *Die Nachrichtendienste in der Habsburgermonarchie* // *SIAC-Journal – Zeitschrift für Polizeiwissenschaft und polizeiliche Praxis*. 2007. Н. 3. S. 53–63.

⁸ Тройственный союз между Германией, Австро-Венгрией и Италией (20 мая 1882 г.) представлял собой оборонительный союз с целью изолировать Францию. Он предусматривал военную помощь его членов друг другу только в случае внешней агрессии.

⁹ Pethő A. *Agenten für den Doppeladler: Österreich-Ungarns geheimer Dienst im Weltkrieg*. Graz; Stuttgart, 1998. S. 30.

¹⁰ Ср.: Marshall A. *Russian Military Intelligence, 1905–1917: The Untold Story behind Tsarist Russia in the First World War* // *War in History*. 2004. Vol. 11. No. 4. P. 393–423.

¹¹ О В. Николаи см.: Bardanne J. *Le colonel Nicolai: Espion de génie. Le véritable organisateur de la révolution bolchévique et de l'hitlérisme*. Paris, 1947; Puhlmann M. *German Intelligence at War, 1914–1918* // *The Journal of Intelligence History*. 2005. Vol. 5. P. 25–54; Nicolai W. *Geheime Mächte: Internationale Spionage und ihre Bekämpfung im Weltkrieg und heute*. Leipzig, 1923. Автор не имела возможности лично ознакомиться с документальным наследием В. Николаи в московском Центре хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК); о нем рассказали с российской стороны В. М. Гиленсен и А. А. Зданович с Ж. В. Таратутой (Гиленсен В. М. Вальтер Николаи – глава германской военной разведки во время Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 1988. № 2. С. 123–142; Зданович А. А., Таратута Ж. В. Таинственный шеф Мата Хари: Секретное досье КГБ № 21152. М., 2000), а с немецкой стороны – Ю. В. Шмидт (Schmidt J. W. *Tales from the Russian Archives: Walter Nicolai's Personal Document Collection* // *Newsletter of the International Intelligence History Group*. 1998. Vol. 7. No. 2 [Sommer]. P. 10–14).

¹² По поводу анализа см.: May E. R. *Cabinet, Tsar, Kaiser: Three Approaches to Assessment* // *Knowing One's Enemy: Intelligence Assessment before the Two World Wars* / ed. E. R. May. Princeton, 1984. P. 11–36.

¹³ Цит. по: Tirpitz A., von. *Erinnerungen*. Leipzig, 1919. S. 25.

приготовлений страха перед «окружением» зачастую превращался в инструмент превентивно наступательного применения.

Ухудшение германо-российских отношений вследствие расторжения «договора пере-страховки» с Россией (март 1890 г.) и заключения тайной франко-российской военной конвенции (17 августа 1892 г.) – оборонительного альянса против Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии – подтолкнуло Большой генштаб к активизации деятельности своей разведслужбы против Франции и России. С одной стороны, это выразилось в реорганизации разведки, с другой – в усиленном привлечении иностранных агентов и шпионов. Реорганизация разведки включала в том числе учреждение в 1893 г. разведывательных органов в граничащей с Российской империей Восточной Пруссии (в Гумбинне, Ярочине, Кемпене, Люблинице, Люке, Зольдау и Торне) под руководством «старослужащих окружных офицеров запаса»¹⁴ и систематическую достройку центрального аппарата шпионажа и контршпионажа. Одновременно австро-венгерский Генеральный штаб создавал разведцентры своего Эвиденцбюро в Галиции, причем наряду с таким важнейшим пунктом, как Краков, сделал центрами разведывательной работы в Российской империи Львов, Черновцы и город-крепость Перемышль.

Если в 1889 г. германская разведка имела в Российской империи всего 75 агентов и «доверенных людей», то в 1890-х гг. вербовка агентов и разведчиков из населения резко возросла. С российской стороны границы рекрутировались соответствующие местные силы, в первую очередь для шпионажа за русскими пограничными крепостями и гарнизонами. С немецкой стороны привлекались в «доверенные лица» чиновники местных учреждений (таможенных и почтовых управлений, ландратов и т. п.). От жандармов немецких пограничных пунктов требовали в целом повышенной наблюдательности и сбора сведений. Результаты опросов путешественников систематизировались. Составлялись списки немцев – резервистов русской армии (российским немцам разрешали отбывать воинскую обязанность в стране происхождения), при въезде их методично допрашивали, а при выезде по возможности инструктировали. Правда, руководство секции IIIb жаловалось на недостаток склонности к сотрудничеству у живущих или служащих в Российской империи немцев. Оно упрекало в бездействии германских военных атташе в России, которые, в отличие от австро-венгерских коллег¹⁵, по-прежнему не считали уместной вербовку военных агентов среди населения страны. Его возмущали также преимущественно отрицательное отношение к разведке работавших в России немецких предпринимателей и фабрикантов, которые защищали своих рабочих и служащих от проникновения «доверенных людей» в их коллектив, и консерватизм Министерства иностранных дел, не желавшего допускать сотрудников секции в свои зарубежные представительства.

¹⁴ Ср.: Roewer H., Schdfer S., Uhl M. Lexikon der Geheimdienste im 20. Jahrhundert. München, 2003. S. 12 f.

¹⁵ Эвиденцбюро с 1860-х гг. систематически привлекало австро-венгерских военных атташе к выполнению разведывательных задач и вербовке осведомителей даже в мирные времена; в Петербурге этим впервые стал заниматься с 1860 г. барон Йозеф фон Дёпфнер. С 1882 г. австро-венгерские «консульства в России впряглись в кипучую работу в области наступательной разведки»: «Они проявляли большое рвение, консула в Москве барона Штефана Буриана... который позднее сам возглавил внешнеполитическое ведомство, даже приходилось... осаживать. Эта деятельность приносила Эвиденцбюро богатые плоды... Россию охватила разведывательная сеть, постоянно сгущавшаяся при содействии I и XI отделов генштаба корпуса в Кракове и Львове, а с 1889 г. также X корпуса в Перемышле. Уже в 1885 г. Эвиденцбюро было вынуждено создать специальный отдел для разведки в России... Через четыре года получило санкцию временное «Руководство по военной разведке в мирное время», посвященное исключительно работе против России... Это позволило содержать в России до сотни конфидентов» (Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 14, 17). Хотя многолетний начальник Ронге, руководитель Эвиденцбюро с 1909 г. до лета 1914 г. Урбанский фон Острымеч, подчеркивал, что «военным атташе при австро-венгерских представительствах было запрещено заниматься разведработой», объясняя такой запрет «благородством помыслов нашего императора Франца-Иосифа», это относилось только к тому периоду, когда он сам возглавлял бюро; см.: Urbánski von Ostrymiecz A. Das Evidenzbureau des k.u.k. Generalstabes. Ein Kommentar zu Generalmajor Max Ronge's Werk «Kriegs- und Industrie-Spionage» // Militärwissenschaftliche Mitteilungen / hg. vom Osterreichischen Bundesministerium für Heerwesen. 1930. Jg. 61. S. 889.

В 1894 г. произошло чреватое последствиями событие: немецкие разведорганы в Восточной Пруссии получили первое «Руководство по подготовке мероприятий, которые должны быть осуществлены разведывательными пунктами на границе в случае угрозы войны». Подготовительные указания касались также работавших в российских пограничных гарнизонах и на железнодорожных узлах местных агентов секции ШВ. Помимо того, немецкие офицеры, на которых российские органы безопасности, как и прежде, практически не обращали внимания, вооруженные специальным «Путевым атласом», начали ездить в Россию и по России, внимательно осматривая не только приграничные западные, но и внутренние губернии Российской империи, где находились гарнизоны и другие военные учреждения. Вдобавок младшие немецкие офицеры учились в российских училищах и военных академиях, там им надлежало завязывать контакты с однокашниками, как русскими, так и представителями других народов империи, памятуя о вероятности будущей войны. Краткосрочные поездки и более длительная учеба, наряду с исследованием важных для мобилизации местных условий – сосредоточения войск и военных учреждений в Российской империи, – служили задаче вербовки сил для создания будущих агентурных сетей в нужных местах. В перспективе им ставилась цель раздобыть русские мобилизационные планы, а также приобрести (как правило, за деньги) планы развертывания войск. Там, где в 1890-е гг. в «путевых атласах» генштабов центральных держав еще оставались белые пятна, «кое-какие соседские отношения пограничного офицерского корпуса... под влиянием Берлина» приводили «к заполнению пробелов в знании положения», да и, как тогда говорили, «сам майор фон Леттов-Форбек¹⁶ может лично съездить в Ковно и Вильну побеседовать с агентами»¹⁷.

¹⁶ Руководитель разведслужбы в 1883–1889 гг., известный как таковой российским властям. О его не знавшей границ активности см.: Нйһне Н. Der Krieg im Dunkeln: Macht und Einfluß des deutschen und russischen Geheimdienstes. München, 1985. S. 48 ff.

¹⁷ Geheimer Nachrichtendienst u. Spionageabwehr des Heeres von Generalmajor a. D. Gempp. Erster Band. S. 31.

1.1. Первые контакты Людендорфа и Ленина

Новые возможности перед генштабами союзных центральных держав открылись с начала 1890-х гг. благодаря пребыванию в России с ознакомительными целями и для изучения языка будущих офицеров Генштаба и разведки по договору с российским Военным министерством. Будущие немецкие офицеры Генштаба отныне могли на несколько месяцев отправляться в ознакомительные и учебные командировки в обе столицы Российской империи, австро-венгерские офицеры с 1890 г., после того как было преодолено сопротивление российского военного министра П. С. Ванновского («они еще потребуют от нас оружие Австрии поставлять, чтобы нас же били!»), – учиться на годичных курсах подготовки офицеров разведки в Казани. Действие последнего соглашения, по высказанному в 1906 г. русскими желанию, после затяжных переговоров закончилось в 1908 г.¹⁸ Это намекает на его большую выгоду для австрийской стороны и очевидный вред для российской. Уроки и результаты подобных учебных и информационных командировок для командировавшихся генштабов, насколько известно сегодня, никогда не оглашались и историками впрямую не исследовались. Несомненно, они оказывались плодотворными с точки зрения разведки. Ведь выезжавшие в Россию кандидаты на высокие должности в Генштабе или разведслужбе помимо официальной задачи изучения языка с большой долей вероятности решали неофициальные сопутствующие задачи, которые им ставили или они брали на себя сами. За существование такой практики говорила хотя бы пресловутая нехватка средств у разведотделов, которые могли воспользоваться случаем «присоединиться» к дорогостоящим заграничным вояжам, оправдывая расходы их ценным для нужд разведки побочным эффектом. Дальнейшая карьера некоторых известных лиц, побывавших в этих зарубежных командировках для будущих генштабистов и разведчиков двух союзных держав, позволяет сделать кое-какие выводы по поводу их долгосрочных результатов. Причем, например, для Альфреда Редля и Эриха Людендорфа учеба в России, кажется, имела диаметрально противоположные последствия.

Редль, весьма одаренный австро-венгерский офицер из чиновничьей семьи крещеных галицийских евреев, будучи капитаном Генштаба, удачно использовал свое годичное пребывание в казанском военном училище в 1900 г. (представители Вены тогда вообще встречались в Казани на самых разных уровнях¹⁹) для совершенствования владения русским языком, выполнил свои задачи и приобрел хорошие знания страны и ее населения. Его успехи, с одной стороны, обеспечили ему карьерный взлет в австро-венгерском Генеральном штабе (по возвращении из России он вошел в состав «русской группы» Эвиденцбюро, в 1909 г. получил звание майора и в том же году возглавил свое разведывательное подразделение уже в звании подполковника), а с другой стороны, сделали его восприимчивым к соблазну заняться шпионской деятельностью в пользу Российской империи (в 1906 г. Редль был завербован российским военным атташе в Вене, с 1907 г. регулярно снабжал его секретными материалами, в 1912 г., занимая пост начальника штаба VIII Пражского армейского корпуса, передал России австрийские планы развертывания войск). Лишь по чистой случайности этот высокопоставленный офицер и двойной агент не стал начальником Эвиденцбюро, как хотел Ойген фон Хордличка, прочивший его себе на замену.

Вполне можно предположить, что казанские командировки Редля и его австрийских премников благодаря вербовке потенциальных русских агентов создавали связи, которые позже оказывали влияние на большую российскую политику. Так, странствующий сибирский «ста-

¹⁸ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 17, 77; Pethц A. Agenten für den Doppeladler. S. 31 f.

¹⁹ Так, например, в городе долго гастролировал «венский женский оркестр»; см.: Wien in Kasan // Lehmann C., Parvus. Das hungernde Russland: Reiseeindrücke, Beobachtungen und Untersuchungen. Stuttgart, 1900. S. 75.

рец» Г. Е. Распутин, вероятно, с 1890-х гг. неоднократно совершавший паломничества в Казань, в 1903–1904 гг. посещал там вольнослушателем духовную семинарию и с большим пылом приобщался ко всему иностранному²⁰. Своему духовнику старцу Гавриилу он в 1904 г. открыл, что собирается в Петербург. Как тот его ни отговаривал, Распутин отправился-таки в российскую столицу, чтобы, по выражению генерала М. Д. Бонч-Бруевича, сделать «самую фантастическую в мире карьеру»²¹.

Генерал обошел молчанием то обстоятельство, что его собственный брат Владимир – партийный товарищ, друг и личный секретарь Ленина – внес свой (и не такой уж малый) вклад в беспрецедентную карьеру человека, которого не без оснований подозревали в тайных связях с австрийским и/или германским Генеральным штабом²². В 1905–1906 гг., когда в России резко активизировались агенты центральных держав, Распутин пробрался ко двору и при помощи продуманного поведения и псевдомедицинских фокусов сумел произвести большое впечатле-

²⁰ Ср.: Spiridowitsch A. Rasputin. Bern; Stuttgart, o. J. S. 22 ff.

²¹ Bontsch-Brujewitsch M. D. Petrograd: Erinnerungen eines Generals. Berlin(-Ost), 1970. S. 114. На рус. яз.: Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам! М., 1958.

²² Роль Г. Е. Распутина как агента центральных держав при его жизни не получила достаточного освещения. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств под председательством юриста Н. К. Муравьева (комиссия Муравьева) создала специальную «следственную часть» (№ 13) для выяснения его роли и влияния на Николая II в области государственного управления. Эта часть, насколько можно судить по материалам, опубликованным в СССР, не подтвердила существовавшие подозрения и не верифицировала подпадавшие проверке свидетельства. Но ее уполномоченный В. М. Руднев сумел сделать ценные предварительные выводы и выявить «историческую последовательность тех событий и фактов», которые проторили Распутину дорогу к царю. По мнению Руднева, двигателем карьеры Распутина, спланированной «с удивительно продуманной последовательностью», послужил некий неизвестный фактор, который он не смог точнее определить. Однако он констатировал, что старец, «несмотря на свою малограмотность, был далеко незаурядным человеком и отличался от природы острым умом, большой находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться», а «его внешняя грубость и простота обращения... были несомненно искусственны, чтобы подчеркнуть свое крестьянское происхождение и свою неинтеллигентность». См.: Руднев В. М. Правда о русской царской семье и темных силах / под ред. Л. А. Лыкова. М., 1998. С. 150–152. Один документ австро-венгерского Министерства иностранных дел 1915 г. (см. ниже) подтверждает, что австрийцы использовали Распутина для секретных поручений. Кроме того, германская разведка окружила его высокопоставленными агентами, которые во время войны сделали его не только первостепенным источником информации из самого центра российской власти, но и ферментом для революционизирования Российской империи (см. ниже). Под их влиянием Распутин постоянно дискредитировал августейшую чету, «мостя дорогу революции» (Buchanan G. Meine Mission in Russland. Berlin, 1926. S. 134). Комиссия Муравьева была создана 5 марта 1917 г. по указу министра юстиции Временного правительства А. Ф. Керенского от 2 марта 1917 г. и работала до большевистского октябрьского переворота (см.: Вестник Временного правительства. 1917. № 1 [46]; Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. 1917. № 61. Отд. 1. С. 362). Ее президиум, куда входили юристы и другие специалисты, преимущественно из левых партий, не отличался политической сбалансированностью. Единственный кадет в этом органе, Ф. И. Родичев, из-за чрезвычайной загруженности делами на заседаниях появлялся редко, один из двух большевиков, назначенный сенатором адвокат Н. Д. Соколов, выступал как своего рода эмиссар Совета рабочих и солдатских депутатов. Колеблющееся большинство во главе с председателем считало себя исполнительным органом революционной народной воли и тяготело к «правосудию возмездия», лишь меньшинство пыталось судить ошибки прошлого по действовавшим на момент их совершения законам и потому находило мало наказуемых прегрешений в действиях бывших чиновников (за исключением военного министра Сухомлинова и пр.). Рассказы участников работы комиссии см.: Корнев С. А. Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции (далее – АРР). Вып. VII. Берлин, 1922. С. 14–23; Завадский С. В. На великом изломе // АРР. Вып. VIII. Берлин, 1923. С. 5–42; Вып. XI. Берлин, 1923. С. 38–73. В исторической перспективе с большевистской точки зрения: Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. 1990. Т. 118. Допросы и слушания протоколировались ведущими литераторами (включая А. А. Блока) и литературоведами (например, бывшим сотрудником секретных служб П. Е. Щеголевым). Щеголев в 1924–1927 гг. издал избранные протоколы в Ленинградском государственном издательстве под заглавием «Падение царского режима» (переизд.: Гаага; Париж, 1969). Оригиналы протоколов находятся в Государственном архиве Российской Федерации в Москве (ГА РФ. Ф. 1467). О какой-либо научной сверке текстов (и купюр) в «Падении царского режима» с сохранившимися оригинальными материалами комиссии сведений нет, и сама автор не имела возможности ее провести. Считается бесспорным, что опубликованные Щеголевым отрывки отвечали интересам большевиков. Пример лакун в его издании демонстрирует протокол допроса последнего директора Департамента полиции царского Министерства внутренних дел А. Т. Васильева: в ответ на предложение сообщить «данные о большевистских лидерах и их предательской деятельности», которые стали ему «известны во время службы директором Департамента полиции», Васильев «решил поделиться со следователем всем, что знал о Ленине, Троцком, Зиновьеве и других лидерах большевистской партии» (Wassiljew A. T. Ochrana: Aus den Papieren des letzten russischen Polizeidirektors. Zürich; Leipzig; Wien, 1930. S. 270 f.). Эти показания в издании Щеголева отсутствуют.

ние на царя²³, обычно не слишком доверчивого, и получить доступ в личную сферу жизни императорской семьи. Когда же в 1912 г. стали высказываться сомнения насчет веры этого религиозного мошенника, В. Д. Бонч-Бруевич как специалист по русскому сектантству публично заступился за старца, объявив его истинно православным христианином, и тем самым упрочил уникальное положение одиозного шарлатана при дворе. Впоследствии, в годы войны, старец в качестве серого кардинала царицы распоряжался судьбами Российской империи, и даже Людендорфу было известно, что тот «работал ради мира»²⁴ в интересах Германии.

В отличие от Редля, посредственному выпускнику Берлинской военной академии Эриху Людендорфу трехмесячная образовательная командировка в Петербург, Москву и Одессу в 1894 г. не особенно помогла улучшить знание русского языка, приобретенное за три года учебы в академии, зато существенно углубила его представления о военной топографии Российской империи на границах с Восточной Пруссией, Финляндией и на юге. Людендорф родился в 1865 г. в поместье Крушевня под Познанью и до 12 лет рос в преимущественно славянской (польской) языковой среде, но русским языком всю жизнь владел неважно, Россию и русских знал плохо, в русской культуре мало что понимал. Эти недостатки вытекали из его общего равнодушия к любым предметам, не связанным прямо с военным делом: математика давалась ему не легче, нежели русский, который старший лейтенант при поступлении в военную академию (1890)²⁵ выбрал для факультатива по современным языкам, и даже дополнительные занятия с репетитором по французскому – обязательному предмету – так и не принесли ему удовлетворительной оценки на выпускном экзамене (в чем он позже винил репетитора). Хотя выпускник Людендорф сдал необходимый минимум для переводчика с русского, в дальнейшем его отношения с этим языком оставляли желать лучшего. Тем не менее по окончании академии в начале 1894 г. он, по предложению его преподавателя по тактике, реформатора японских вооруженных сил (1884–1888) генерала Якоба Меккеля, получил направление в русский отдел Генерального штаба. Три месяца, остававшиеся до прикомандирования к Большому генштабу, Людендорф провел в ознакомительной поездке по Российской империи. Поскольку впоследствии в биографических записках он ни словом не упоминал свое тогдашнее путешествие по европейской части России, можно предположить, что наряду с известными целями – совершенствования языка и углубления знаний о стране – он имел тайные задачи и выполнил их с успехом.

Его письма к родителям наглядно свидетельствуют, что в соответствии с настроениями 1894 г. он совершал эту поездку с мыслью о будущей войне. Первые же слова по прибытии в Петербург не оставляют никаких сомнений: «36 часов на поезде... Это еще цветочки, а сколько придется катить до границы в случае мобилизации!»²⁶

В Петербурге (24 января – 3 февраля 1894 г.) немецкий гость впервые ощутил недостаточность своей языковой и культурной подготовки и признался родителям: «Моей школьной премудрости здесь никоим образом не хватает»²⁷. Однако он не сделал ни единой попытки сблизиться с русским обществом, ограничив свою общественную активность немецкой колонией столицы, где встречался с немецкими военными атташе и дипломатами, вращался в купеческих кругах и принимал участие в торжественных мероприятиях германского посольства. Его соприкосновения со столичной жизнью, насколько позволяют судить известные письма, носили поверхностно-туристический характер, кругозор оставался узконациональным, а вос-

²³ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Мюнхен, 1949. Т. II. С. 65.

²⁴ См.: Ludendorff E. Kriegführung und Politik. Berlin, 1922. S. 185.

²⁵ Биографические сведения см.: BA MA. NL 77. Personalakte Erich Ludendorff; Ludendorff E. Mein militärischer Werdegang: Blätter zur Erinnerung an unser stolzes Heer. München, 1935.

²⁶ Людендорф – родителям, Петербург, 25 января 1894 г.: BA MA. NL 77. Nr. 17 (ксерокопии рукописных оригиналов писем), 18 (машинописные копии).

²⁷ Людендорф – родителям, Петербург, 25 января 1894 г.: BA MA. NL 77. Nr. 17.

приятие – избирательным: так, во время оттепели здесь «невероятная грязь», писал он, в русские гостиницы «нашему человеку зайти невозможно», они «вообще производят весьма неопрятное, неаппетитное впечатление», а достопримечательностям российской метрополии «далеко до берлинских». Положительных отзывов Северная Пальмира, где «роскошь местами очень велика, но очень часто фальшива», от него не удостоилась. В сопровождении жившего в Петербурге младшего немецкого офицера Людендорф съездил на один день в Великое княжество Финляндское, наверняка не только с целью осмотра водопада Иматра, расположенного в 170 км к северо-западу от Петербурга. Во время этой экскурсии он с интересом отметил нежелание финнов говорить по-русски и, возможно, обратил внимание на военное обеспечение финской территории.

В Москве (4 февраля – 17 марта) путешественник после семидневных поисков жилья, в ходе которых столкнулся с «отвратительной нечистоплотностью», поселился на частной квартире у «2 пожилых женщин... страшно болтливых». Он хотел «все время слушать русскую речь», иначе «не поставил бы себя в такую зависимость на целых четыре недели», но «ужасно прогадал». Уже через неделю немецкий гость начал страдать от «грязи и чрезвычайно неаппетитной еды», заявил, что съезжает, «уплатил рубль и был таков»: «Вот чем закончилось благое намерение много учить русский»²⁸.

«Хождение по театрам» показалось визитеру «несколько утомительным», потому что ему постоянно приходилось «напряженно вникать» в происходящее на сцене, однако после нескольких посещений он констатировал, что «в здешнем императорском театре... действительно играют превосходно», только спектакли всегда идут «ужасно долго». Кремль его впечатлил расположением и величиной, но количество и убранство церковей и монастырей он нашел чрезмерным: «... глазу не на чем отдохнуть от украшательств, они действуют угнетающе. Наши строгие церкви с табличками в память павших возвышеннее!»

Русское общество в его глазах было «очень странным по нашим понятиям, очень низкого сорта»: «Прежде всего мужчины выглядят ужасно... Легко представить, что нездешний – то есть нерусский – человек чувствует превосходство перед ними и тем самым навлекает на себя ненависть». Гость из Германии не исключал существования «отдельных лиц, чьи манеры отвечают требованиям, которые мы предъявляем к образованным людям», но считал, что число таких «здесь... значительно меньше, чем где-либо еще».

Делая все эти наблюдения, немецкий офицер, тем не менее, больше думал о своих карьерных планах, нежели о непривычном окружении. Он, по-видимому, не заглядывал в богатую русскую прессу и литературу тех лет, зато даже здесь с интересом читал немецкий «Военный еженедельник», следил по нему за текущими повышениями по службе и лелеял надежду сделать отцу «подарком на день рождения» свое «прикомандирование к Генеральному штабу в этом году»²⁹.

Заключительное турне по югу России (18–31 марта 1894 г.) привело его по очереди в Орел, Курск, Харьков и, наконец, в Крым, где он посетил Бахчисарай и Ялту (в том числе царскую летнюю резиденцию в Ливадии), а также осмотрел в Севастополе крепость, музей Тотлебена и все места, «прославленные осадой»; речь идет об 11-месячной осаде французами и англичанами во время Крымской войны (1854–1855) севастопольской крепости и военной гавани, которая закончилась их полным разрушением и стоила осаждавшим свыше 80 тыс. жизней, а защитникам под командованием генерала Э. И. Тотлебена, тяжело раненного в июне 1855 г., – 120 тыс.

Путешественник не оставил описания последнего пункта своего маршрута – экономической и культурной столицы юга России, важного с военной точки зрения портового города

²⁸ Людендорф – родителям, Москва, 10 февраля 1894 г.: ВА МА. NL 77. Nr. 17, 18.

²⁹ Людендорф – отцу, Москва, 8 марта 1894 г.: ВА МА. NL 77. Nr. 17, 18.

Одессы с базой русского Черноморского флота. Почтовым адресом Людендорфа около недели служил адрес германского консульства, но он, кажется, им ни разу не воспользовался. Причина, возможно, заключалась в строгой секретности его тамошних контактов и деятельности. На рубеже 1918–1919 гг. (он тогда нелегально и инкогнито находился в Швеции) уважаемые шведские газеты³⁰ сообщали, что Людендорф был в 1890-х гг. с секретной миссией в южной России и установил там связь с русскими революционерами и анархистами. Тот давний контакт с южнорусским революционным подпольем увязывался газетами с ходившими на момент появления упомянутых сообщений слухами о тайных отношениях Людендорфа с Лениным, в частности о предложении Людендорфу возглавить Красную армию и выковать из нее миллионное войско, которое будет вести боевые действия не только в Западной Европе, но и на индийском субконтиненте. В шведских статьях подчеркивалось, что такое развитие событий вытекает из старых связей Людендорфа с тогдашними подпольщиками и будущими творцами переворота в России.

Содержание вторящих друг другу статей нельзя назвать абсолютно высосанным из пальца: Стокгольм в то время служил наилучшим местом получения информации о германо-русских связях, приглашение Людендорфа в командующие Красной армией подтверждено осведомленным источником с немецкой стороны³¹, а пребывание Людендорфа на юге России в 1894 г. доказывается его перепиской с родителями. Выбор Одессы для завершения информационной командировки также говорит в пользу версии о возложенной на него или взятой им на себя самостоятельно тайной задаче такого рода: многонациональная Одесса в 1890-е гг. была оплотом всероссийского революционного подполья; знакомство с врагами российского государства могло в 1894 г. представлять особый интерес для будущего генштабиста, всецело захваченного идеей войны с Российской империей, и для его дальнейшей военной карьеры.

Правда, при всей правдоподобности шведских сообщений, задним числом встает практический вопрос, как иностранный путешественник в то время, когда германские зарубежные представительства еще не принимали активного участия в добыче секретных разведанных, ухитрился за несколько дней в незнакомом большом городе наладить тайные контакты с политическим подпольем.

Несомненно, он должен был рассчитывать на других лиц или связи из окружения местного консульства. Учитывая краткость его пребывания в Одессе (около недели), следует исходить из того, что он приехал туда с готовым графиком и адресами нужных людей и явок. Соответствующую информацию он мог получить в том числе от знакомых со здешней обстановкой эмигрантов-революционеров, которые продолжали поддерживать с политическим подпольем оживленные отношения и не боялись, а то и считали полезным иметь дело с прусско-немецким офицером.

К таким эмигрантам относился А. Л. Гельфанд, истый одессит, покинувший город в 1886 г. и с 1887 г. с некоторыми перерывами проживавший в Германии, где с 1891 г. (написав Вильгельму Либкнехту) добивался прусского подданства (после долгих хлопот он его получил аккуратно на третий год войны – в 1916 г.!). Поначалу Гельфанд направился в Цюрих: местный университет пользовался предпочтением у одаренных учащихся и эмигрантов из Российской империи (например, социалистов Розы Люксембург и Лео Йогихеса в конце 1890-х гг.). Однако вскоре он переехал в приграничный промышленный город Базель, где в то время преподавал швейцарский историк Якоб Буркхардт. Там научным руководителем Гельфанда стал экономический обозреватель газеты «Франкфуртер цайтунг» Карл Бюхер, который читал в Базельском

³⁰ Например, «Свенска дагбладет» и «Гётеборгс дагбладет» от 27 декабря 1918 г., «Афтонтиднинген» от 6 января 1919 г.

³¹ См. рассказ последнего военного атташе кайзеровской Германии в России Вильгельма Шуберта: Schubert W. Der zweite Weltkrieg hat 1918 begonnen. München, 1957. S. 14. См. также: ВА МА. Pers. 6/346. Personalakten Schubert, Wilhelm, geb. 12.11.79. S. 3.

университете курс социальной экономики. Гельфанд подготовил диссертацию на тему «Техническая организация труда: “Кооперация и разделение труда”», но его научный руководитель еще до защиты вернулся в Германию. На факультете работа эмигранта большого впечатления не произвела; степень ему, ради приличия, присвоили, с оценкой «удовлетворительно»³², что сделало перспективы академической карьеры в Швейцарии для Гельфанда весьма туманными. Он уехал в Германию и занялся публицистикой, посвященной российскому обществу. Так, в 1893 г. он опубликовал ряд статей о голоде в России, выступая в роли эксперта по революционному движению на юге империи и предсказывая его быстрый рост, – для путешественника, собиравшегося в Одессу, это наверняка представляло интерес. В 1894 г., когда Людендорф (предположительно после соответствующих штудий и бесед в Германии) будто бы завел в Одессе связи с революционным российским подпольем, Гельфанд в Германии взял себе псевдоним Парвус. Может быть, социал-демократу понадобилось второе имя для сокрытия своих сношений с берлинской Доротеенштрассе, 48 (военной академией)? Лишь в 1910 г. руководство Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в лице Августа Бебеля разоблачило его как провокатора³³ и тем самым практически вынудило покинуть Германию. Гельфанд, перебравшись в Константинополь, по заданию секции ШВ Большого генштаба успешно пропагандировал среди младотурок необходимость германо-турецкого военного союза и вступления Турции в войну на стороне центральных держав. Выполнив задание (военный союз был заключен 2 августа 1914 г., а 2 ноября 1914 г. Турция вступила в войну), он через своего куратора – прикрепленного к германскому посольству в Константинополе офицера разведки д-ра Циммера – предложил послу, барону Гансу фон Вангенхайму, свои услуги в качестве специалиста по вопросу революционирования Российской империи и в январе 1915 г., заручившись его рекомендацией, начал переговоры на эту тему в берлинской рейхсканцелярии.

В пользу версии раннего и личного знакомства с Людендорфом говорит неизменная верность Гельфанда германскому Генеральному штабу и его военной разведке, которая не раз приводила его к острым конфликтам с немецкими и русскими партийными товарищами. Указывает на эту версию и то обстоятельство, что друг и земляк Гельфанда О. М. Нахамкис (впоследствии большевик под именем Ю. М. Стеклов, 1873–1941) после посещения Одессы Людендорфом развернул там политическое стачечное движение. В том же году он был арестован, после суда и ссылки бежал за границу, работал в Вене и Берлине в тесном сотрудничестве с Гельфандом. Подобно своему наставнику Гельфанду, Нахамкис протоптал дорожку к германской военной разведке и работал на нее все годы войны, будучи заслан в Российскую империю в сентябре 1914 г., пока поздней осенью 1917 г. Ленин не принял его «в наследство» и не сделал редактором «Известий».

Такой дерзкий номер, как удачное личное вступление в контакт с антиправительственным подпольем на юге России под носом у грозной русской охранки, мог принести кандидату на должность в русском отделе Большого генштаба особое реноме двоякого рода. Учитывая круг его военных задач, закладка фундамента отношений с силами российского революционного подполья представляла собой важный задел для будущего сотрудничества с русскими революционерами, определивший ориентиры его работы в русском отделе. Подобные связи, которых традиционно мыслившие генштабисты-дворяне того времени чурались, видимо в силу политического этикета и почтения к российским монархам, окружали выходца из буржуазной среды специфическим ореолом – смелого, но лишнего чести и традиций карьериста. Кажется, Людендорфа в Генеральном штабе действительно сопровождал такой ореол, сделав

³² Ср.: Kieser H.-L. World War and World Revolution: Alexander Helphand-Parvus in Germany and Turkey // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12. No. 2. P. 387–410.

³³ Ср., напр.: «Посредник разведслужб»: Документы ЦХИДК об А. Парвусе-Гельфанде, 1917–1924 гг. // Исторический архив. 1999. № 1. С. 100–114; Heresch E. *Geheimakte Parvus: Die gekaufte Revolution*. München, 2000; Chavkin B. Alexander Parvus – Financier der Weltrevolution // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 2007. Jg. 11. H. 2. S. 31–58.

его полезным, но не слишком уважаемым аутсайдером. У части немецкого и русского социалистического и рабочего движения Людендорф своим знакомством с российским революционным подпольем, напротив, заслужил кредит доверия, продолжавший действовать даже в начале 1920-х гг. Тем не менее суждение одного из современных биографов Людендорфа о нем как о «лучшем знатоке царской России среди офицеров Генерального штаба»³⁴ никоим образом не соответствует фактам: русским языком он владел слабо, о российском обществе знал мало, а в понимании России сильно уступал своим блестящим коллегам по русскому отделу, из которых император, невысоко ценивший Людендорфа, лучшим знатоком России считал Макса Хоффмана³⁵. Зато в последующие годы Людендорф приобрел славу непримиримого противника Российской империи, возможно, благодаря в том числе своим тайным отношениям с внутренними врагами русского государства. Может быть, в ходе подготовки войны на два фронта против Франции и России эта слава сыграла роль в его переводе в оперативный отдел, где он с 1904 г. возглавлял секцию, а с 1908 г. стал руководителем всего отдела, и возобновление контактов с российскими антигосударственными элементами во время войны в самом деле, как утверждали неназванные осведомители шведских газет, явилось логическим развитием прежних связей.

В хорошо информированном конспиративном революционном подполье Российской империи весть о визите высокопоставленного немецкого офицера к одесским революционерам и анархистам с выражением поддержки, должно быть, распространилась со скоростью лесного пожара и пробудила надежды, которые сформировали устойчиво положительный образ Людендорфа на левом фланге русского и немецкого социалистического движения. Стоит отметить, что проживавший с 1895 г. в Петербурге 25-летний помощник присяжного поверенного В. И. Ульянов из Симбирска, принадлежавший к социал-демократическому подполью столицы и мечтавший о революционном перевороте в России, впервые побывал в Берлине на следующий год после посещения Одессы Людендорфом, и обычно столь дотошные лениноведы Востока и Запада так и не выяснили точно, зачем он туда поехал и чем занимался: его берлинская жизнь в августе – сентябре 1895 г. до сих пор по большей части покрыта мраком неизвестности³⁶. Берлин стал конечным пунктом продолжавшегося несколько месяцев «обзорного турне», которое Ульянов во время своей первой заграничной поездки совершил по центрам русской социал-демократической эмиграции в Австрии, Швейцарии и Париже.

Подобно Людендорфу в России в предыдущем году, Ульянов с первого же дня в чужой языковой среде обнаружил у себя недостаточное знание языка. Матери, финансировавшей его поездку, он уже из Зальцбурга сообщил о своем «позорном фиаско»: «...понимаю немцев с величайшим трудом, лучше сказать, не понимаю вовсе». Несмотря на это, он не падал духом и «довольно усердно коверкал немецкий язык»³⁷. Однако не успел как следует подучить его в Австрии и немецкоязычной части Швейцарии (Цюрихе) к тому моменту, когда в начале августа поселился на окраине политического Берлина, в нескольких шагах от парка Тиргартен³⁸, на Фленсбургерштрассе, 12, в районе Моабит. С немецким делом у него по-прежнему обстояло плохо, разговорную немецкую речь он понимал гораздо хуже, чем французскую, винил в этом, однако, не собственную недостаточную подготовку, а выговор немцев: «Немцы произносят так

³⁴ Nebelin M. Ludendorff: Diktator im Ersten Weltkrieg. München, 2010. S. 170.

³⁵ Ср.: Kählmann R., von. Erinnerungen. Heidelberg, 1948. S. 526.

³⁶ Биограф Ленина Роберт Сервис, вынесший вопрос о его немецких связях за скобки, полагал, что в Берлине Ульянов «много купался» и «посещал Королевскую библиотеку» – не слишком напряженная деятельность для политически мотивированного подпольщика-социалиста из России, который искал на Западе стимулы, помощников и поддержку своим планам свержения российской монархии. См.: Service R. Lenin: Eine Biographie. München, 2000. S. 145.

³⁷ Цит. по: Ibid. S. 144.

³⁸ «Устроился я здесь очень недурно: в нескольких шагах от меня – Tiergarten...» (Ульянов – матери, цит. по: Pianzola M. Lenin in der Schweiz. Berlin(-Ost), 1956. S. 16 ff.).

непривычно, что я не разбираю слов даже в публичной речи...» Перед тем как пойти в театр на «Ткачей» Герхарда Гауптмана (премьера состоялась 10 ноября предыдущего года), он еще раз перечитал всю драму, чтобы следить за спектаклем, и, тем не менее, «не мог уловить всех фраз». В письме матери он писал: «...жалею только, что у меня слишком мало времени для основательного изучения языка». Объяснялась ли нехватка времени исключительно штудированием работ Маркса и Энгельса в Королевской библиотеке, неясно – из прочих его занятий известно только о некрологе Фридриху Энгельсу, умершему 5 августа 1895 г., присутствии на организованном СДПГ рабочем собрании 3 августа и недатированной встрече с Вильгельмом Либкнехтом (чья жена говорила по-русски). В любом случае, Ульянов чувствовал себя в Берлине, в отличие от Людендорфа в Петербурге и Москве, «совсем хорошо». К концу августа он там «уже немножко освоился» и понимал немцев «несколько лучше, хотя все-таки очень и очень еще плохо».

Так же как Людендорф в российской столице, Ульянов был в Берлине «вообще... довольно равнодушен» к достопримечательностям: «...посещаю [их] очень лениво... и большей частью попадаю случайно». «Шлянье по разным народным вечерам и увеселениям» нравилось ему «больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т. п.» Он собирался еще пожить в германской столице, только «с финансами опять... “затруднения”... деньги уходят черт их знает куда». 7 сентября он писал: «...обжился уже [в Берлине] настолько, что чувствую себя почти как дома, и охотно остался бы тут подольше, – но время подходит уже уезжать...»³⁹ Перед отъездом во второй половине сентября он раздобыл у кожевника на Манштайнштрассе желтый кожаный чемодан с двойным дном⁴⁰, чтобы тайно провезти в Россию какую-то литературу. Благодаря этому строгий жандармский контроль на въезде в страну ничего не дал, и Ленин по прибытии в Петербург 29 сентября располагал необходимым материалом, чтобы тотчас погрузиться в нелегальную политическую работу.

С поразительной целеустремленностью он теперь при поддержке нескольких товарищей социал-демократов объединил существующие марксистские кружки в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», сделав из него «зародыш революционной марксистской партии»⁴¹. Когда «Союз борьбы» зимой развернул нелегальную деятельность, организуя рабочие забастовки, подозрительной организацией занялась полиция и в ночь с 20 на 21 декабря 1895 г. арестовала Ульянова вместе с другими предводителями. Во время 14-месячного заключения он составил программу марксистской партии⁴², пользуясь для конспирации невидимыми «чернилами из молока». В январе 1897 г. его и остальных членов «Союза борьбы» приговорили к трехлетней административной ссылке в Восточную Сибирь. Он разделил ссылку с получившей такой же приговор дворянкой Надеждой Крупской, сочетавшись для этой цели с ней браком.

После освобождения (10 февраля 1900 г.) состоящий под надзором полиции Ульянов снова окунулся в нелегальную работу, за полгода объехал центры подпольной революционной деятельности, в том числе Казань (где в том году пребывал Альфред Редль) и Самару на Волге, и 29 июля «по легальному паспорту»⁴³ отправился из Подольска во вторую заграничную

³⁹ Цит. по: Streb X. Lenin in Deutschland. Berlin(-Ost), 1957. S. 9.

⁴⁰ Service R. Lenin. S. 146.

⁴¹ Streb X. Lenin in Deutschland. S. 10.

⁴² Service R. Lenin. S. 152.

⁴³ По словам Н. К. Крупской, см.: Krupskaja N. Erinnerungen an Lenin. Berlin(-Ost), 1959. S. 60. В дальнейшем цитаты данного автора, если не указано иное, приводятся по этому изданию. Как и многие другие сведения от Крупской, эти слова вводят в заблуждение: Ульянов путешествовал с двумя паспортами – собственным, без визы, и паспортом с визой, принадлежавшим отцу одной знакомой его жены, умершему в 1902 г. статскому советнику в отставке Николаю Егоровичу Ленину, чью дату рождения Ульянов подправил (Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). Без умолчаний и фальсификаций: Краткий курс. М., 2010. С. 101–102). Тот факт, что свои многочисленные заграничные публикации он подписывал «Н. Ленин», указывает, что он въезжал в соответствующую страну по паспорту статского советника Н. Ленина и продолжал им пользоваться.

поездку. Она, вопреки упорному сопротивлению видных социал-демократов Ю. О. Мартова, А. Н. Потресова, Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич, ратовавших за совместное издание газеты в Швейцарии, опять привела его в Германию, на сей раз на два года. Важную роль в решении основать газету «Искра» в Мюнхене сыграл совет Гельфанда-Парвуса, который предположительно преследовал не только цель теснее сблизить русских революционеров с немецкой социал-демократией⁴⁴. «Искра» печаталась в мюнхенской квартире Парвуса, где для этой цели была оборудована типография⁴⁵, и здесь деятельный, целеустремленный, фонтанирующий идеями гигант скоро покори́л и Ленина, и Троцкого. Но он, вероятно, имел и собственные планы.

Парвус, ценимый и приглашаемый для консультаций немецкими специалистами по России после своих статей о российском революционном движении (1893) и участия в Лондонском международном социалистическом конгрессе (1896) в составе российской делегации, в 1898–1899 гг. совместно с мюнхенским врачом д-ром Карлом Леманом предпринял поездку по внутривосточным Казанской, Вятской, Уфимской и обеим волжским губерниям, надо полагать – на деньги Большого генштаба. Цель поездки – изучение влияния эндемического голода на медицинское и социальное состояние местного населения⁴⁶ – оправдывала сопровождение врача Парвусом, который путешествовал по чешскому паспорту и писал к социально-медицинскому исследованию связующие тексты. Чешский паспорт указывает на участие в деле тоже заинтересованного в нем венского Эвиденцбюро. Германский и австрийский генштабы имели причины использовать в своих целях путешествие врача в Поволжье, по большей части закрытое для туристов: царское правительство в рамках широкомасштабной программы железнодорожного строительства создавало на Волге новую сеть военных объектов, в которой русские отделы обоих союзных штабов подозревали первичную основу для будущих русских наступательных армий. Точной разведке на местности русские и оперативные отделы этих штабов придавали большое значение.

По возвращении Парвуса из этой исследовательской поездки к нему на квартиру в мюнхенском районе Швабинг в сентябре 1900 г. явился «Н. Ленин»⁴⁷, который в дальнейшем будет оказывать его усилиям по разведыванию обстановки внутри России для Большого генштаба широкую поддержку при посредстве своих товарищей и последователей. Под этим именем Ульянов после трехлетней ссылки приехал в Германию, чтобы с помощью завоевавшего известность Парвуса проторить новые пути в партийной работе. К тому времени в России слава Ульянова как опаснейшего ниспровергателя основ настолько упрочилась, что один жандармский полковник в секретном докладе утверждал: «...крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого», – рекомендуя «срезать эту голову с революционного тела»⁴⁸. В описываемые годы то, что знала российская жандармерия, как правило, недолго оставалось тайной от германской разведки. В 1900 г. петербургский Департамент полиции открыл в Берлине отделение своей Заграничной агентуры: ее многолетний руководитель П. И. Рачковский добился согласия германских властей на пребывание в Берлине служащих российской полиции и поставил во главе берлинского отделения одного из своих лучших сотрудников, работавшего поочередно под именами Хеккельман, Лангезен и Гартинг (7 июля 1909 г. журнал «Ди тат» доказал, что это одно и то же лицо, разоблачив его как агента российских секретных служб, вследствие чего Гартинга отозвали на родину). В 1901 г. Хеккельман завербовал молодого врача Я. А. Житомирского, найдя в этом друге Ленина самого усердного и успешного большевистского тайного

⁴⁴ Такую цель называл сам Парвус: Parvus. Im Kampf um die Wahrheit. Berlin, 1918. S. 6 ff.; ПАРВУС. Правда глаза колет! Личное разъяснение ПАРВУСА. Стокгольм, 1918. С. 7–8.

⁴⁵ Ср.: Lenin in München: Dokumentation und Bericht von Friedrich Hitzer. München, 1977.

⁴⁶ См.: Lehmann C., Parvus. Das hungernde Russland.

⁴⁷ Pearson M. Der plombierte Waggon: Lenins Weg aus dem Exil zur Macht. München, 1990. S. 23.

⁴⁸ Pianzola M. Lenin in der Schweiz. S. 19.

агента заграничной охраны. Из Берлина секретных сотрудников посылали в центры русской эмиграции в Мюнхене, Брюсселе и Льеже. В 1904 г. берлинское охранное отделение подписало с германской полицией протокол о совместных мерах по борьбе с анархизмом.

Год прибытия Ленина в Мюнхен – 1900 – ознаменовался также началом этого сближения российских органов безопасности и германской полиции, судя по тому, что Ульянов, проживая (видимо, нелегально) в сентябре на Кайзерштрассе, 53, у некоего Риттмайстера (или Риттмайера) под именем Майер⁴⁹, был небезызвестен местным властям (после приезда Крупской он снял большую квартиру в новом здании в районе Швабинг, на Зигфридштрассе, 14, хорошо заметную для возможных тайных наблюдателей). В ленинистских работах говорится, что с немецкими документами ему помог немецкий врач, социал-демократ Рудольф Шолленбрух⁵⁰, правда, не объясняется, каким образом «соци» Шолленбрух в империалистическом баварском полицейском государстве ухитрился получить доступ к строго охраняемым бланкам удостоверений личности. Однако, с другой стороны, тесная связь Ульяновых и Гельфанда-Парвуса в то время известна и даже подтверждена Крупской, которая в опубликованных посмертно записках⁵¹ подчеркивала, что и Ульянов, и она сама в столице Баварии контактировали преимущественно с Парвусом. Вопрос о происхождении немецких фальшивых имен и личных документов Ульянова (их не считать среди примерно 200 его международных удостоверений и псевдонимов!) так и не прояснен. Уже покинув Мюнхен, он с 1902 г. жил в Лондоне под немецким именем Якоб Рихтер. По меньшей мере, в случае с одним из его немецких документов – на имя печатника Эрвина Вайкоффа, родившегося 16 июля 1862 г. в Гамельне⁵², – считается установленным, что соответствующий паспорт, выданный в Берлине, который в 1906 г. изъяла и проверила российская полиция, представлял собой подлинное германское удостоверение личности. Напрашивается предположение, что покровитель Парвус или немецкие товарищи с определенными целями сумели выправить Ульянову настоящие немецкие документы, для получения которых, однако, обычно требовались ответные услуги.

В немногословных исторических очерках деятельности прусско-германской и австро-венгерской военной разведки все же нет ни намек на то, что сколько-нибудь значительные силы внутрироссийской оппозиции и/или политической эмиграции уже в тот период состояли в тесной связи с органами этих служб и оказывали заметное влияние на их практику сбора информации. Фридрих Гемпп в своих записках о германской разведке, напротив, отчетливо подчеркивает, что до первой русской революции 1905–1906 гг. «профессиональные агенты, коренные русские или поляки и интернациональные евреи... еще не играли роли»⁵³ в работе секции Шв. Эта фраза Гемппа позже будет проанализирована подробнее. Здесь же стоит лишь заметить, что установленная им хронологическая граница – 1905–1906 гг. – не исключает возможного сотрудничества отдельных «коренных русских» вроде Ульянова или «интернациональных евреев» вроде Парвуса, как регулярного (Парвус), так и эпизодического (Ульянов?), с разведорганами германского и/или австро-венгерского Генерального штаба в годы, предшествовавшие первой русской революции. «Играть роль», т. е. вносить крупный вклад в разведывательные действия секретных служб центральных держав, они, по словам Гемппа, стали только после поражения России в русско-японской войне, в период, когда центральные державы приступили к планированию превентивной войны. Их сотрудничество действительно

⁴⁹ По словам В. Измозика (Измозик В. и др. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). С. 103), он жил там «без прописки».

⁵⁰ Streb X. Lenin in Deutschland. S. 18.

⁵¹ Ср.: Крупская Н. Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 68. См. также: Яансон К. Эстония Александр Кескюла и Берлин: дебют (сентябрь 1914 – май 1915) // Тупа: Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Тарту; Таллин, 2006. С. 86.

⁵² Ср.: Possony S. T. Lenin: Eine Biographie. Köln, 1965. S. 135. Автор ссылается на секретный документ российской полиции, находящийся в архиве Заграничной агентуры Охранного отделения (Hoover Institution, Stanford, Ca.).

⁵³ Geheimer Nachrichtendienst u. Spionageabwehr des Heeres von Generalmajor a. D. Gempp. Erster Band. S. 30.

понадобилось по ряду причин, хотя бы потому, что необходимо было преодолеть последствия предыдущих провалов противороссийских агентурных сетей обеих разведок и приобрести новые силы для изучения важных районов Российской империи.

Первый провал обеспечила российская контрразведка в приграничной Варшавской губернии под руководством полковника Н. С. Батюшина⁵⁴. Варшавская контрразведка, так же как петербургская и виленская, работала главным образом против Германии, да еще вместе с киевской приглядывала за Австро-Венгрией. В 1902 г. она разоблачила адъютанта штаба Варшавского военного округа, подполковника А. Н. Гримма⁵⁵ как германского военного агента. Расследование показало, что Гримм, имевший доступ к секретным документам, не только с 1896 г. служил осведомителем прусско-германского Генерального штаба в Берлине, но и поддерживал конспиративные связи с австро-венгерским военным атташе, майором Эрвином Мюллером. Мюллера, «деятельную и отзывчивую опору» венского Эвиденцбюро, вследствие найденных против него доказательств пришлось отозвать; после этого привлечение военных атташе к шпионажу не приветствовалось, и австро-венгерскую разведдеятельность всячески ограничивали условности политико-дипломатического этикета. К 1906 г. «раскинутая в России агентурная сеть... съезжилась до двух работающих на Эвиденцбюро конфиденентов». Языковое обучение будущих офицеров австро-венгерской разведки в Казани, несмотря на длительные хлопоты Вены ради его продолжения, также было прекращено⁵⁶.

⁵⁴ Российские военные историки И. И. Васильев и А. А. Зданович в 2007 г. впервые предложили новую оценку личности и деятельности этого видного офицера русской контрразведки: Батюшин Н. С. У истоков русской контрразведки: Сб. документов и материалов / сост. И. И. Васильев, А. А. Зданович. М., 2007.

⁵⁵ Об А. Н. Гримме см., напр.: Старков Б. Охотники на шпионов: Контрразведка Российской империи, 1903–1914. М., 2006. С. 35–37.

⁵⁶ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 20, 22.

1.2. Русско-японская война и первая русская революция

Обстрел стоящего в Порт-Артуре русского Тихоокеанского флота японскими военно-морскими силами 9 февраля 1904 г. застиг царское правительство врасплох. Навязанная Японией Российской империи, которая чересчур беспечно осуществляла экономическую экспансию в Азии, война за обладание Маньчжурией закончилась 5 сентября 1905 г. Портсмутским миром, заставившим Россию отказаться от арендованных маньчжурских территорий. Она на годы вывела из строя русские армию и флот и нанесла тяжелую травму населению империи. Эта война внезапно сотрясла все основы государства и общества. Царь, под впечатлением своих успехов в Гааге, слишком долго считал военный конфликт традиционного образца невероятным и даже в самый разгар кризиса все еще чего-то выжидал. Морское министерство не позаботилось о достойной замене сильному Балтийскому флоту: зимой тот не имел возможности попасть в тихоокеанские воды северным путем, а летом обогнуть европейский континент ему могла помешать Великобритания, с которой Токио в 1902 г. предусмотрительно договорился. Военное министерство недооценило перевооружение японской армии по прусско-немецкой модели при деятельном участии в качестве советника прусского генерала Георга Меркера и проглядело опасность стремительной атаки. С точки зрения внутренней политики, власти проявили чрезмерную медлительность во время еврейского погрома в Кишиневе (1903), не опровергли намеки на причастность к нему охранки и не уделили должного внимания обвинениям в государственном антисемитизме, вследствие чего Россия в либеральной мировой прессе предстала как неправовое государство, которому следовало преподать суровый унижительный урок. Российская общественность во всех отношениях чувствовала себя жертвой незаслуженной внешней агрессии, а генералитет переносил на восточный театр военных действий (ТВД) мышление времен Отечественной войны 1812 г.!

Генеральным штабам центральных держав эта война, в которой Россия продолжала рассчитывать (как оказалось, ошибочно) на солидарность европейских государств перед лицом дальневосточного агрессора, предоставила возможность посмотреть на ее участников со стороны. В частности, они воспользовались случаем приглядеться к русской армии в бою и выявить слабые места русской обороны и контрразведки. Российское Военное министерство с неуместным благодушием разрешило направлять на фронт военных наблюдателей. Прикомандированные к русской и японской армиям офицеры из Вены и Берлина, в основном младшие офицеры Генштаба с разведывательной подготовкой или видами на карьеру в этой области, обрели доступ к военным операциям, а также важнейшим военным учреждениям обеих сторон и своими докладами способствовали значительному расширению и актуализации сведений, накопленных соответствующим Генштабом. При этом к услугам венского Эвиденцбюро была весьма широкая информационная сеть: «За отправляющимися из Европы в Восточную Азию царскими войсками, помимо конфиденентов Эвиденцбюро, довольно пристальное наблюдение вели также органы галицийских разведцентров и австро-венгерский военный атташе в Петербурге под контролем австро-венгерского военного атташе в Японии»⁵⁷. На передовой за боями наблюдали по два старших австро-венгерских офицера с каждой стороны, один из них, капитан граф Шептицкий, «активно действовал при кавалерийском корпусе Ренненкампа и получил основательные представления о характере русских вооруженных сил». Он так увлекся использованием своих возможностей, что попал под надзор русской тайной полиции. Благодаря докладам с Дальнего Востока в том числе «обогащались познания о разведке во время войны, причем японская намного превосходила русскую»⁵⁸.

⁵⁷ Pethц A. Agenten für den Doppeladler. S. 32.

⁵⁸ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 23, 50.

Макс Хоффман, тогда еще капитан, хорошо подготовленный для наблюдения за русскими вооруженными силами благодаря полугодовой учебной командировке в Россию с конца 1898 г. и двухлетней работе в русском отделе Большого генштаба, служил военным наблюдателем с германской стороны в штаб-квартире японской 1-й армии. Здесь он смог углубить знания о русской манере воевать и своими докладами принести пользу Генштабу. Хоффман находился в гуще боевых действий, видел «бои на Ялу, пережил сражения на Шахэ и под Мукденом, прошел по завоеванному Порт-Артуру»⁵⁹. Его анализ военных слабостей России для Большого генштаба заинтересовал императора и помог стремительному карьерному росту Хоффмана⁶⁰.

Прусский офицер Генштаба Альбрехт фон Тер, к началу русско-японской войны несколько месяцев ездивший по западным российским гарнизонам, пришел к выводу, что войсковые части западных губерний «почти начисто лишены пехоты и артиллерии, следовательно, западная граница России прикрыта лишь лоскутком кавалерии». По возвращении Тер представил доклад начальнику Генерального штаба графу фон Шлиффену и тогдашнему генерал-квартирмейстеру, будущему начальнику Генштаба Хельмуту фон Мольтке. При этом произошел характерный инцидент. Тер высказал перед Мольтке мнение, что, пока русские силы связаны на Дальнем Востоке, настал благоприятный момент, чтобы свести германские счета с Францией, т. е. напасть на Францию. Мольтке отругал его за «подобный совет... о превентивной войне с Францией», означающей «вероломство, измену нашему старому вернейшему союзнику России», и распрощался с молодым прусским офицером «немилостиво». Тер, зная, что граф фон Шлиффен в этом вопросе уже склоняется к другому ответу, пожаловался начальнику своего отдела, тогда полковнику, а позже военному министру Герману фон Штайну, на форму устроенного ему выговора и добился признания своей правоты по данному вопросу (но не по существу дела)⁶¹.

Пробудившуюся у ряда немецких военачальников заинтересованность в использовании временной слабости России усилило заключение «Сердечного согласия» (Entente Cordiale, Антанты) между Францией и Англией (8 апреля 1904 г.), которое в 1907 г. расширилось благодаря вступлению России, превратившись в Тройственную Антанту. Скрытые устремления Антанты, казалось, подтверждали растущий страх Берлина перед «окружением» и Вены – перед русским наступлением, хотя Великобритания не взяла на себя никаких формальных обязательств по военному вмешательству в случае обороны. Поэтому генштабы обеих союзных держав с облегчением констатировали, что Российская империя надолго погрязла в дальневосточном конфликте. Наблюдения, свидетельствовавшие о военной связанности главных сил русской армии на дальневосточном ТВД, вызвали в Большом генштабе оживленное обсуждение возможностей первого удара центральных держав по франко-русскому альянсу. Материалы докладов немецких военных с Дальнего Востока, говоря о слабости российских войск, как будто подтверждали осуществимость наступательной войны (которая именовалась превентивной): сперва победы над усиливающейся Францией, пока Россия, занятая на Дальнем Востоке,

⁵⁹ См.: Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann / hg. von K. F. Nowak. Berlin, 1929. Bd. 1. S. XIII. Опыт, приобретенный «в русско-японской кампании» (Ibid. S. 1–46), вызвал у 35-летнего капитана духовный кризис и обусловил его благоразумное поведение на германо-русском театре военных действий в 1914–1918 гг., которое привело его к конфликту и ссоре с Людендорфом. В 1904 г. Хоффман записал: «Столь многое кажется ничтожным, когда видишь, как тысячи еще недавно цветущих, здоровых людей лежат в поле разорванные на клочки, изувеченные, мертвые – русские по большей части с изумленным вопросом на застывших лицах: “Почему же я умер здесь?” ... Единственная радость жизни... не в том, чтобы определить, как практичнее всего провести пехотную атаку, а здесь стареешь... Я вижу это... только по другим, но, думаю, если другие так ужасно стареют, то, должно быть, и я тоже...»

⁶⁰ С августа 1914 г. в чине подполковника служил офицером Генерального штаба при главном командовании 8-й армии в Восточной Пруссии, в 1916 г. уже полковник Хоффман, получив звание генерал-майора, стал начальником Генерального штаба при Верховном командующем германскими вооруженными силами на Востоке со штаб-квартирой в Брест-Литовске. Здесь он после захвата власти Лениным отвечал за военную часть Брест-Литовских переговоров о перемирии и мире.

⁶¹ Ср.: Thaer A., von. Generalstabsdienst an der Front und in der O.H.L.: Aus Briefen und Tagebuchaufzeichnungen, 1915–1919. Güttingen, 1958. S. 7 f.

не сможет оказать ей действенную помощь, затем уничтожения русских западных сухопутных сил, когда их существенно обескровят ради удовлетворения возрастающих нужд восточной армии. Руководствуясь такими соображениями, начальник германского Генштаба генерал Альфред фон Шлиффен разрабатывал свой план превентивной войны⁶². До глубины души обеспокоенный складывающейся расстановкой сил и сомневающийся в способности молодого поколения политиков и дипломатов Германии справиться с теми задачами, которые она будет им подбрасывать, стареющий начальник Генштаба пришел к выводу, что рано или поздно Германской империи придется «подтвердить квалификацию» среди конкурирующих держав посредством войны и нужно сделать это поскорее, пока Россия, Франция, да и Англия, еще связаны. Шлиффен ожидал от такой войны «упрочения властных позиций империи *на континенте*, серьезнейшую угрозу которым видел... в англо-французском объединении, с Россией на заднем плане»⁶³. Тем самым он не только шел против бисмарковского совета «не заглядывать в карты провидению» и проявлял, по мнению Бисмарка, «колоссальную глупость»⁶⁴, желая, чтобы Германия, ради предотвращения возможного когда-нибудь через несколько лет нападения, сама быстренько напала на соседей и разгромила их, «пока те не пришли в себя», т. е. совершила «некоторым образом самоубийство из-за страха смерти»⁶⁵; он вдобавок отбрасывал существующую политическую лояльность и уважение к России как традиционному германскому партнеру, находя в ее временной слабости повод для сравнения положения Германии в июле 1905 г. с положением Фридриха Великого перед Семилетней войной. Он полагал, что Германию «окружает чудовищная коалиция», и призывал: «Сейчас мы можем вырваться из петли. Весь запад России недееспособен на годы; мы могли бы теперь разделаться с нашим злейшим и опаснейшим врагом – Францией»⁶⁶.

Его предложение «превентивного» удара в незащищенную спину дружественной России пока что встречало категорический отказ у императора («Нет! Я никогда не буду способен на такой поступок!»), который, когда вспыхнула революция, послал своему царственному кузену спасательную флотилию, вставшую на якорь перед его летней резиденцией в Петергофе, а в ходе встречи на императорской яхте у острова Бьёркё в рамках заключения союзного договора о защите и взаимопомощи вновь заверил его в своей дружбе, хотя уже с заметными признаками неискренности. Амбициозные молодые офицеры германского Генштаба, которым не терпелось схватиться с врагом, видели в решении императора всего лишь несвоевременную дань ложно понятым приличиям⁶⁷. Начальники секции IIIb (полковник Брозе) и русского отдела (полковник Лауэнштайн) в 1904 г. приступили к планомерной организации разведывательной службы, нацеленной преимущественно на выяснение происходящего в российской армии. Ее первая задача состояла в слежке за демобилизацией, а также преобразованием российских вооруженных сил после русско-японской войны. Затем «быстро одна за другой» стали добавляться новые задачи: «О строительстве укреплений на Неманском, Нарвском и Висленском

⁶² Ср.: Ritter G. Der Schlieffenplan: Kritik eines Mythos. München, 1956. S. 141–160 (перепечатка меморандума Шлиффена 1905 г.). Самый современный вклад в дискуссию по данному вопросу в Германии см.: Der Schlieffenplan: Analysen und Dokumente / hg. H. Ehlert u. a. Paderborn, 2006.

⁶³ Groener W. Lebenserinnerungen: Jugend. Generalstab. Weltkrieg / hg. F. Hiller von Gaertringen. Osnabrück, 1972. S. 84 ff.

⁶⁴ Речь Бисмарка 9 февраля 1876 г., см: Fürst Bismarcks Gesammelte Reden. O. O., o. J. S. 96 f.

⁶⁵ Ibid. См. также: Gasser A. Deutschlands Entschluss zum Präventivkrieg 1913/14 // Discordia Concors: Festgabe für Edgar Bonjour zu seinem siebenzigsten Geburtstag am 21. August 1968. Basel; Stuttgart, 1968. S. 180 ff. Император Вильгельм I считал «игру на опережение между государствами морально безответственной», так как она губит симпатии со стороны мирового общественного мнения; цит. по: Ibid. S. 177, Anm. 17.

⁶⁶ Шлиффен в разговоре с генерал-майором медицинской службы Хуго Рохсом «в середине лета 1905 г.», цит. по: Groener W. Lebenserinnerungen. S. 85 f.

⁶⁷ После поражения немцев в битве на Марне (сентябрь 1914 г.) шеф разведки Генштаба Хенч и командующий железнодорожными войсками в ставке Высшего командования (ВК) Грёнер с укором припомнили это решение императора: «Почему мы не ударили русским в спину во время маньчжурской кампании? Ради приличий... Поистине это скверная ликвидация политики последних 25 лет» (Ibid. S. 183).

фронтах, расширении стратегической сети железных и шоссейных дорог в западной России, перемещениях войск в Польше, использовании французских миллиардов в русском военном деле для создания новых формирований, оснащения и вооружения никак иначе узнать было нельзя»⁶⁸.

Таким образом, связанные с планом Шлиффена подготовительные работы в Большом генштабе шли вовсю, а начальник Генштаба производил кадровые и институциональные изменения, продвигавшие мобилизацию в область возможного. От них особенно выигрывали младшие офицеры, которые уже приобрели знания о России, как Эрх Людендорф, и набрались опыта в сфере мобилизации приграничных провинций, как он же, когда самостоятельно отвечал за мобилизацию к началу этой войны в штабе командования V армейского корпуса (АК) в Познани. В конце марта 1904 г. Людендорфа перевели из Познани в оперативный (2-й, или «немецкий») отдел Большого генштаба, где он во время русско-японской войны и смуты первой русской революции служил начальником I секции; в 1908 г. он возглавил весь отдел и в 1913 г. передал своему преемнику почти готовые планы на 1914 мобилизационный год.

1.2.1. Эрх Людендорф в оперативном отделе Большого генштаба

Офицеры Генштаба, отвечавшие за мобилизационный период 1905–1906 гг., разрабатывали свои планы в 1904 г. с мыслью, что «на сей раз одна и та же из года в год тяжкая работа действительно делалась для применения на практике»: «Месяц март – канун начинающегося 1 апреля нового мобилизационного года – оказался столь критичным, что все задумывались, по новому или по старому плану будет проводиться мобилизация»⁶⁹. Эрха Людендорфа вместе с ними захватили военные возможности момента; позже, оглядываясь назад, он с удовлетворением констатировал: «Война была рядом... Занятость России в боевых действиях на Дальнем Востоке в 1904 и 1905 гг. значительно облегчала наше столь серьезное, с военной точки зрения, положение между Россией и Францией»⁷⁰.

Такие настроения в Большом генштабе подогревались и русскоязычной публицистикой в Германии. А. Гельфанд-Парвус обращал внимание на исключительный шанс ослабить в военном отношении Россию, увязшую на востоке, вплоть до развала самодержавного государственного аппарата. Его статьи в «Искре» на тему «войны и революции» предсказывали разгром русской армии и рекомендовали идти в революционное наступление, дабы использовать войну для свержения русского самодержавия. Насколько ему известно, писал Парвус, «наверху» его «взгляды были подхвачены с восторгом»!⁷¹

После вступления в должность начальника секции в оперативном отделе в апреле 1904 г. Людендорф служил под началом графа Шлиффена, пока того не сменил на посту начальника Генштаба генерал фон Мольтке (31 декабря 1905 г.). Он участвовал в составлении его планов и разделял его соображения. Так, Людендорф «напряженно трудился над развертыванием войск на 1904/1905 мобилизационный год, наряду с пограничной охраной»: «Развертывание предусматривало сосредоточение всей германской армии на западной границе, оставляя на восточной границе только совсем слабую пограничную охрану. Вместе с тем оно обеспечивало возможность, ослабив западные войска, сосредоточить больше сил на востоке. Такая подготовка развертывания означала, что... Шлиффен учитывал вероятность, что Россия, несмотря на свой союз с Францией, не станет противником Германии». Однако на тот случай, если при-

⁶⁸ Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. S. 3.

⁶⁹ Goltz R., von der. Meine Sendung in Finnland und im Baltikum. Leipzig, 1920. S. 4.

⁷⁰ Ludendorff E. Mein militärischer Werdegang. S. 85.

⁷¹ ПАРВУС. Правда глаза колет! С. 8; Parvus. Im Kampf um die Wahrheit. S. 9 f.

дется развертывать войска с обеих сторон, для востока вкупе с армиями Австро-Венгрии и союзной Румынии были предназначены сравнительно мощные вооруженные силы – 20 германских дивизий и 15 бригад ландвера (против 62 дивизий и 17 бригад ландвера на западе). Группировались эти войска главным образом к востоку от Вислы, в Восточной Пруссии; от Верхней Силезии до Торна (Торуни), в местах, лично знакомых Людендорфу по прежней службе, выставлялась немногочисленная пограничная охрана. Предполагалось, что встречные мероприятия русских пограничников будут исключительно местного значения.

Людендорф считал лежащий в основе плана Шлиффена замысел как можно скорее разбить Францию до полного военного уничтожения «с военной точки зрения... в любом случае правильным». Он одобрял намерение «постараться разделаться с французским войском, даже рискуя, что обширные части Восточной Пруссии попадут в руки к русским, а австро-венгерская армия окажется в тяжелом положении». Начальник Генштаба убедил его, что не составит труда «поправить... военное положение на востоке, после того как французская армия будет разбита и в результате высвободится достаточное количество войск, которые можно будет перевезти на восток по железной дороге и пустить в дело для разрешения второй задачи войны – решающего удара по России». Сопутствующим потерям германских войск на востоке он «не придавал большого значения», поскольку был уверен в текущем превосходстве Германии: «Россия в 1904 г. и весной 1905 г. потерпела в Маньчжурии очень серьезные поражения. Ей приходилось перебрасывать в восточную Азию все больше сил. Кроме того, революция, вспыхнувшая в январе 1905 г. в Петербурге, чрезвычайно ослабила царскую империю. В любом случае на ближайший короткий отрезок времени она не являлась полноценным противником».

Исходя из этих предпосылок, Людендорф, по распоряжению Шлиффена, с ноября 1905 г. работал и над планом развертывания на 1906/1907 г., в котором воплощалась основная шлиффеновская схема, подкрепленная опытом командировки офицеров Генштаба в 1905 г.: «вся армия должна была быть развернута на западной границе», причем очень сильное правое крыло – стоять к северо-востоку от Люттиха (Льежа). Сравнительно слабое «левое крыло армии в Лотарингии получало 8–9 пехотных и резервных дивизий, а также 2–3 кавалерийские дивизии»; «на востоке выставлялась лишь весьма слабая пограничная охрана». Только в том случае, если, «вопреки ожиданиям», понадобилось бы выступление против России, следовало взять предназначенные для этого войсковые части, «естественно... из западных районов развертывания».

Отказ императора от плана Шлиффена, отставка старого начальника Генштаба в конце 1905 г., которую в штабе связывали в том числе с отклонением его плана «превентивной войны» императором, подтвердившим у Бьёркё нерушимость союза двух монархов и убежденность, что «царь – “германофил” и воевать с Германией не намерен»⁷², остудили надежды сторонников такой войны, включая Людендорфа, на скорый первый удар с целью уничтожения французской военной мощи. В несколько более отдаленном будущем заинтересованные ведомства признавали неизбежность крупного конфликта с Россией; Коронный совет 13 февраля 1906 г. обсуждал следующие вопросы: «*Финансовая подготовка к войне в Германии; ее состояние в России и Франции*»⁷³. Людендорф после смены руководства Генштаба на рубеже 1905–1906 гг. продолжал заниматься вопросами развертывания войск и полагал, что Шлиффен даже после отставки хотел увидеть, как за его план «ухватятся, когда политическое положение вследствие усиления России и масштабнейших вооружений Франции снова разительно изменится к худшему для Германии»⁷⁴. О предотвращении возникающих в связи с этим опас-

⁷² Ludendorff E. Mein militärischer Werdegang. S. 96 f., 98.

⁷³ Ср.: Acta Borussica, Neue Folge. Reihe 1: Die Protokolle des Preussischen Staatsministeriums, 1817–1934/38. Hildesheim: Olms-Weidmann, 2001. Nr. 131. S. 168.

⁷⁴ Ludendorff E. Mein militärischer Werdegang. S. 98.

ностей отделам Большого генштаба, ответственным за русское направление, нужно было позаботиться и другими, не чисто военными средствами. Пример им показали японцы.

1.2.2. Ленин на службе у японского Генштаба

Обстреляв русскую Тихоокеанскую эскадру и открыв боевые действия на море и на суше, японский Генштаб стал искать возможности атаковать и ослабить российского противника изнутри. Он подхватил идеи польско-русских националистов из австрийской эмиграции: создать второй фронт на западе Российской империи, взбунтовав русско-польское население, спровоцировать мятежи против русского самодержавия на севере (Финляндия) и юге (Кавказ) европейской части России, мешать мобилизации в глубине страны посредством крестьянских бунтов и перерезать линии снабжения русской армии с помощью диверсий и саботажа. Цель этих устремлений заключалась в том, чтобы вызвать во всей империи вооруженное восстание, которое приведет к ослаблению российской военной мощи и свержению Романовых.

Сбором и финансированием⁷⁵ оппозиционных сил Российской империи, их вооружением для планируемого массового восстания ведал офицер японской разведки, бывший военный атташе в Петербурге (1902–1904) полковник Мотодзиро Акаси⁷⁶. За годы петербургской службы он установил контакты с революционерами-подпольщиками, а после разрыва дипломатических отношений между двумя странами вместе с персоналом японского посольства уехал через Берлин в Стокгольм, где связался с вождями всероссийских революционных партий в эмиграции. Так как заинтересованные в сотрудничестве с японским Генштабом лидеры польского национального сопротивления Роман Дмовский (Польская национальная лига) и Юзеф Пилсудский (Польская социалистическая партия, ППС), явившись в Токио с предложением своих услуг, встретили довольно сдержанное отношение в Министерстве иностранных дел и Генеральном штабе, Акаси сосредоточил усилия в первую очередь на финском социал-демократе Конраде (Конни) Циллиакусе⁷⁷ (Партия активного сопротивления) и грузине Г. Г. Деканозове (Деканози, Деканозишвили), одном из руководителей партии грузинских социалистов-федералистов. С их привлечения началось планомерное использование открытых врагов российского государства – националистических деятелей с его окраин и всероссийских революционеров, преимущественно из партии эсеров, в меньшей степени из социал-демократов, – находившихся как в российском подполье, так и в странах эмиграции⁷⁸. Когда Токио благодаря победе над Российской империей в 1905 г. вошел в круг великих держав, его военная разведка в систематической работе с внутренними врагами русского самодержавия опережала разведку центральных держав на целое десятилетие⁷⁹.

⁷⁵ По сравнительно недавним подсчетам российских специалистов, японский Генштаб истратил на это как минимум 1 млн иен (т. е. по курсу 1911 г. – свыше 5 млрд иен или 40 млн долларов); см.: Павлов Д. Б. Японские деньги для первой русской революции. М., 1991. С. 182.

⁷⁶ Переписка Акаси по этим вопросам с японским Генеральным штабом считается (как и соответствующие секретные материалы) уничтоженной с конца Второй мировой войны. Сохранилась одна сделанная в 1930-е гг. копия сводного отчета Акаси о работе за 1906 г., который был представлен в трех экземплярах. Этот отчет под названием «Ракка рюсуи» опубликован в отрывках в переводе на английский язык и составляет основу для исследований: Akasi M. Rakka ryusui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War: Selected chapters trans. by I. Chiharu and ed. by O. K. Falt, A. Kujala. Helsinki, 1988 (далее – Rr).

⁷⁷ Ср.: Zilliacus K. Das revolutionäre Russland. Frankfurt a. M., 1905. S. 366 ff. (о «брожении» внутри России и препятствовании мобилизации русских резервистов).

⁷⁸ Об этом сотрудничестве стало известно в июне 1906 г. благодаря публикации оригинальных документов издателем А. С. Сувориным: Изнанка революции: Вооруженное восстание в России на японские средства. СПб., 1906. Современную российскую точку зрения см., напр.: Старков Б. Охотники на шпионов. С. 92–94, 137–139; Павлов Д. Б., Петров С. А. Полковник Акаси и освободительное движение в России (1904–1905) // История СССР. 1990. № 6. С. 50–71.

⁷⁹ О японском примере как образце для разведслужб центральных держав см. в т. ч.: Futrell M. Northern Underground: Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland, 1863–1917. London, 1963. P. 66 ff., 205 ff. (и др.); Possony S. T. Lenin. S. 111 ff.

Сохранившиеся и опубликованные отчеты Акаси раскрывают лишь часть деятельности Ленина и его товарищей под японским руководством и не содержат сведений о потраченных на них (и поступивших конкретно Ленину) средствах. Тем не менее они добавляют существенные аспекты к знаниям о характере и объеме его революционных устремлений в этот первый период войны и революции. Акаси внес Ленина как «русского, одного из руководителей Социал-демократической партии»⁸⁰ в список замешанных в коллаборационизме лиц и партий и охарактеризовал его группу в российской «Социал-демократической партии, с.-д.» следующим образом: «Радикальное крыло этой партии, группа Ленина, торжественно объявляет о поддержке революционного движения против российского правительства, где только можно, хотя в объединенное оппозиционное движение не вступила. Многие представители этой фракции действительно вооружились, раздобыв револьверы. В ходе беспорядков 22 января 1905 г. (“Кровавое воскресенье” в Петербурге) Гапона прославила главным образом косвенная помощь этой партии»⁸¹.

В утраченных частях документации Акаси содержалась дальнейшая информация о его сотрудничестве с Лениным. Из нее следовало, что Акаси лично встречался с Лениным в Женеве в июле 1904 г.⁸² Это произошло в то время, когда Ленин, погрязший во внутривнутрипартийных склоках и очутившийся в безнадежной политической изоляции⁸³, переживал депрессию, выказывал симптомы различных заболеваний и остро нуждался в деньгах. Акаси тоже находился в особо восприимчивом настроении: возлагая надежды на российские массовые партии (и переоценивая численность коллаборационистских партий раз в десять!), он приехал в Женеву, чтобы самолично склонить к совместной работе вождя русской социал-демократии Г. В. Плеханова. Плеханов попытки японца категорически пресек. Вместе с ним большинство русских социал-демократов со всей решительностью отказались сотрудничать с врагом России. Компенсацию за постигшую его неудачу Акаси нашел в лице радикального предводителя маленькой большевистской группировки эсдеков – Ленина. Как сообщал полковник в свое токийское ведомство, в ожесточенном борце-одиночке, которого «другие социалисты... считают негодяем, который не гнушается никакими средствами ради достижения своей цели», он увидел подходящего человека, чтобы революционизировать Россию. Вот его отзыв о лидере большевиков: «В действительности он честен и отнюдь не эгоистичен. За свои принципы он отдаст все. Ленин – тот человек, который может совершить революцию»⁸⁴.

Хотя прямых доказательств пока нет, считается, что Ленин принял предложение Акаси⁸⁵. Ведь вскоре он сумел на средства, появление которых встревожило Заграничную агентуру рус-

⁸⁰ Rr. P. 30.

⁸¹ Ibid. P. 24.

⁸² Possony S. T. Lenin. S. 111. Поссоны опирался на данные японских исследователей 1920–1930-х гг., которые видели соответствующие документы до их уничтожения: Ibid. S. 559, Anm. 8.

⁸³ Конфликты с внутривнутрипартийными противниками (см. «Шаг вперед, два шага назад. Кризис в нашей партии») держали Ленина в напряжении целых три месяца (с февраля по май 1904 г.).

⁸⁴ Цит. по: Possony S. T. Lenin. S. 112 (со ссылкой: Komori T. Akaschi Motojiro. Taipeh, 1928. Vol. I. P. 142).

⁸⁵ В качестве косвенного доказательства приводится внезапно изменившееся финансовое положение Ленина. Кроме того, Плеханов в 1915 г. в Женеве со ссылкой на «признания» В. Д. Бонч-Бруевича подчеркнул, что «уже во время русско-японской войны ленинский центр не брезговал помощью японского правительства» (запись Г. А. Алексинского о разговоре с Плехановым в июле 1915 г. в Женеве, опубликована Сэмюэлом Бароном: International Review of Social History. 1981. Vol. 26. No. 3. P. 347). Леонард Шапиро (Schapiro L. Die Geschichte der Kommunistischen Partei der Sowjetunion. Berlin, 1962. S. 74, 644) еще отмечал, что «нет ясности, откуда взялись средства». Потом Поссоны сумел найти в Японии свидетельства о расходах на покупку оружия, финансирование покушений и субсидирование мятежа на броненосце «Потемкин» (Rr. P. 46), а также японские источники, согласно которым и Ленин получил «приличную сумму» (Possony S. T. Lenin. S. 559, Anm. 8, 9, 11). К. Циллиакус, как «секретарь» Акаси распределявший средства (систематически утаивая их происхождение), сказал по этому поводу, что «половина людей, получающих деньги от японцев... не знают, откуда они, а другим... все равно»; его слова были отнесены соответственно к Гапону и Ленину, см.: Ibid. S. 118. Российский военный историк Д. А. Волкогонов изучил весь комплекс финансовых связей Ленина по неизвестным документам из его наследия и основательно развенчал миф о бескорыстном партийном пуританине: Wolkogonow D. Lenin: Utopie und Terror. Düsseldorf, 1994. S. 54 ff. («Geheime Geldangelegenheiten»).

ской охраны и возмутило его меньшевистских партнеров, устроить в Женеве партийную конференцию и создать новое, дорогостоящее печатное предприятие, вопреки уставу, не раскрыв источники его финансирования товарищам меньшевикам. Пропагандистская газета Ленина, пророчившая поражение России и подстрекавшая к вооруженному восстанию во имя свержения самодержавия, выходила с 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.) под названием «Вперед», а в мае 1905 г. была переименована в «Пролетарий»⁸⁶. В ее редакцию, возглавляемую русско-польским большевиком В. В. Воровским (партийный псевдоним: П. Орловский), входили русские товарищи М. С. Ольминский (партийный псевдоним М. С. Александрова) и А. В. Луначарский; «Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, заведовавший всей хозяйственной частью, непрерывно сиял, строил разные грандиозные планы, возился с типографией»⁸⁷. Этих ближайших соратников Ленина во времена его сотрудничества с японским Генштабом не смущало, что он, во вред подвергшейся нападению родине, выполняет диверсионные задания, которые влекут за собой смерть ее солдат и мирных жителей. Тем самым они прошли проверку на пригодность к участию в дальнейших ленинских отношениях с германским Генеральным штабом: Воровский с апреля 1917 г. в заграничном представительстве ЦК РСДРП в Стокгольме вместе с К. Б. Радеком стал связным Ленина с германскими ставкой Высшего командования и Министерством иностранных дел; Ольминский в годы мировой войны по рекомендации Ленина издавал в Саратове финансируемую немцами пораженческую «Нашу газету». Владимир Бонч-Бруевич, правая рука Ленина среди верных сподвижников русской национальности, в 1905–1907 гг. входил в теснейший ленинский круг, с территории русской Финляндии руководивший работой в обеих столицах и промышленных районах Российской империи. При бегстве Ленина из России на рубеже 1907–1908 гг. Бонч-Бруевич остался его связным в Петербурге: здесь он поддерживал регулярные контакты со своим братом Михаилом – офицером Генштаба, сотрудником русской контрразведки сначала в Киеве, затем в столице, – которого лично познакомил с Лениным и который постоянно осведомлял его о происходящем в российском Генеральном штабе и снабжал конфиденциальными материалами. Даже во время Первой мировой войны генерал Бонч-Бруевич предоставил брату секретные военные документы, опубликованные Лениным в Швейцарии в своем «Сборнике социал-демократа»⁸⁸. В. Д. Бонч-Бруевич в Петербурге благодаря научной деятельности в Академии наук стал признанным специалистом по русскому сектантству. Ленина тут главным образом интересовала экономически влиятельная группа староверов – он не раз предпринимал попытки заполучить в распоряжение своей партии их капиталы и наследства, но его товарищу Бонч-Бруевичу данная специальность также открыла двери к другим социальным и политическим группировкам: в 1912 г. он в качестве эксперта по хлыстовским сектам встал на защиту Распутина, когда тому грозил общественный остракизм. Он сам познакомился с Распутиным и в получившем широкую известность письме издателю «Современника»⁸⁹ выступил против распространявшегося мнения, будто Распутин – хлыстовец. Бонч-Бруевич подробно опроверг слухи о неправославной, безнравственной религиозной практике «старца» и реабилитировал его как «абсолютно убежденного» и высоконравственного православного христианина. В начале 1917 г. глубокое знание староверчества дало ему ключ к сближению со староверами среди казаков, чьих действий в роли сил быстрого реагирования на стороне царя большевистские повстанцы и подпольщики

⁸⁶ «Пролетарий» выходил с 14 (27) мая по 12 (25) ноября 1905 г. в Женеве на русском языке как центральный орган РСДРП.

⁸⁷ Krupskaja N. Erinnerungen an Lenin. S. 137.

⁸⁸ Когда М. Д. Бонч-Бруевич в 1916 г. служил начальником штаба Северного фронта под командованием генерала Рузского, Ленин опубликовал в «Сборнике социал-демократа» секретные документы за подписью обоих военачальников; см.: Katkov G. Russia 1917: The February Revolution. London, 1967. P. 128 f., n. 4.

⁸⁹ Бонч-Бруевич В. Како веруеши? По поводу толков о сектантстве Г. Е. Распутина-Новых // Современник. 1912. № 3. С. 356. Ср.: Katkov G. Russia 1917. P. 205 f.

особенно опасались. В том числе и благодаря этому часть полков кубанских казаков, направленных командующим войсками Петроградского военного округа С. С. Хабаловым наводить порядок в столице, в стратегически важных пунктах города отказалась стрелять по демонстрантам, помогая тем самым победе Февральской революции⁹⁰. Наконец, после захвата власти Лениным В. Д. Бонч-Бруевич, как его личный секретарь и управляющий делами Совета народных комиссаров, рука об руку с братом был одним из главных участников военного сотрудничества с германским Высшим командованием.

Когда Ленин соглашался с предложением Акаси, он преследовал собственные интересы, желая использовать русско-японскую войну для борьбы с самодержавием. С начала конфликта он пропагандировал надежду, что война в случае поражения России повлечет за собой развал всей системы правления⁹¹. В первомайской листовке он осудил «преступное и разбойническое царское самодержавие», апеллируя к «международной революционной социал-демократии»⁹². Российских читателей он звал на решительный бой с «внутренним врагом» – самодержавием, которое развязало войну с Японией своими преступлениями и потому обречено на гибель. Он вменял в обязанность «всем сознательным пролетариям России» протестовать «против этой безумной и разорительной войны», считая, что «старая Россия» уже умирает.

Ленин не ограничивался воззваниями. Еще до вербовочной поездки Акаси в Швейцарию он принял собственное, идущее вразрез с общепартийным курсом решение о сотрудничестве с японцами и завязал первые контакты с ними через своего секретаря Бонч-Бруевича. Когда еженедельная газета японских социалистов «Хэймин симбун» в марте 1904 г. призвала российских социал-демократов к «совместной героической борьбе» против русского шовинизма и милитаризма, Ленин поручил Бонч-Бруевичу как заведующему экспедицией (отделом распространения) РСДРП сделать японским социалистам некое предложение. Тот обратился в газету с просьбой помочь в доставке социал-демократической литературы российским военнопленным в Японии, найдя самый горячий отклик. Газета напечатала его письмо и переправила поступившую в начале июня 1904 г. по окольным (японским) каналам из Женевы (через Вену) ленинскую литературу адресатам. В начале июля она уведомила его о приходе литературы к месту назначения. Для ее отправки Бонч-Бруевич должен был связаться с одним японским дипломатом. Лидер меньшевиков Ю. О. Мартов раскрыл эту связь и поставил Бонч-Бруевичу в вину отношения с японским правительственным агентом в Вене⁹³. Гнев меньшевиков излился не столько на Ленина, сколько на Бонч-Бруевича, чья репутация надолго пострадала (с тех пор у русских эмигрантов вошло в обиход новоизобретенное словечко «сбончить» как синоним к «обмануть», «передернуть»⁹⁴). Еще в июле 1904 г. меньшевистский ЦК категорически потребовал прекратить «высылку партийной литературы токийскому правительству как компрометирующую партию»⁹⁵. Чуть позже он постановил отстранить Бонч-Бруевича от заведования экспедицией.

Встреча Ленина с Акаси углубила уже существующие, направленные на агитацию среди русских военнопленных, контакты большевистского лидера с Токио, выведя их на уровень общей пропагандистско-революционной борьбы. Она неожиданно стимулировала обоих

⁹⁰ Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930. С. 72–74.

⁹¹ Павлов Д. Б. Японские деньги для первой русской революции. С. 74.

⁹² Ленин В. И. Первое мая // Сочинения. 3-е изд. / под ред. Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. М.; Л., 1930. Т. 4. С. 337–338. Московский комитет РСДРП перепечатал эту прокламацию под названием «Майский праздник», опустив слова «Долой преступное и разбойническое царское самодержавие!», и распространял внутри страны (Там же. С. 441, примеч. 112).

⁹³ Позднейшие исследования показали, что отсылка литературы в Японию в экспедиции РСДРП никак не документирована и, возможно, служила Бонч-Бруевичу прикрытием для обмена гораздо более значительными услугами; ср.: Павлов Д. Б. Японские деньги для первой русской революции. С. 88.

⁹⁴ См.: Там же. С. 89, примеч. 2.

⁹⁵ Там же. С. 83 (со ссылкой: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 246. Л. 1).

неравноправных партнеров: Акаси нашел в Ленине творца планируемой революции, а сам, в свою очередь, помог Ленину обрести новый, заразительный боевой дух. Пусть Ленин потом по тактическим соображениям избегал близости к Акаси и ведущим агитацию при поддержке японцев русским революционерам (не принял участия в финансируемой на японские средства первой конференции оппозиционного движения 30 сентября – 4 октября 1904 г. в Париже, вторую конференцию, состоявшуюся 2–8 апреля 1905 г. в Женеве, под разными предлогами покинул вскоре после открытия), но как самый пламенный русский пропагандист с беспощадной откровенностью отстаивал военные цели японского Генштаба. В первом же номере своей газеты «Вперед»⁹⁶ он поставил русскому пролетариату «серьезнейшую задачу»: «Самодержавие колеблется. Тяжелая и безнадежная война, в которую оно бросилось, подорвала глубоко основы его власти и господства... Пролетариат должен воспользоваться необыкновенно выгодным для него политическим положением. Пролетариат должен поддержать конституционное движение буржуазии, встряхнуть и сколотить вокруг себя как можно более широкие слои эксплуатируемых народных масс, собрать все свои силы и *поднять восстание в момент наибольшего правительственного отчаяния, в момент наибольшего народного возбуждения* [курсив мой. – Е. И. Ф.]». Ленин подчеркивал: «Развитие политического кризиса в России всего более зависит теперь от хода войны с Японией. Эта война всего более разоблачила и разоблачает гнилость самодержавия, всего более обессиливает его в финансовом и военном отношении, всего более истерзывает и толкает на восстание пострадавшие народные массы, от которых эта преступная и позорная война требует таких бесконечных жертв». Правда, в своем стремлении разжечь революционную искру в России он сильно опережал развитие событий на фронте, о котором судил по сообщениям немецкой и английской прессы, утверждая: «Самодержавная Россия разбита уже конституционной Японией... Лучшая часть русского флота уже истреблена, положение Порт-Артура безнадежно... Главная армия с Куропаткиным во главе потеряла более 200 000 человек, обессилена и стоит беспомощно перед неприятелем, который неминуемо раздавит ее после взятия Порт-Артура. Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удесятерение недовольства, брожения и возмущения». Однако через несколько месяцев тяжелейших боев и огромных потерь с обеих сторон его убийственный прогноз до известной степени оправдался. А до тех пор оставалось в силе его требование: «К этому моменту должны мы готовиться со всей энергией. В этот момент одна из тех вспышек, которые все чаще повторяются то здесь, то там, поведет к громадному народному движению. В этот момент пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы отвоевать свободу всему народу...»

Когда в Женеву пришло известие о капитуляции Порт-Артура (2 января 1905 г.), Ленин воспользовался поводом ускорить наступление «момента наибольшего народного возбуждения», пропагандистски преувеличив драматичность происходящего, хотя русские сухопутные войска еще располагали неисчерпаемыми резервами и отнюдь не были разбиты, русский флот летом получил значительные подкрепления, и русским вооруженным силам только предстояли решающие сражения – большое сухопутное (Мукденское, 21 февраля – 11 марта 1905 г.) и важнейшее морское (Цусимское, 27 мая 1905 г.), – исход которых пока оставался неведом. В то время как растерянное сдачей незамерзающей гавани Порт-Артур ее комендантом генералом А. М. Стесселем российское правительство и потрясенная поспешной капитуляцией российская общественность искали виновных (генерала Стесселя в 1908 г. приговорили к смерти, однако помиловали, заменив смертную казнь десятью годами заключения в крепости, а в 1909 г. амнистировали), Ленин в статье «Падение Порт-Артура»⁹⁷ уже праздновал близость всеобщего восстания. Он приветствовал сдачу русской крепости как «катастрофу правящей и

⁹⁶ Ленин В. И. Самодержавие и пролетариат // Вперед. 1904. 22 дек. (1905. 4 янв.). Перепеч.: Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 7. С. 26–34.

⁹⁷ Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Вперед. 1905. 1 (14) янв. Перепеч.: Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 7. С. 44–50.

командующей России... нашего злейшего врага» и обещал себе и своим русским читателям в результате «ускорение социальной революции пролетариата». Согласно его тенденциозному толкованию этого события пролетариат мог «радоваться»: «Катастрофа... означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата... А если последует серьезный революционный взрыв, то более чем сомнительно, чтобы с ним сладило самодержавие, ослабленное войной на Дальнем Востоке».

По собственному произволу предвосхищая желанный революционный момент, он использовал возникший кризис, чтобы через своих связных в Петербурге предпринять первую попытку разжечь всеобщее восстание. Так как численность его партии в столице была ничтожно мала (всего 150–200 чел.), он искал для ее деятелей возможность влиться в какое-нибудь более широкое движение (уже в своей первой статье в газете «Вперед» призвал «пролетариев» «поддерживать» либеральное движение, т. е. проникать и внедряться в него). Подобную возможность предоставило ему шествие с петицией, организованное русским священником и социальным реформатором Гапоном.

1.2.2.1. Инфильтрация гапоновского движения

Харизматичный русский православный священник Г. А. Гапон («поп Гапон»⁹⁸, 1870–1906), крещеный еврей⁹⁹, сын волостного писаря из села Белики Кобелякского уезда Полтавской губернии, человек впечатляющей наружности и большого ораторского таланта, задумал, ради примирения с царем промышленного пролетариата столичных оружейных заводов, на котором тяжело сказывался неудачный ход войны, в обход рогаток русской бюрократии устроить шествие к Зимнему дворцу. Гапон имел некоторые предпосылки для надежды на счастливый исход своего предприятия. Бывший толстовец, он собственными силами дошел от работы земским статистиком до сана священника (рукоположен в 1896 г.), а после ранней смерти жены переехал в Петербург, где в 1898 г. поступил в духовную академию по личной протекции председателя Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Во время учебы он старался разговаривать с рабочими из фабричных предместий и понял острую необходимость решения рабочего вопроса. В 1901 г. он завязал знакомство с начальником Московского охранного отделения С. В. Зубатовым, который как радикальный народник 1880-х гг. внимательно относился к нуждам пролетариата, а как полицейский чиновник составил программу организации христианского профсоюзного движения. С согласия Департамента полиции Министерства внутренних дел Гапон стал по примеру народников создавать кружки для религиозно-культурного просвещения заводских рабочих, которые вследствие миграции из деревни в город попали в чуждую среду и лишились привычных ориентиров. Эти кружки за короткое время зарекомендовали себя настолько хорошо, что Гапон подал министру финансов С. Ю. Витте прошение об их легализации, и в 1902 г. Министерство внутренних дел на этой базе основало поощряемые и контролируемые государством профсоюзы – перспективную альтернативу революционному движению, которую большевики именно поэтому резко осуждали, борясь против «полицейского социализма» «зубатовщины». Окончив духовную академию в 1903 г., Гапон при поддержке петербургского градоначальника И. А. Фуллона и председателя Совета министров

⁹⁸ См.: Гапон // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия (БЭКМ). М., 2009. Эта статья представляет собой набор большевистских и советских общих мест, которые повторяются большинством историков, даже меньшевиком Б. И. Николаевским (в «Азеефе»). Сам Гапон в 1905 г. опубликовал за границей «Историю моей жизни» («The Story of My Life»).

⁹⁹ См.: Meyers Lexikon. 7. Aufl. Leipzig, 1926. Bd. 4. Sp. 1415 f. Еврейское происхождение Гапона неоспорно. Некто Никифоров (без инициалов, так что, возможно, это псевдоним) говорит о нем в своей брошюре «Правда о священнике Гапоне» (СПб., 1906. С. 4–5), Владимир Хазан (Хазан В. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту. М.; Иерусалим, 2008. Т. 1. С. 185, примеч. 19) отмечает эти утверждения как «антисемитскую фантазмагорию». Внешность Гапона была средиземноморского типа, его публичные выступления в защиту бедных и неправых (в том числе и притесняемых русских евреев) соответствовали библейским заповедям.

Витте добился у министра внутренних дел В. К. Плеве утверждения устава «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», которое субсидировалось Министерством внутренних дел. К концу 1904 г. «Собрание», насчитывавшее около 9 тыс. членов и десяток местных отделов, представляло собой хорошо организованное профсоюзное движение; о его силе и сплоченности маленькая сектантская ячейка петербургских большевиков могла только мечтать. Не желая, чтобы государственная опека компрометировала его детище, священник старался освободить его от надзора полиции. По примеру кампании петиций, устроенной земцами-либералами из «Союза освобождения», с которыми у Гапона были связи, он на рубеже 1904–1905 гг. задумал петицию от петербургских рабочих царю – главе Русской православной церкви, т. е. своему высшему начальнику. Капитуляция Порт-Артура и последующие волнения рабочих-оружейников Путиловского завода, чьи радикальные вожаки призывали пролетариат ко всеобщей забастовке, заставили его назначить подачу петиции на воскресенье 9 (22) января 1905 г. в стремлении предупредить ожидаемые массовые беспорядки¹⁰⁰.

В политических кругах Петербурга его планы не остались тайной¹⁰¹. Либеральная общественность проявила сочувствие, умеренно либеральные представители правительства пытались помочь, деятели революционных партий отнеслись к ним настороженно (меньшевики и эсеры) или враждебно (большевики). Накануне событий группа известных либералов при посредничестве графа Витте обратилась к министру внутренних дел князю П. Н. Святополк-Мирскому с просьбой оказать мирному шествию рабочих подобающий прием. Товарищ министра Рыдзевский уведомил их, что, по имеющимся у него сведениям, цель шествия – вызвать революцию и учредить «временное правительство России». Министерству якобы стало известно, что участникам шествия раздадут много оружия и среди них будут боевики революционных партий с целью покушения на государя. Рыдзевский посоветовал либералам убедить рабочих не идти к Зимнему дворцу, но ему сообщили, что их решение бесповоротно и отговаривать их бессмысленно¹⁰².

Акаси в отчете начальству подтвердил высказывание товарища министра внутренних дел и добавил важные детали: по его словам, священник Гапон, вступивший в Петербурге в союз с Максимом Горьким и другими социал-демократами, по их наущению обманул или ввел в заблуждение полицию, а сам связывал с планируемой демонстрацией политические цели, идущие гораздо дальше, чем могли бы позволить власти¹⁰³. Это сообщение противоречило мнению хорошо информированного финско-русского социал-демократа К. Циллиакуса о Гапоне как «скромном, идеалистически настроенном и восторженно преданном рабочему делу священнике»¹⁰⁴. Идея обмана, толкавшего его движение с реформистского на революционный путь, была совсем не в его духе; ее, как верно заметил Акаси, привнесли в подготовку мероприятия сторонники Ленина (к числу которых в то время принадлежал и Горький).

Товарищ Ленина, впоследствии нарком путей сообщения В. И. Невский в 1922 г. с необычайной откровенностью¹⁰⁵ поведал о том, как ленинские сторонники приобрели влияние в гапоновской организации и превратили его реформистское движение в революционно-террористическое предприятие. Рассказ Невского не смог поколебать уже прочно утвердив-

¹⁰⁰ «Не допустить революции... и... достичь желанных реформ мирным путем» (Zilliacus K. Das revolutionäre Russland. S. 375).

¹⁰¹ Об интересе общественности см.: Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991 [репринт парижского издания 1930 г.]. С. 165–167.

¹⁰² Об этом писал Ленин со ссылкой на корреспондента «Дейли телеграф» Диллона: Ленин В. И. Трепов хозяйничает // Вперед. 1905. 25 янв. (7 февр.). Перепеч.: В. И. Ленин и А. М. Горький: Письма, воспоминания, документы. М., 1969. С. 230–231.

¹⁰³ Possony S. T. Lenin. S. 116.

¹⁰⁴ Zilliacus K. Das revolutionäre Russland. S. 374.

¹⁰⁵ Откровения Невского обнаружил в Германии Горький: Gorki M. Der 9. Januar: Die Ereignisse in Petersburg am 9. Januar 1905. Mit Einleitung, Anhang und 7 Bildern. Berlin, 1926. S. 9 ff.

шийся миф о «Кровавом воскресеньи на Неве»¹⁰⁶. Тем не менее он поэтапно обрисовывает, как первоначальный план «отца Гапона» из-за вмешательства «революционной организации» извращался, его инициатива перехватывалась и мирное шествие просителей преобразалось в политическую демонстрацию с целью поднять вооруженное восстание ради создания некоего временного революционного правительства.

За несколько дней, когда между Лениным в Женеве и его товарищами в Петербурге наблюдались оживленные сношения¹⁰⁷, у священника-организатора отобрали контроль над его приверженцами и их шествием с петицией. 3 января по старому стилю Гапон вместе с рабочими-путиловцами составил перечень социальных требований и, возглавив рабочую депутацию, 4 января передал его директору завода. Если бы администрация мощнейшего военно-промышленного предприятия столицы приняла данные требования: введение 8-часового рабочего дня, работы в три смены, отмена сверхурочных, повышение платы чернорабочим, улучшение санитарных условий и бесплатная медицинская помощь заболевшим рабочим – это могло бы парализовать объявленную всеобщую забастовку и успокоить массу рабочих. Их не отвергли категорически. Встреча с правлением акционеров Путиловского завода 5 января хоть и не дала немедленных результатов, однако позволила надеяться на сближение позиций. Стараясь помешать рабочим договориться с заводской администрацией, среди них стали распространять социал-демократические прокламации. Но Гапон советовал «листовок этих не читать, а уничтожать, разбрасывателей же гнать и никаких политических вопросов не затрагивать». Тогда члены «революционной организации» сделали ставку на доверчивость священника и недостаток у него опыта общения с радикальным ядром революционной партии, рассчитывая, по словам Невского, что «Гапон неопытен в стачечной борьбе и поддастся течению событий». Они знали, что священник доверяет своим сторонникам и пользуется «неслыханным, колоссальным авторитетом у петербургских рабочих масс». Чтобы добиться влияния на эти массы и осуществляемые Гапоном приготовления, «революционной организации» следовало вместе с массами подмять под себя их предводителя. Несмотря на сопротивление большинства рабочих, которые угрожали распространителям прокламаций и выгоняли радикальных ораторов со своих собраний, небольшая группа революционеров открыто вмешалась в подготовку акции, «своими попытками... захватить руководство движением» вынуждая «самого Гапона с ними считаться». Дабы не выпустить из рук свое движение и защитить рабочих от использования в чужих интересах, он согласился провести совместное заседание с «революционной организацией». На этом заседании 7 января представители Ленина вырвали у него разрешение на участие их людей в шествии (упомянутый Акаси «союз» священника с социал-демократами ленинской фракции). Он также, видимо уже под сильным давлением, дал согласие на переход к более радикальным действиям, если царь не примет петицию, и все же просил, «пока демонстрация сохраняет мирный характер передачи прошения, не вносить в нее ничего революционного – не выбрасывать красных флагов и не кричать “долой самодержавие”». Невский утверждал: «На это социал-демократам пришлось пойти, потому что большая масса рабочих действительно была настроена мирно».

Видя опасность превращения своего движения в чужое орудие, Гапон, полный решимости оставить шествие мирным, в субботу 8 января направил царю умоляющее письмо. Он предупредил царя, что тому не говорят правды о настроении рабочих, и заклинал обязательно

¹⁰⁶ Даже уважаемый историк Б. А. Старков и другие авторы «Подлинной истории РСДРП – РКП(б) – ВКП(б)» (М., 2010) придерживаются устаревшей большевистской версии.

¹⁰⁷ 29 января 1905 г. Ленин в письме петербургскому секретарю бюро комитетов большинства С. И. Гусеву (Драбкину) задним числом возмущался скудным поступлением писем от петербургских корреспондентов: дескать, А. А. Богданов за месяц написал ему два письма, сам Гусев за десять дней – шесть писем, и у него теперь нет «корреспонденций хороших и обильных о 9-ом января»: Ленин В. И. Секретарю бюро комитетов большинства // Сочинения. 3-е изд. Т. 28. С. 452. Предыдущая переписка также касалась этого события.

выйти на следующий день к народу: «Если Ты... не покажешься... и если прольется неповинная кровь, то порвется та нравственная связь, которая до сих пор еще существует между Тобой и Твоим народом. Доверие, которое он питает к Тебе, навсегда исчезнет. Явись же завтра с мужественным сердцем пред Твоим народом и прими с открытой душой нашу смиренную петицию. Я... и мои мужественные товарищи... гарантируем неприкосновенность Твоей особы».

К выработке обсуждавшегося и утверждавшегося вместе с рабочими окончательного варианта «Всепопданнейшего адреса рабочих Петербурга»¹⁰⁸, который предстояло вручить царю днем 9 января на площади перед Зимним дворцом, в последнюю минуту подключился друг и земляк Гапона из Полтавской губернии, эсер, инженер Путиловского завода Пинхас Рутенберг¹⁰⁹. Под его влиянием политические требования в петиции получили перевес над социальными, хотя все равно не вышли за рамки общедемократических чаяний того времени (ленинское «временное правительство» туда не попало). Помимо демократических требований выборов учредительного собрания по т. н. четырехчленной формуле (всеобщим, равным, тайным и прямым голосованием), предоставления демократических свобод, срочного созыва народных представителей от всех классов и сословий империи, включая рабочих, в гапоновский перечень с подачи Рутенберга вошли чисто эсеровские меры против бесправия народа (амнистия, объявление свободы и неприкосновенности личности, равенство перед законом, ответственность министров), а также меры против народной нищеты (в том числе гарантия исполнения военных заказов в России, а не за границей и прекращения войны по воле народа) и против гнета капитала над трудом. Подобные требования в тот период выдвигали различные движения и партии. Отдельные формулировки говорят о тяготении авторов к либеральной программе «Союза освобождения»¹¹⁰.

Зная о проникновении в ряды демонстрантов боевиков революционных партий, замышляющих переворот и убийство царя, Николай II предпочел уклониться от ответственности православного правителя. Вместо того чтобы принять шествие с надлежащими мерами безопасности, он провел воскресенье со своей семьей в Царском Селе, оставив в Зимнем дворце невнятные распоряжения¹¹¹. Когда спустя несколько дней он захотел исправить ошибку и продемонстрировал избранному кружку рабочих внимание к их нуждам, момент был уже упущен. Весной и летом самодержец беспомощно наблюдал, как движение «Кровавого воскресенья» ширится по всей стране, и манифестом 17 (30) октября 1905 г. вынужденно предоставил своим подданным свободы, которые мог бы даровать в январе в качестве продуманного акта великодушия.

¹⁰⁸ Gorki M. Der 9. Januar. S. 9, 11, 13, 14, 11, 60 ff.

¹⁰⁹ Пинхас (Петр Моисеевич) Рутенберг (1879–1942), уроженец г. Ромны Полтавской губернии, выпускник Петербургского технологического института, первоначально социал-демократ, позже стал сионистом (как большинство образованных ромненских евреев, включая раввина Элиезера Арлозорова) и заложил основу современной системы электроснабжения Израиля. Рутенберг сопровождал Гапона на демонстрацию, а потом за границу, представил друзьям меньшевикам, один из которых, П. Б. Аксельрод (1850–1928), приютил его в своем женевском доме. Рутенберг присутствовал при разговорах, которые Гапон вел в Париже (с Жаном Жоресом и Жоржем Клемансо) и Лондоне (с князем Кропоткиным), и познакомил его с эсеровским лидером в эмиграции В. М. Черновым. О Рутенберге см.: Encyclopaedia Judaica. Jerusalem, 1971. Vol. 14. P. 516 f. При его жизни вышла его биография агиографического толка, к которой сам он относился отрицательно: Яари-Полескин Я. Пинхас Рутенберг: Ха-иш ве-пеула. Тель-Авив, 1939. Позже появились работа историка Эли Шалтиэля (Шалтиэль Э. Пинхас Рутенберг: Ал'ято ве-нафилато шель «ишхазак» бе-Эрец-Израэль, 1879–1942: В 2 т. Тель-Авив, 1990) и, наконец, богатая материалами книга литературоведа Хазана (Хазан В. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту).

¹¹⁰ О тесной связи Гапона с интеллектуалами «Союза освобождения» говорит тот факт, что вечером 9 января 1905 г. он, бритый, под чужим именем и в цивильной одежде, выступил на собрании Вольного экономического общества (форума интеллигенции свободных профессий, входившей в союз), подведя итоги провала своей акции.

¹¹¹ «Николаю II недоставало ни мужества, ни сердца... оценить по достоинству намерения наивного священника-идеалиста. Вместо того чтобы милостиво принять тех, кто шел к нему со всем доверием, он спешно, чуть ли не как вор, под покровом ночи покинул дворец, приказав принимать народ – другим... До 22 января 1905 года Николай II мог по своему усмотрению решать, даровать ли своей стране конституцию... теперь это уже от него не зависит» (Zilliacus K. Das revolutionäre Russland. S. 376).

1.2.2.2. Первая искра – «Кровавое воскресенье на Неве»

Представители «революционной организации» обещание не сдержали. Они размахивали красными флагами, несмотря на протесты идущих рядом рабочих¹¹², и выкрикивали в лицо вооруженной охране дворца провокационные лозунги¹¹³. Масса незваных личностей теснила и подгоняла с боков и сзади стройные ряды из тысяч молящихся и поющих членов «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» во главе с несущим икону священником (за которым следовал эсер Рутенберг). Этот сильный, организованный нажим, систематически волнами прокатывавшийся от задних рядов до передних и поневоле бросавший их на дворцовую охрану, по описанию очевидца Максима Горького, сыграл решающую роль в перерастании мирного шествия в массовую демонстрацию с последующим кровопролитием¹¹⁴. После неоднократных тщетных предупреждений солдаты в панике открыли огонь по напуганным на них передним рядам. Шествие рассыпалось, оставив на покрасневшем от крови снегу свыше 70 застреленных рабочих¹¹⁵, – картина, которая привела столицу Российской империи в ужас, а столицы западных стран в негодование. Пока понимающие наблюдатели вроде Горького, глубоко посрамленные, отступали в безопасное место¹¹⁶, Рутенберг выдернул сопротивляющегося священника из-под града пуль, затащил в какой-то подъезд, предусмотрительно прихваченными ножницами обрезал ему бороду и переделал его в гражданскую одежду. Сначала он прятал Гапона на конспиративных квартирах (включая горьковскую), а затем подготовленными маршрутами вывез за границу.

Религиозное шествие, превращенное в политическую демонстрацию агрессивно-наступательного характера, имело некое боевое продолжение¹¹⁷, доказывавшее, что неожиданный для организаторов демонстрации огонь со стороны дворцовой охраны предотвратил ее переход в вооруженное восстание. На Васильевском острове во второй половине дня 9 января, явно согласно существующему плану, стали взламывать и грабить оружейные магазины, раздавая оружие всем желающим, перерезать электропровода и возводить уличные баррикады. Все это указывало на хорошо подготовленную акцию в поддержку вооруженного восстания в столице. Поскольку большого притока рабочих на остров не произошло, полиция после довольно длительной осады навела там порядок, причем опять не обошлось без жертв.

Спровоцированный большевиками разгром шествия с петицией послужил искрой, которая разожгла первую русскую революцию. Ее зачинщицей, судя по докладу японского раз-

¹¹² «Не надо нам красных флагов!» (Gorki M. Der 9. Januar. S. 20 f.).

¹¹³ «Нет силы, которая освободит народ, кроме силы самого народа!» (Ibid. S. 21).

¹¹⁴ «Несколько человек оглянулось – позади их стояла плотная масса тел, из улицы в нее лилась бесконечным потоком темная река людей; толпа, уступая ее напору, раздавалась, заполняя площадь перед мостом. Несколько человек вышло вперед и, взмахивая белыми платками, пошли навстречу офицеру... подчиняясь напору сзади, люди двигались вперед... впереди все... махали белыми платками... Раздалось несколько крепких слов. Даже за одно из них четверть часа тому назад толпа разорвала бы в клочья... Почти вплоть к солдатам... люди... поддаваясь толчкам сзади, порою толкали солдат... Разойтись было физически невозможно, – толпа густо залила всю маленькую площадь, а из улицы, в тыл ей, все шел и шел народ... Уйти от нее [смерти] было некуда... Солдаты взмахнули ружьями, взяв на прицел, и все оледенели в однообразной, сторожкой позе... испуганно сорвался залп» (Ibid. S. 23, 24, 32, 35, 39, 40).

¹¹⁵ «Правительственный вестник» (№ 7 от 11 [24] января 1905 г.) сначала сообщил о 76 убитых, включая начальника одного из городских полицейских участков, и 233 раненых, а к концу дня скорректировал данные: «...число пострадавших оказывается: убитыми – 96 человек и ранеными – 333 (в том числе 53 зарегистрированы в амбулаторных пунктах)». Ленин из этих цифр сделал «список 4 600 убитых и раненых», дополнительно преувеличивая трагизм происшедшего; см.: Арутюнов А. Ленин: Личностная и политическая биография: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 61.

¹¹⁶ «9 января 1905 года я с утра был на улицах... видел жалкую фигуру раздавленного “вождя” и “героя дня” Гапона, видел “больших” людей наших в мучительном сознании ими своего бессилия. Все было жутко, все подавляло в этот проклятый, но поучительный день» (Горький М. Полн. собр. соч. М., 1968–1976. Т. 20. С. 74). Поучительным этот день стал и для благотворительных спонсоров большевистской партии, наподобие Саввы Морозова, которые с тех пор перестали давать ей деньги.

¹¹⁷ См.: Gorki M. Der 9. Januar. S. 53 ff.

ведчика Акаси, выступила партия Ленина, чья «косвенная помощь», с точки зрения японца, «главным образом» «прославила» доверчивого священника-реформатора Гапона как героя этой революции. Упомянутые Акаси социал-демократы во главе с Горьким и «революционная организация» из рассказа Невского в основном совпадали по составу и в равной мере получали указания от Ленина. Среди других большевиков в Москву из Петербурга приехал Л. Б. Красин, ратовавший, как и его партийный шеф, за скорое вооруженное восстание, чтобы вместе с ближайшими товарищами, в том числе корреспондентом Ленина А. А. Богдановым, тайно руководить проникновением в гапоновское движение. Вероятно, не без участия Красина Гапон, потрясенный кровавым исходом своего шествия, некоторое время скрывался сначала в близлежащей квартире Горького, затем либо в доме крупного предпринимателя-старовера С. Т. Морозова, либо в некоем убежище в пригородах столицы (сведения разнятся), а оттуда тайными путями выбрался за границу – причем в Женеву, с рекомендательным письмом к Ленину! Горький, который дружил с писателем и членом ЦК РСДРП Л. Н. Андреевым, издавал свои произведения в Германии с помощью (небескорыстной) Парвуса, способствовавшего постановке в немецких театрах пьесы «На дне», был тогда близок с Лениным и его партией. Красин и Богданов по желанию Ленина добивались от него финансовой помощи большевикам¹¹⁸; Савва Морозов, познакомившийся с Красиным через Горького годом ранее, предоставил Красину доходную должность на одном из своих подмосковных предприятий и ежемесячно выделял большевистской партии немалые суммы.

Позже Ленин косвенно взял на себя ответственность за использование священника в своих целях и разжигание первой русской революции. Когда некоторые меньшевики заговорили, что Гапон (тогда уже убитый) и его сторонники «быстро освободились от полицейского привкуса и повели чисто классовую политику»¹¹⁹, Ленин не смог промолчать. «Освободились *благодаря* сознательному участию в этом деле организованной с[оциал]-д[емократической] партии, никогда не соглашавшейся передавать руководство политикой пролетариев беспартийным организациям... Мы принимали участие в зубатовском и гапоновском рабочем движении для борьбы за с[оциал]-д[емокра]тию», – признал он¹²⁰. Ленин в то время уже отзывался о покойном исключительно с презрением. Очернение им «рабочего попа» вплоть до 1917 г. приобретало все более гротескные черты. Его товарищи и комментаторы, следуя его примеру, характеризовали «попа-provokatora» как «полное ничтожество» и утверждали, что на роль организатора шествия, которое привело к Кровавому воскресенью и, таким образом, к первой революции, он был «выдвинут» «движением масс»¹²¹.

1.2.2.3. Ленин придумывает революцию

Ленин в Женеве услышал о кровавом исходе воскресной демонстрации на Неве на следующий день, 10 (23) января, из уст своего товарища А. В. Луначарского «с ликованием»¹²².

¹¹⁸ В понедельник после Кровавого воскресенья, 10 (23) января 1905 г., окрыленный происходящим Ленин писал в Петербург: «Наконец мы начали “Вперед”... Помощь в первые месяцы нужна дьявольски, ибо, если не будет аккуратного выпуска, то вся позиция большинства по н е с е т гигантский, едва поправимый удар. Не забывайте этого и тащите (о с о б е н н о с Г о р ь к о г о) хоть понемногу [разрядка в тексте. – Е. И. Ф.]». Обычно это была задача Красина, но тот после кровопролития уехал в Москву. Поэтому ленинское требование относилось к Богданову. См.: Из письма Ленина А. А. Богданову, 10 января 1905 г. // В. И. Ленин и А. М. Горький. С. 229. Возможно, добиваясь денежной помощи (от Горького и других), Ленин заодно хотел замаскировать ею японские субсидии.

¹¹⁹ Г. С. Хрусталев: Народная газета. 1907. 10 (23) апр.

¹²⁰ Ленин В. И. Ларин и Хрусталев // Труд. 1907. 15 (28) апр. Перепеч.: Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 11. С. 193–196. Еще позже (в 1910 г.) он утверждал, что 9-е января стало «одним из... поворотных пунктов... в русской революции» исключительно для его партии, и призывал немецкую социал-демократию брать с нее пример. См.: Ленин В. И. Два мира // Социал-демократ. 1910. 16 (29) нояб. Перепеч.: Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 14. С. 382.

¹²¹ Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 16. С. 765–766.

¹²² Service R. Lenin. S. 227.

Он с энтузиазмом приветствовал трагическое происшествие как «величайшие исторические события», «начало революции» с «тысячами убитых и раненых»¹²³. Тут же превратив спровоцированный его товарищами местный инцидент в столице в начало ожидаемой революции по всей стране, он путем целенаправленного пропагандистского предвосхищения событий старался преувеличить его смысл, тогда как российская общественность еще видела лишь отдельные локальные вспышки недовольства в очагах революционно-анархистской агитации (царь даже в 1910 г. спорил с премьер-министром П. А. Столыпиным, отрицая, что в 1905 г. в России была «революция»). Только в ходе последующего массового ввоза закупленного на японские средства оружия эти местные беспорядки стали перерастать в общероссийское движение. Процесс, кстати, начался с портовых городов Прибалтики и Закавказья: именно им первым доставалось оружие из японских поставок. Пропаганда, которую вел Ленин по заданию Акаси, существенно способствовала тому, что за границей нарождающемуся движению придавалось гораздо большее значение, чем оно имело в тот период в России.

При этом Ленин обозначил момент «начала революции» и как начало внутренней «войны», тем самым впервые провозглашая общую с неприятельским Генштабом стратегию: углубить внешнюю войну посредством внутренней или гражданской войны и таким образом одержать победу над громадной империей с неисчерпаемыми людскими и материальными резервами. Его пропагандистское предвосхищение всероссийской революции сделало его в 1905 г. ценным союзником японского Генштаба, а на четвертый год Первой мировой войны – незаменимым помощником Людендорфа в России.

Наведя Ленина на женевской квартире в начале февраля 1905 г. (до 4 [17] февраля¹²⁴), Гапон поставил его в неловкое положение: двумя неделями ранее Ленин заклеил Гапона как «provokatora»¹²⁵, который, пусть, может быть, и «бессознательно», завлек неопытных, доверчивых рабочих в ловушку в соответствии с планом бойни¹²⁶, якобы составленным генералами и тайной полицией в сговоре с Романовыми, дабы преподать устрашающий урок всему революционному пролетариату. Появление исполненного благих намерений, политически наивного священника, должно быть, открыло Ленину нечто иное и побудило его обратить внимание на возможность использования визитера, поскольку 4 февраля он поспешил в конфиденциальной, предназначенной только для внутривнутрипартийного употребления записке под названием «“Царь-батюшка” и баррикады»¹²⁷ снять с Гапона обвинение в provokatorстве. Публично он ничего подобного не сделал и потому с декабря 1905 г. в своей очернительской кампании против «попа-предателя» мог спокойно продолжать настаивать на этом подозрении. Однако 4 февраля в партийном кругу он отметил историческую роль Гапона «в начале русской революции» и объявил недоверие петербургских товарищей к попу понятным, но необоснованным.

Несмотря на предвзятое мнение, Ленин встретил беглеца внешне доброжелательно, расспрашивал о состоянии революционных организаций рабочего класса¹²⁸. Тем не менее он всегда относился к этому народному герою из противоположного политического лагеря сдержанно

¹²³ Ленин В. И. Начало революции в России // Вперед. 1905. 18 (31) янв. Перепеч.: Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 7. С. 79–81. Здесь Ленин ввел понятие «начала революции». Статью завершали слова: «Да здравствует революция! Да здравствует восставший пролетариат!»

¹²⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника: В 12 т. М., 1970–1982 (далее – Биохроника). Т. 2: 1905–1912. С. 22. Ленин скрыл визит Гапона к нему на квартиру, и Крупская в воспоминаниях перенесла их встречу на «нейтральную почву, в кафе»: Krupskaja N. Erinnerungen an Lenin. S. 126. Советские исследователи последовали ее примеру.

¹²⁵ Ленин В. И. Поп Гапон // Вперед. 1905. 18 (31) янв. Перепеч.: Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 7. С. 84–85.

¹²⁶ Ср.: Ленин В. И. План петербургского сражения // Вперед. 1905. 18 (31) янв. Перепеч.: Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 7. С. 86–87.

¹²⁷ Она была впервые опубликована через два года после смерти Ленина в «Ленинском сборнике V» (М., 1926), затем в полном собрании сочинений: Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967–1981 (далее – ПСС). Т. 9. С. 216–219.

¹²⁸ Р. Сервис, единственный из биографов, упоминает «разговоры ночи напролет» как «путеводный момент» для Ленина, когда поп якобы «открыл ему глаза» на крестьянский вопрос: Service R. Lenin. S. 30, 428, 548.

(не случайно в воспоминаниях Крупской тот предстает «хитрым попом» с «поповской психологией»¹²⁹). Впрочем, Ленин и не мог держать себя с Гапоном свободно. Его опрометчивая попытка разжечь в столице нужное японцам восстание провалилась. Зато он невольно сделал своего соперника в борьбе за руководство пролетарскими массами «героем Кровавого воскресенья». Теперь ему приходилось учитывать большие надежды, которые Акаси возлагал на объединяющее влияние священника, и в соответствии с пожеланиями японской стороны налаживать при его участии боевой союз между эсерами и социал-демократами для подготовки вооруженного восстания в России¹³⁰. Этот тактический замысел определял ленинское отношение к Гапону, пока тот, ничего не подозревая, действовал по заданию и на деньги японского Генштаба. Когда японские субсидии прекратились (в ноябре 1905 г.), Ленин только рад был избавиться от опасного соперника и по поводу его убийства не проронил ни слова¹³¹.

В Женеве Ленин последовал японскому плану создания боевого союза всех революционных сил, воспользовавшись для этой цели громким именем нового народного героя. Каким-то способом (что за игра тут пошла в ход, так и осталось неизвестно) он выудил у своего гостя «Открытое письмо к социалистическим партиям России» за подписью «Георгий Гапон», которое изобиловало его собственной политической фразеологией и потому – в доказательство верности его взглядов – было им включено в статью «О боевом соглашении для восстания»¹³². Это письмо¹³³, в соответствии с настояниями японцев, призывало «все социалистические партии России немедленно войти в соглашение между собой» ради «вооруженного восстания против царизма», требуя: «Боевой технический план должен быть у всех общий. Бомбы и динамит, террор единичный и массовый, все, что может содействовать народному восстанию». «Ближайшей целью» объявлялись «свержение самодержавия, временное революционное правительство, которое немедленно провозглашает амнистию всем борцам за... свободу – немедленно вооружает народ и немедленно созывает учредительное собрание на основании

¹²⁹ Krupskaja N. Erinnerungen an Lenin. S. 128.

¹³⁰ Крупская вложила «проект боевого соглашения революционных партий» в уста Гапона, чтобы скрыть японский источник этого предложения: Ibid. S. 131 f.

¹³¹ П. Рутенберг 28 марта (10 апреля) 1906 г. заманил Гапона в ловушку в поселке Озерки и собственноручно задушил. Ленин тогда предположительно находился неподалеку от места преступления. В середине марта 1906 г. он прибыл из Куоккалы (Репино) в Москву, где убеждал товарищей на конспиративных встречах «вступать в массовые беспартийные организации и вести там всестороннюю работу» – испытанная модель инфильтрации христианских профсоюзов (Биохроника. Т. 2. С. 231). Из Москвы он поехал в Петербург, там тайно пропагандировал ту же «тактическую платформу большевиков» и выступил в этих целях с политическим рефератом на тему «Вооруженное восстание и пролетариат» (Там же. С. 233). 26 марта (8 апреля) участвовал «в заключительном собрании выборщиков (состоялось на Английском проспекте, д. 27/27), посвященном окончательному обсуждению тактических платформ и выборам делегатов на IV (Объединительный) съезд РСДРП» (Там же. С. 234). Затем, согласно «Биографической хронике», в «конце марта – начале апреля» некоторое время провел в Хельсинки. Если собрание выборщиков, как обычно, затянулось до утра следующего дня, Ленин мог отправиться на север самое раннее 27 марта, а по пути остановиться на станции Куоккала, чтобы переночевать и рассказать ближайшим товарищам о результатах поездки. Таким образом, в день убийства Гапона (28 марта) он с большой долей вероятности пребывал всего в нескольких километрах от специально снятой Рутенбергом дачи в Озерках. До сих пор на эту близость никто не обращал внимания и не устанавливал связь Ленина с убийством, несмотря на то что он охотно прибегал к помощи эсеров или максималистов в опасных делах, а смерть Гапона избавила его от серьезных проблем (особенно если тот знал о финансировании Ленина японцами). Примечательно, что в марте 1918 г. Ленин выпустил убийцу Гапона из Петропавловской крепости и позволил ему эмигрировать, хотя Рутенберг рекомендовал Керенскому убить Ленина (вместе с Троцким и Зиновьевым). Согласно свидетельству родственницы Рутенберга, «по ходатайству Алексея Максимовича [Горького], В. И. Ленин дал распоряжение на освобождение и выезд П. М. Рутенберга из Советской России за границу». Цит. по: Хазан В. Пинхас Рутенберг. Т. 1. С. 411.

¹³² Ленин включил его в статью целиком с пояснением, что письмо ему прислали: Ленин В. И. О боевом соглашении для восстания // Вперед. 1905. 8 (21) февр. Перепеч.: Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 7. С. 119. Позже, 23 апреля (6 мая) 1905 г., на III съезде РСДРП (Лондон, 12 [25] апреля – 27 апреля [10 мая] 1905 г.) Ленин вскользь упомянул о визите Гапона, но их разговор передавать не стал, сославшись на то, что его содержание изложено в той статье в газете «Вперед». Ср.: Биохроника. Т. 2. С. 56, 78.

¹³³ Ленин (в связи с разговором) пометил его «а 15», составляя перечень партий и групп, с которыми возможны боевые соглашения для восстания, в 1971 г. оно хранилось в ленинском архиве. См.: Биохроника. Т. 2. С. 22. 7 (20) февраля 1905 г. Ленин, видимо, получил еще один документ – «Воззвание Георгия Гапона к петербургским рабочим и ко всему российскому пролетариату», сделал на нем пометку «20. II. 05 от автора» и пронумеровал страницы. См.: Там же. С. 23.

всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права». Любые колебания «письмо» осуждало как «преступление пред народом», декларируя «бесповоротную» приверженность автора борьбе «против угнетателей и эксплуататоров рабочего класса». Чуть ниже, комментируя «письмо», Ленин подчеркнул свое безоговорочное с ним согласие и посоветовал, на немецком языке, «*getrennt marschieren* (врозь идти)», но «*vereint schlagen* (вместе ударять)».

Этот лозунг, призванный навести мосты через глубокую пропасть между маленькой ленинской группой революционных социал-демократических коллаборационистов и компактной боевой организацией эсеров вкупе с их сторонниками, определил всю стратегию Ленина в последующих перипетиях первой русской революции, а также, вероятно, его отношение к убийству Гапона эсером Рутенбергом. Впрочем, Ленин использовал Гапона не только как вывеску совместной боевой тактики. Он пытался добиться через него влияния на распределение японских средств. Не без оснований опасаясь, что субсидии японцев на закупку оружия пройдут мимо его партии (Циллиакус, «финансовый администратор» Акаси, дружеских чувств к Ленину не питал, а Рутенберг думал отдать средства, предназначенные для Гапона, эсерам), Ленин был заинтересован в тесном контакте с Гапоном как главным адресатом оружейных поставок. Он надеялся завладеть львиной долей этого оружия и, подобрав самых ловких и закаленных товарищей, отправил их на настоящую охоту по всей Европе с приказом вынюхивать следы тайной деловой активности Циллиакуса, Акаси и Гапона и ни в коем случае не упускать ни малейшего шанса перехватить транспорт с оружием для своей партии¹³⁴. Выполняя приказ, его боевики предпринимали «сверхусилия... чтобы получить доступ к смертоносному грузу»¹³⁵ судов, зафрахтованных Циллиакусом по поручению Акаси. В результате в руки боевых групп большевиков попала немалая часть оружейных поставок: многие тысячи винтовок швейцарской марки «Веттерли» и револьверов немецкой фирмы «Маузер», сотни английских револьверов «Уэбли», сотни тысяч, если не миллионы винтовочных и револьверных патронов, несчетные тонны взрывчатки, запалов и английского бикфордова шнура – пока «хитрый поп» в конце лета 1905 г. не начал прозревать игру¹³⁶ и по возможности отрываться от ленинских ищеек.

Среди отдельных операций, управляемых японцами, определенным приоритетом пользовалось провоцирование бунта на броненосце «Потемкин» (28 июня 1905 г. н. ст.). Мятежный броненосец должен был поддержать бортовой артиллерией вооруженное восстание в Одессе¹³⁷. Это предприятие имело для японского Генерального штаба особое значение, так как могло парализовать русский Черноморский флот и помешать отправке новых эскадр в Тихий океан. Русские революционеры в эмиграции ждали от него прорыва в закрытую для них доселе область – армейские и флотские части, – который им, несмотря на усердную пропаганду, никак не удавался; поэтому Ленин превозносил «громадное значение последних одесских событий», когда «впервые крупная часть военной силы царизма – целый броненосец – перешла открыто на сторону революции»¹³⁸.

Большой генштаб внимательно следил за распространением беспорядков на стратегически важный ключевой пункт на юге России. Император разрешил Главному морскому штабу внедрять своих офицеров в качестве разведчиков в германское генеральное консульство в Одессе для более удобного наблюдения за Черноморским флотом уже в 1900 г., задолго до того, как перед войной надежная сеть из немецких офицеров разведки была создана и в рус-

¹³⁴ «Провалить такое дело нельзя!» (Буренин Н. Е. Памятные годы: Воспоминания. Л., 1967. С. 81–82).

¹³⁵ Павлов Д. Б. Японские деньги для первой русской революции. С. 158.

¹³⁶ «Подвели меня, негодяи!» (Поссе В. А. Воспоминания (1905–1907 гг.). Прага, 1932. С. 32).

¹³⁷ Объемы финансирования этого предприятия неизвестны, но один только матрос, подстрекавший к бунту, получил 40 тыс. рублей. См.: Possony S. T. Lenin. S. 559, Anm. 1.

¹³⁸ Ленин В. И. Революционная армия и революционное правительство // Пролетарий. 1905. 27 июня (10 июля). Перепеч.: Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 7. С. 380.

ских военных портах Балтийского флота (Свеаборг-Гельсингфорс, Гангут, Або, Кронштадт, Рига, Ревель, Либава). Начальник секции оперативного отдела Эрих Людендорф, возможно, смотрел, как развивается повстанческое движение, охватывая знакомую ему Одессу, с преждевременной эйфорией: он вообще слишком «часто» надеялся «на русскую революцию ради облегчения нашего военного положения», но до 1917 г. надежды неизменно оказывались «воздушными замками»¹³⁹. Ленин лично подключился к любимому проекту своего наставника Парвуса и особенно досадовал, когда восстание в Одессе провалилось¹⁴⁰. Из воспоминаний его жены известно, что он неоднократно разговаривал с матросом Матюшенко, одним «из самых видных участников восстания на “Потемкине”» – уж конечно не о крестьянском вопросе, как утверждала Крупская! Он познакомил Матюшенко с Гапоном и не раз принимал у себя обоих вместе¹⁴¹. Однако мятеж, начавшийся многообещающей канонадой, после подавления восстания в Одессе стал затихать и окончательно сошел на нет, когда экипаж броненосца, спасаясь от неизбежной кары, решил уйти в открытое море. Бегство бесславно закончилось в румынском порту Констанца: команда покинула корабль и сдалась румынским властям.

Акаси порицал эту дорогостоящую акцию как «недостаточно подготовленную»¹⁴². Ленин, с самого начала сильно переоценивший значение мятежа для общего развития революционных волнений («царское правительство оказалось *без флота*»¹⁴³), не желавший верить в его конец и до последнего следивший за одиссеей броненосца в надежде, что его команда еще поднимет весь Черноморский флот, нашел другое объяснение: «История с “Потемкиным” показала скорее то, что *мы не в силах удержатъ от преждевременных вспъшек подготавливаемого восстания* [курсив в тексте. – Е. И. Ф.]», – камень в огород в первую очередь соратников-эсеров, а во вторую – меньшевиков-искровцев и бундовцев, которые теперь не без оснований говорили, что русская социал-демократия пока вообще не способна организовать восстание. Ленин возражал им, что матросы «Потемкина» просто были менее подготовлены, чем матросы других судов, и восстание вышло «менее полным», чем могло бы быть. Из этих (неверных) предпосылок он делал вывод, что «в задачу подготовки восстания входит задача удерживать от преждевременных вспъшек подготавливаемого или почти подготовленного восстания», ибо «стихийно растущее восстание *обгоняет* нашу сознательную и планомерную работу подготовки [курсив в тексте. – Е. И. Ф.]»¹⁴⁴.

Кивая на матросов других военных кораблей, Ленин допускал намеренную натяжку, поскольку сам знал, что большевики, при всех усилиях найти сторонников восстания в армии и на флоте, лишь в исчезающе малом количестве случаев добивались недолговечных успехов¹⁴⁵. Поэтому один из важнейших уроков, вынесенных им из провала одесского восстания, касался необходимости создания революционной армии. Он писал: «Только... отряды революционной армии могут одержать полную победу, послужить опорой *революционного правительства*. А революционное правительство – такая же насущно необходимая вещь на данной стадии народного восстания, как революционная армия. Революционная армия нужна для военной борьбы и для военного руководства массами народа против остатков [sic] военной силы самодержавия. Революционная армия необходима потому, что только *силой* могут быть решены великие

¹³⁹ Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen, 1914–1918. Berlin, 1919. S. 327.

¹⁴⁰ «Неудача горькая, поражение тяжелое» (Ленин В. И. Революция учит // Пролетарий. 1905. 13 [26] июля. Перепеч.: Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 8. С. 13–20).

¹⁴¹ Krupskaja N. Erinnerungen an Lenin. S. 133 f.

¹⁴² Rr. P. 46.

¹⁴³ Ленин В. И. Революционная армия и революционное правительство. С. 380.

¹⁴⁴ Ленин В. И. Теория самопроизвольного зарождения // Пролетарий. 1905. 1 (14) сент. Перепеч.: Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 8. С. 194–198.

¹⁴⁵ См. об этом: Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. М., 1992–1994. Т. 3. С. 116–118. Керсновский, в юности бывший участником гражданской войны, в 1920–1940-х гг. в Париже изучил и проанализировал всю литературу о Первой мировой войне, выходившую в СССР и в эмиграции, а также французские архивные источники.

исторические вопросы, а *организация силы* в современной борьбе есть военная организация... Революционная армия и революционное правительство, это – две стороны одной медали. Это – два учреждения, одинаково необходимые для успеха восстания и закрепления плодов его [курсив в тексте. – *Е. И. Ф.*]»¹⁴⁶.

Когда зафрахтованные корабли с оплаченным японскими деньгами оружием были уже в пути, держа курс на российские порты черноморского и балтийского побережья, Гапон по желанию японцев вместе с Рутенбергом вернулся в Россию для организации приема грузов и доставки их по назначению – участникам планируемого всенародного восстания. Ленин при этом делал вид, будто деньги на покупку оружия поступили из частных источников; они с Крупской снабдили Гапона фальшивым паспортом и конспиративными адресами, чтобы тот беспрепятственно мог добраться до Петербурга и заняться там раздачей оружия рабочим и подготовкой восстания: «Владимир Ильич видел во всем предприятии переход от слов к делу. Оружие нужно рабочим во что бы то ни стало»¹⁴⁷.

1.2.2.4. Неудачное участие Ленина в революции

В то время как Гапон, Рутенберг, Троцкий, Парвус и множество других социалистов-радикалов, русских и зарубежных, весной и летом 1905 г. нелегально ехали в Россию – как правило, через Берлин и с немецкими документами (см. ниже), – Ленин не спешил откликнуться на призывы русских товарищей, жаждавших его присутствия. В отличие от увлеченных социалистов, которые рисковали безопасностью и жизнью ради превращения местных беспорядков во всенародное вооруженное восстание, Ленин наблюдал за происходящим издали, и подписание японско-российского мирного договора (29 августа 1905 г.) застало его в безопасной Женеве. Отныне японцы потеряли интерес к российскому оппозиционному движению. После того как текущие операции были доведены до конца, Акаси 18 ноября отозвал из Европы, и японское финансирование прекратилось.

Лишь когда вступила в силу политическая амнистия по Октябрьскому манифесту 1905 г., Ленин принял решение вернуться в Российскую империю. Со всеми возможными предосторожностями он между 15 и 18 ноября (вероятно, 18-го) отправился из Женевы «через всю Германию»¹⁴⁸ в Стокгольм, чтобы оттуда перебраться на сравнительно безопасную финскую территорию. Важнейшая железнодорожная линия на север шла в Германии через Берлин. Данных о контактах Ленина во время транзитного проезда по стране или промежуточной остановки в немецкой столице нет, однако было замечено, что в Стокгольме путешественник несколько дней ждал получения немецкого проездного документа и тогда же встретился с директором банка графом Маннергеймом¹⁴⁹. С немецким паспортом на имя Вильгельма Фрая (видимо, новые задачи потребовали новой личины) Ленин сначала приехал в российскую столицу, но пробыл там недолго, только чтобы осмотреться, и в целях безопасности поселился в Финляндии, сняв комфортабельную усадьбу на прибалтийском курорте Куоккала (ныне Репино). Здесь он собрал вокруг себя ближайших соратников, включая Бонч-Бруевича, Красина и Бог-

¹⁴⁶ Ленин В. И. Революционная армия и революционное правительство. С. 383, 386.

¹⁴⁷ Krupskaja N. Erinnerungen an Lenin. S. 132.

¹⁴⁸ Service R. Lenin. S. 237.

¹⁴⁹ Ср.: Биохроника. Т. 2. С. 194–195; Possony S. T. Lenin. S. 125, 562, Anm. 2. Поссонни считает советское утверждение, будто Ленин в Стокгольме после нескольких дней ожидания получил документ для «нелегального» въезда в Россию, легендой, призванной замаскировать немецкое происхождение этого паспорта. Неясно, депонировал ли он в шведском банке как в надежном месте остатки японских денег или аванс от немцев (доказано, что после его второго возвращения в Россию в апреле 1917 г. львиная доля немецких субсидий на захват власти переводилась ему через Стокгольм). В любом случае очевидно, что в заботе о материальной безопасности русский дворянин Ульянов мало отличался от своего монарха: тот в 1905–1906 гг. положил в лондонский банк в качестве «Императорской кассы Российской короны» полмиллиона золотых рублей на случай бегства за границу.

данова¹⁵⁰. Вместе с Красиным и Богдановым он в 1906 г. основал тайный руководящий орган большевистской группы в РСДРП, т. н. Большевистский центр¹⁵¹, и наблюдал за ходом внутророссийских процессов, свернувших благодаря Октябрьскому манифесту царя на конституционные рельсы, дожидаясь удобного случая поднять вооруженное восстание, которое положило бы конец либеральной весне в Российской империи. Именно по этой причине основные силы русской социал-демократии – Плеханов, меньшевики и бундовцы – осуждали ленинский план как несвоевременный и неудачный, а ведущие русские марксисты, например П. Б. Струве, считали его преступлением против русского народа.

Повод к восстанию представился, когда меньшевистский Петербургский совет рабочих депутатов во время заседания 16 декабря 1905 г. был разогнан полицией, а его члены, в том числе основатель совета, еврейский адвокат, меньшевик Г. С. Хрусталева-Носарь, а также реэмигранты Троцкий, Парвус, Нахамкис и др., арестованы, отданы под суд и сосланы. Хотя устранение со сцены соперников-меньшевиков Ленина не слишком огорчило¹⁵², он воспользовался разгоном совета как предлогом для того, чтобы из безопасного финского убежища «искусственно»¹⁵³, как обвинял его Мартов, разжечь восстание в Москве.

Глава маленькой партии большевиков готовился к руководству восстанием, пока работал на японский Генштаб, и его первая попытка носила все признаки этого сотрудничества. Японцы желали видеть главным орудием борьбы против самодержавия индивидуальный террор и требовали убивать одного за другим видных российских государственных деятелей до царя включительно. Опасения эсеров-коллаборационистов, что при этом, например, могут погибать случайно оказавшиеся рядом дети, Акаси отметил как «почти смешные»¹⁵⁴. В таких условиях и Ленин в 1904–1905 гг. заново определил свое отношение к террору. Он уже в свои мюнхенские времена в статьях 1901–1902 гг. для «Искры» дистанцировался от общего осуждения террора социал-демократами¹⁵⁵. В феврале – марте 1905 г. он выразил переосмысленное под давлением японских пожеланий мнение о «новых задачах и новых силах»¹⁵⁶. Вместо направленного против отдельных личностей индивидуального террора, Ленин теперь выступал за «массовый террор» как «слияние на деле террора с восстанием массы»¹⁵⁷. Применение массового террора в качестве основного инструмента гражданской войны с целью создания временного революционного правительства и вооружения народа казалось ему столь важным для дальнейшего хода беспорядков, что он планировал добиться формального включения такого террора в программу русской социал-демократии на III съезде РСДРП; пункт 7д «Общего плана решений III съезда», составленного им в феврале 1905 г., гласил: «Террор должен быть сливаем фактически с движением массы»¹⁵⁸. Его требование, очевидно, последствий не имело

¹⁵⁰ См.: Shub D. Lenin. Wiesbaden, 1958. S. 99.

¹⁵¹ О Большевистском центре (БЦ) см., напр.: Николаевский Б. Ленин и деньги большевистской организации // Николаевский Б. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 11–92; Мартов [Ю. О.]. Спасители или упразднители? (Кто и как разрушал Р. С.-Д. Р. П.). Париж, 1911. С. 17–19, 36–37. Мартов считал БЦ тайным «сверхцентром» партии с большевистской агентурой.

¹⁵² Согласно советской литературе, Ленин после разгона совета находился в России «легально», что поднимает вопрос о возможном предательстве и/или сговоре с российскими органами безопасности.

¹⁵³ Martow Ju. O. Die preußische Diskussion und die russische Erfahrung // Die Neue Zeit. 1910. 16. September.

¹⁵⁴ Rf. P. 45, 52.

¹⁵⁵ В одной статье 1901 г. Ленин подчеркивал, что террор как форма военных действий может иметь смысл в определенные моменты борьбы (см.: Cohen-Almagor R. Foundations of Violence, Terror and War in the Writings of Marx, Engels, and Lenin // Terrorism and Political Violence. 1991. Vol. 3. No. 2. P. 1–24; автор считает осуждение Лениным индивидуального террора «тактическим»). В 1902 г. в статье «Революционный авантюризм» он писал: «Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие» (Ленин В. И. Революционный авантюризм // Искра. 1902. 1 авг., 1 сент.; Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 5. С. 151–152).

¹⁵⁶ Ленин В. И. Новые задачи и новые силы // Сочинения. 3-е изд. Т. 7. С. 142–150.

¹⁵⁷ Там же. С. 149.

¹⁵⁸ Ленин В. И. Общий план решений III съезда // Сочинения. 3-е изд. Т. 30. С. 105.

(принятые съездом резолюции остались в тайне¹⁵⁹): меньшевистская сторона не признала правомочным съезд (третий по большевистскому счету), открывшийся в Лондоне 12 (25) апреля 1905 г. (вероятно, в присутствии Акаси), и даже среди присутствовавших большевиков он вызвал разногласия. Ленин, который в эти дни собирался делать доклад о Парижской коммуне¹⁶⁰, заинтересованно и одобрительно следил за вспышками кровавого террора (такими, как нападения повстанцев на караулы на балтийском побережье или убийство командования и восьми офицеров в одной пехотной дивизии на Кавказе). Судя по опыту подобного насилия весной и летом 1905 г., он осенью пришел к выводу, что террор несомненно поможет научить массы правильной тактике в момент восстания, и снова потребовал, чтобы социал-демократия признала массовый террор и сделала его одним из своих методов. Его инструкция «Задачи отрядов революционной армии»¹⁶¹, подводя итоги этого опыта, предписывала каждому члену партии и боевым отрядам вооружаться самим «кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т. д.)». «Даже и без оружия, – говорилось в ней, – отряды могут сыграть серьезнейшую роль... забираясь на верх домов, в верхние этажи и т. д. и осыпая войско камнями, обливая кипятком... К подготовительным [операциям] относится раздобывание всякого оружия и всяких снарядов, подыскание удобно расположенных квартир для уличной битвы (удобных для борьбы сверху, для складов бомб или камней и т. д. или кислот для обливания полицейских...)». Нападения с использованием перечисленных методов Ленин объявлял не только правом, но и обязанностью любого революционера, рекомендуя «убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков... отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания... немедленное разжигание революционной страсти толпы...»

С этими предпосылками Ленин в декабре 1905 г. приступил к устройству восстания в Москве, опираясь на предварительную организационную работу Красина и его боевиков на месте и пустив в дело часть оружия из японских поставок¹⁶². «Московское восстание» (7 [20] – 17 [30] декабря 1905 г.), которое Ленин следующие восемь месяцев стыдливо обходил молчанием, пока уничтожающая меньшевистская критика не заставила его высказаться¹⁶³, и которое ленинские апологеты до сих пор весьма неохотно связывают с его именем, закончилось провалом, унеся жизни 1 059 чел., в том числе 137 женщин и 86 детей¹⁶⁴. Встав на защиту восстания, Ленин перещеголял сам себя, сыпля эпитетами в превосходной степени: по его словам, это было «величайшее историческое приобретение русской революции», поднявшее революционное движение до «высшей ступени» и «гигантской степени»¹⁶⁵, коих, однако, можно достичь лишь ценой величайших жертв. Начало боев он изобразил «мирной забастовкой, мирными демонстрациями» и задал образец всех будущих оправданий перед лицом упреков за легкомысленное провоцирование беспорядков с тяжелыми последствиями, утверждая, что революционные рабочие, построив баррикады, ждали директив насчет более активных действий от

¹⁵⁹ Schapiro L. Die Geschichte der Kommunistischen Partei der Sowjetunion. S. 76.

¹⁶⁰ Ленин В. И. План чтения о коммуне // Сочинения. 3-е изд. Т. 30. С. 197–199.

¹⁶¹ Ленин В. И. Задачи отрядов революционной армии // ПСС. Т. 11. С. 339–343.

¹⁶² Московские повстанцы пользовались, например, винтовками «Веттерли»; см.: Изнанка революции. С. 19; Futrell M. Northern Underground. P. 79.

¹⁶³ Ленин постарался опровергнуть книгу «Москва в декабре 1905 г.», которая вышла летом 1906 г. в меньшевистском издательстве П. В. Кохманского и объясняла московские события вооруженной провокацией со стороны неправильно руководимых мелких подпольных групп. См.: Ленин В. И. Уроки московского восстания // Пролетарий. 1906. 29 авг. (11 сент.); Он же. Руки прочь! // Пролетарий. 1906. 8 (21) сент. Перепеч.: Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 10. С. 48–53, 62–65.

¹⁶⁴ По данным Всероссийского медицинского союза, цит. по: Измозик В. и др. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). С. 179.

¹⁶⁵ Ленин В. И. Уроки московского восстания. С. 49.

«руководителей с[оциал]-д[емократического] пролетариата». Если те и совершили ошибку, то – недостаточно решительно призывая к «бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбе». Другая ошибка заключалась в плохой «обработке» войск, посланных на усмирение повстанцев; здесь Ленин особо указывал на необходимость переубеждения казаков. Третий великий урок Московского восстания, по его мнению, повелевал изменить боевую тактику: перейти к партизанской войне, действуя подвижными и чрезвычайно мелкими отрядами – десятками, тройками, даже двойками, – вместо того чтобы стоять толпой на баррикадах с револьверами. К тактике партизанской войны, писал он, относится также массовый террор, который социал-демократия должна признать и применять, не забывая о новинках военной техники, таких, например, как «выдвинутая» японской войной ручная граната и автоматическое ружье. «Мы можем и должны воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочие отряды готовить массажи бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружьями», – требовал от своих товарищей Ленин.

Не смущенный поражением, Ленин предсказывал, что «близится великая массовая борьба» и «это будет вооруженное восстание», и внушал товарищам: «Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага – станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе».

Эти военные «уроки московского восстания» Ленин официально адресовал руководителям «масс», тем самым завуалированно перекладывая на них вину за провал своего московского предприятия. Неофициально же он сделал для себя выводы, которые не стал предавать огласке и о которых поэтому не говорят лениноведы: главную долю ответственности за кровавую бойню в московском рабочем квартале на Пресне он в глубине души сваливал на охранку и Департамент полиции, сумевшие подавить восстание и схватить его участников благодаря стратегическому превосходству. Ленин персонализировал эту ответственность в лице вице-директора и заведующего политической частью Департамента полиции П. И. Рачковского, известного ему в качестве многолетнего руководителя Заграничной агентуры охранки, в том числе в Женеве и Париже. В 1905 г. Рачковского из-за революционных волнений вызвали в столицу, а в декабре поручили ему возглавить сыскную работу в Москве. Он так успешно справился с заданием, что был награжден особой премией в размере 75 тыс. рублей¹⁶⁶. В Рачковском, который слыл в Министерстве внутренних дел искуснейшим политическим стратегом, Ленин, должно быть, видел своего личного заклятого врага и обдумывал встречную стратегию, чтобы, учитывая планы по расширению революционных беспорядков, по возможности нейтрализовать и обезвредить его самого и его департамент.

Одно из преимуществ сыскных органов состояло в наводнении революционных партий и боевых групп агентами из их же собственных рядов. Метод вербовки агентов из членов антиправительственных партий был в 1880-е гг. разработан В. К. Плеве, в бытность его директором Департамента полиции, для борьбы с народовольческим террором и применялся накануне революционных волнений в 1904 г. под его руководством в качестве министра внутренних дел, пока он сам не заплатил за это жизнью, пав одной из первых жертв финансируемого японцами террора (28 июля 1904 г.). Во времена Плеве мишенью служили преимущественно эсеровские террористы, в том числе руководитель Боевой организации эсеров¹⁶⁷ Е. Ф.

¹⁶⁶ Possony S. T. Lenin. S. 128.

¹⁶⁷ См. о ней: Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров, 1901–1911 гг. М., 1998 (о ее финансировании: с. 123–125).

Азеф, но при преемнике Плеве на посту директора Департамента полиции А. А. Лопухине, по мере того как волнения ширились и к террору все чаще прибегали другие боевые группы, этот метод периодически начали использовать и против социал-демократических боевиков. В 1905–1906 гг. внедрение в революционное движение завербованных партийных активистов, предававших собственные организации силам правопорядка, стало действенным и грозным орудием массовой ликвидации движения¹⁶⁸. Самый сенсационный случай такого рода Ленину пришлось пережить весной 1907 г., когда его товарищ Е. Н. Шорникова (партийная кличка Ирина), секретная сотрудница Петербургского охранного отделения (под кличкой Казанская), выдала столичную военную организацию РСДРП тайной полиции, предоставив в распоряжение полицейских подготовленный ею документ якобы с призывом к мятежу в войсках (5 мая 1907 г.).

1.2.2.5. Инструкция Министерства внутренних дел

Противоправная практика Министерства внутренних дел так хорошо зарекомендовала себя во время революционных беспорядков, что премьер-министр П. А. Столыпин пожелал ее легализовать¹⁶⁹. Под руководством министерства весь 1906 г. на основе полицейского опыта предыдущих лет разрабатывалась секретная «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения», вступившая в силу в 1907 г.¹⁷⁰ Инструкция узаконивала «приобретение и сбережение внутренней секретной агентуры – единственного вполне надежного средства, обеспечивающего осведомленность». Указывалось, что лица, принадлежащие к этой «внутренней агентуре», «должны состоять членами одной из революционных организаций... или, по крайней мере, тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых». Преимущество при вербовке следовало отдавать «слабохарактерным, недостаточно убежденным революционерам, считающим себя обиженными в организации, склонным к легкой наживе и т. п.». Расхождение с общей полицейской сыскной практикой заключалось в том, что инструкция требовала не карать отдельные проступки, а стремиться к разоблачению и уличению всей организации, когда она полностью раскроет свою преступную сущность. Главное предписание гласило: «...все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революционных организаций и к уничтожению их в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности...» Таким образом, целью розыска объявлялись не отдельные деятели, нелегальные типографии, «мертво лежащее на сохранении склада оружие», а организации в целом в состоянии совершения несомненно преступных деяний.

О существовании секретных инструкций такого рода очень скоро узнали все революционные партии: Организационное бюро ЦК Партии социалистов-революционеров опубликовало одну из них уже в 1908 г.¹⁷¹ Это превратило инструкции по обезвреживанию антиправительственных организаций в обоюдоострое оружие: осведомленные партийные активисты или двойные агенты в рядах партии могли использовать периоды затишья в действиях сыска про-

¹⁶⁸ См.: Gerassimow A. Der Kampf gegen die erste russische Revolution: Erinnerungen. Frauenfeld; Leipzig, 1934. S. 244.

¹⁶⁹ См.: Zuckerman F. Political Police and Revolution: The Impact of the 1905 Revolution on the Tsarist Secret Police // Journal of Contemporary History. 1992. Vol. 27. P. 279–300.

¹⁷⁰ См.: Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения / публ. Ф. М. Лурье, З. И. Перегудовой // Из глубины времен. 1992. № 1. С. 71–83 (со ссылкой: ЦГАОР. Ф. 102. Оп. 308. Д. 236. Л. 1–7). См. также: Федоров А. В., Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб., 2005. С. 213–215. Служащие, мыслящие категориями правового государства, «Инструкцию» так и не признали и от ее применения отказывались. См. показания начальника личной охраны царя (1 января 1906 г. – 16 августа 1916 г.) А. И. Спиридовича комиссии Муравьева: Спиридович А. И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти. М., 2007 [1-е изд.: Париж, 1930]. С. 431–433.

¹⁷¹ Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения: Приложение к № 12 «Из партийных материалов» / Издание Организационного бюро при ЦК П.С.Р. СПб., 1908. См. также: Перегудова З. И. Политический сыск России, 1880–1917. М., 2013. С. 194, 209.

тив организаций, замахивающихся на большие дела, для усиленной работы и завершения партийного строительства. «Довольно часто случалось, что революционные организации внедряли своего человека в охранное отделение, чтобы дезорганизовать его и, главное, узнать имена секретных сотрудников...»¹⁷²

Ленин, опытный партийный стратег, такую возможность тотчас подметил и в последующие годы широко эксплуатировал. Он разработал встречную стратегию, состоявшую в том, чтобы использовать создание внутренней агентуры Департаментом полиции, умышленно засылая в эту агентуру в центре и на местах подходящие кадры своей партии, которые добывали для него важную информацию, распространяли намеренную дезинформацию о внутренних процессах в партии и при случае старались повлиять на внутренние решения охраны. Уже в 1908–1909 гг. от большевиков на охранку работал больший процент людей, чем от какой-либо другой партии, причем все чаще высокопоставленных товарищей; четверо из пяти членов петербургского ЦК были в этот период агентами охраны¹⁷³. Ленину понадобились представители в агентуре Министерства внутренних дел еще для одной особой цели: после разгрома нелегальных партийных структур полицией в реставрационный период при премьер-министре Столыпине он решил создавать легальные (внешне) структуры и поручил Бонч-Бруевичу, выходцу из уважаемого дворянского семейства с хорошими связями в столице, организовать в Петербурге легальное большевистское издательское предприятие. Он понимал, что для стабильной легальной издательской и общественной деятельности большевистской партии нужны терпимость и активная поддержка со стороны Министерства внутренних дел. С помощью специально подобранных партийных кадров он сумел таковыми заручиться, и его успехи в проникновении в страшную охранку вскоре сделали его желанным партнером для генеральных штабов центральных держав.

С пробудившимся у Ленина интересом к легальности связана и его попытка баллотироваться в III Государственную думу по большевистскому списку на выборах в сентябре – октябре 1907 г. Прежде он поносил Думу как фальшивый парламент и заставлял своих сторонников ее бойкотировать, теперь же, когда волнения заглохли, обладание депутатским иммунитетом казалось ему желательным для невозбранного продолжения революционной деятельности. Однако сомнительное имя реэмигранта, отщепенца русской социал-демократии с дурной славой не нашло отклика у рабочих из промышленных предместий. Раздосадованный Ленин снял свою кандидатуру, и это снятие, к которому его вынудили русские пролетарии, так надолго его уязвило, что спустя годы он вызывающе подписал одну из статей псевдонимом «Не-депутат».

Наконец, не удалась и его попытка, в утешение за практическое (Московское восстание) и внутриполитическое (выборы в Госдуму) поражения, войти в круг великих теоретиков. М. С. Кедрову, который по поручению Ленина взялся издать его избранные статьи и сочинения в трех томах под названием «За 12 лет», ввиду отсутствия спроса пришлось пустить отпечатанные экземпляры на макулатуру, что не могло не задеть самолюбие автора. В советской литературе этот факт сознательно замалчивался¹⁷⁴.

Таким образом, к концу 1907 г. все проекты, с которыми Ленин в 1905 г. приехал в Россию, провалились. После того как японские источники иссякли, он был вынужден расстаться с мыслью о революционном перевороте на родине, поняв, что собственными силами его не осуществить. Отныне Ленин делал ставку на новую войну, которая позволит ему реализовать прежние замыслы в другой форме. Своему товарищу Красину он сказал в декабре 1907 г. в Финляндии, собираясь бежать от полицейского преследования, что в России начина-

¹⁷² Wassiljew A. T. Ochрана. S. 35. О проникновении революционных партий в органы политического сыска см. также: Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1960. Т. 2. С. 112.

¹⁷³ См.: Leggett G. The Cheka: Lenin's Political Police. New York, 1981. Chap. 1.

¹⁷⁴ См.: Советская военная энциклопедия (далее – СВЭ). М., 1976–1979. Т. 4. С. 136. Здесь говорится только, что сборник был «напечатан».

ется период политической реакции, «который может продлиться лет двадцать, если не будет войны», и потому «надо ехать за границу и работать на это»¹⁷⁵. Работать за границей против российской реакции и на будущую войну означало установить прочные связи с теми силами, которые принесут эту войну в Россию, а Ленину и его сторонникам предоставят возможность развязать революцию в собственной стране.

Экскурс: Ленинский финансист Л. Б. Красин

Леонид Борисович Красин (1870–1926; партийные клички: Никитич, Винтер, Зимин, Юхансон, Лошадь, Николаев) был полиглотом с большими техническими способностями и светской элегантностью, а также, по общему мнению его товарищей, противников и биографов, особенно безжалостным террористом. Он поддерживал Ленина в сотрудничестве с японским Генштабом, а позже играл центральную роль в его отношениях с германским Генштабом, будучи во время войны его личным связным с Людендорфом¹⁷⁶.

Сын полицейского чиновника из сибирского городка Курган под Тобольском, Красин, подобно Ленину, вышел из привилегированных социальных слоев. Он связался с революционным движением в ранней юности, стал радикальным социал-демократом и лично познакомился с Лениным. Будучи с 1897 г. революционером, а после II съезда РСДРП (Брюссель – Лондон, 1903) членом ЦК, он в общих с Лениным интересах искал подходы к влиятельным и состоятельным меценатам. Со Львом Толстым, которого Красин посетил в Ясной Поляне и попробовал привлечь на сторону своей партии, у него ничего не вышло: целый вечер Красин с самым подкупающим видом и пропагандистским пылом новообращенного убеждал пророка непротивления злу, а тот на следующее утро назвал его погубителем будущего поколения России и выгнал из дома. После затянувшейся бурной юности с перерывами в обучении по специальности химика и электротехника, исключениями из технологических институтов Петербурга и Москвы, арестами за революционную деятельность Красин в 30 лет (1900) получил-таки диплом инженера в Харьковском технологическом институте. В том же году он с помощью старшего однокашника по петербургскому институту, социал-демократа из русских немцев Р. Э. Классона (1868–1926), нашел работу в акционерном предприятии с иностранным капиталом – на строительстве электростанции «Электросила», которую Вальтер Ратенау соорудил для немецкой компании «АЭГ» на Баиловском мысе (побережье Каспийского моря). Строительство велось с большим размахом и привлечением соответствующих сил, так как должно было создать энергетические предпосылки для развития бакинской нефтяной промышленности, обеспечив электрификацию буровых установок, добычи и переработки нефти. Классона с 1891 г. ввел в марксистские кружки М. И. Бруснев. В 1892–1894 гг. Классон стажировался в Германии и вернулся в Россию квалифицированным специалистом, но уже не активным социал-демократом. В декабре 1894 г. с участниками марксистского «салона» впервые встретился в своей петербургской квартире на Охте Ульянов¹⁷⁷. Затем Классон занял должность помощника директора в проекте «АЭГ» и пригласил к себе на работу бывшего однокашника Красина.

На первом же рабочем месте Красин обнаружил свои истинные наклонности: в отличие от Классона, который в развивающемся Баку вырос в крупного энергетика, он четыре года (1900–1904) в основном пользовался своей должностью как прикрытием для нелегальной политической деятельности, устроил в близлежащем Баку современную тайную типографию, издавал подпольную большевистскую газету и разрабатывал оружие и методы для террористи-

¹⁷⁵ См.: Leonid Krasin: His Life and Work, by his wife Lubov Krasin. London, 1929. P. 37.

¹⁷⁶ См.: Ibid. P. 31 ff.

¹⁷⁷ Измозик В. и др. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б). С. 68.

ческих актов. Когда охранка проследила его от Харькова до Баку и взяла под наблюдение, Красин стал искать новый конспиративный адрес. Он познакомился с популярным писателем Максимом Горьким и через него на финской даче литератора свел знакомство с московским миллионером-старовером С. Т. Морозовым – либеральным промышленником и филантропом, увлекшимся русским освободительным движением. Услышав зимой 1903–1904 гг. доклад Красина в Московском политехническом обществе о предприятии «Электросила» и электрификации бакинских нефтепромыслов, Морозов пригласил 34-летнего инженера на свою передовую текстильную фабрику в подмосковном Орехово-Зуево, желая оборудовать ее самой современной иностранной техникой. Задача Красина заключалась в установке на фабрике турбинного электрогенератора. Красин ухватился за возможность попасть в пролетарскую среду второй российской столицы и здесь добился признания, в котором отказал ему Толстой: «Красин совершенно очаровал Морозова и убедительно продемонстрировал свои способности инженера-электрика и фабричного администратора. Пользуясь случаем, Красин попросил Морозова выделять ежемесячно две тысячи рублей на нужды РСДРП, говоря с ним смело, не как подчиненный, а как равный. Морозов согласился, покоренный прямоотой, открытостью и тактом Красина и сойдясь с ним во мнении, что подлинный прогресс в России возможен только благодаря сочетанию индустриализации с революцией»¹⁷⁸. Весной 1904 г. Красин с семьей (он женился на разведенной женщине буржуазного происхождения с четырьмя детьми) перебрался в Орехово-Зуево, где его помимо высокого жалованья ждало существенное партийное финансирование.

Здесь Красин – наряду с работами по наладке фабричной электростанции и активным участием в московской культурной и общественной жизни – развил интенсивную подпольную деятельность в помощь московским большевикам. Благодаря безотказной щедрости известного мецената он сделался в ЦК РСДРП специалистом по финансам, который среди прочего в 1905 г. по образцу подпольного печатного предприятия в Баку оборудовал во второй столице нелегальную типографию и пункт распространения литературы для грузинского большевика А. С. Енукидзе. Фабрика все больше превращалась для Красина в фиктивный адрес. Он часто там отсутствовал, например, во время т. н. Кровавого воскресенья был в Петербурге. С головой погрузившись в партийную работу в Москве, он, по его собственным словам, избежал ареста при полицейской облаве во время тайного заседания ЦК 9 февраля 1905 г. только потому, что опоздал. Но здесь, как и в другом случае, может быть иное объяснение: среди русской социал-демократии Красин прослыл полицейским шпииком, пользующимся высоким покровительством. По слухам (подтвержденным в годы мировой войны документами российской контрразведки) стало известно о деле некоей госпожи Серебряковой, которая разоблачила Красина как агента, работавшего на охранку с 1894 по 1902 г., однако именно ее, а не Красина, судили и в итоге казнили¹⁷⁹.

На следующий день после ареста остальных членов московского ЦК, 10 февраля, Красин решил уйти в петербургское подполье. Он уговорил Морозова послать его в деловую командировку в Швейцарию с рекомендательным письмом в швейцарскую фирму по производству турбин, датированным предыдущим днем. С этим письмом он поехал в Петербург и устроился на работу в «Общество электрического освещения 1886 г.», в котором участвовала немец-

¹⁷⁸ O'Connor T. E. *The Engineer of Revolution: L. B. Krasin and the Bolsheviks, 1870–1926*. Boulder; San Francisco; Oxford, 1992. P. 52.

¹⁷⁹ См.: Orloff V. *The Secret Dossier: My Memoirs of Russia's Political Underground*. London; Bombay; Sidney, 1932. P. 172. Неясно, имеется ли здесь в виду известная многолетняя секретница московской охранки А. Е. Серебрякова (Субботина, Дама Туз). И сам вопрос о работе Красина на охранку не решен. Западные историки, имеющие доступ к документам Заграничной агентуры, как, например, С. Поссоны, отвечают на него утвердительно. Но в опубликованных данных внутренней охранки указаний на это нет; см.: Красин, Леонид Борисов («Никитин») // *Материалы по истории общественного и революционного движения / под общ. ред. С. П. Мельгунова, М. А. Цявловского. Т. 1: Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 гг. бывш. Московск. охранного отделения. М., 1918. С. 208–209.*

кая фирма «Сименс»¹⁸⁰. На этом пока прекратились попытки большевиков запустить руку в легендарное состояние Морозовых. Помимо ежемесячных взносов 2 тыс. рублей в партийную кассу, они еще добились, чтобы Морозов застраховал свою жизнь на крупную сумму в пользу спутницы жизни Горького, актрисы М. Ф. Андреевой. Правда, они поступили неосмотрительно, доведя до высшей точки разгул революционных беспорядков в соседнем с морозовским предприятием Иваново-Вознесенске¹⁸¹. Массовый террор, погромы частных домов и фабричных сооружений перекинулись оттуда и на Орехово-Зуево, показав Морозовым, в придачу к опыту января 1905 г., возможные последствия политики Саввы в отношении рабочих. В начале 1905 г. мать Морозова как председатель правления и владелица большинства паев предприятия лишила сына права распоряжаться деньгами семьи. Но Красин не расставался с надеждой добыть для партии Ленина морозовские богатства. В мае 1905 г. он последовал за бывшим работодателем на Лазурное побережье, где Савва искал исцеления от меланхолии. В последней попытке вымогательства Красин, «террорист по натуре»¹⁸², перегнул палку и загнал своего благодетеля в моральный тупик. Морозов вручил ему запечатанный пакет с полисом для Андреевой на 100 тыс. рублей, а на следующий день был найден мертвым¹⁸³.

До тех пор Савва Морозов – не считая ежемесячных пожертвований и этой страховки, которая действительно досталась большевикам¹⁸⁴, – довольно умеренно способствовал подъему ленинской партии, зато явно упрочил позиции Красина как партийного финансиста. После прекращения японских субсидий вследствие заключения мира в Портсмуте (5 сентября 1905 г.) и неудачного московского восстания Ленина, означавшего окончательный провал общих революционных планов (декабрь 1905 г.), Красин обратился к другим, чисто криминальным методам добычи денег для партии. Возглавив первую большевистскую боевую группу, он стал мозгом группы, планирующим т. н. экспроприации (эксы) – вооруженные нападения на частные и государственные учреждения для хранения и перевозки денег (банки, денежные транспорты, почтовые вагоны в поездах), – которые ценой множества жертв среди людей и животных (к примеру, под копыта лошадям, запряженным в карету с деньгами, бросали бомбы, в возникшей суматохе расстреливали извозчиков и охранников и забирали ценности) приносили партии Ленина очень большие суммы. На эти средства Красин в том числе оборудовал в Москве подпольную лабораторию для изготовления бомб, взрывчатых и боевых веществ. Он распоряжался создаваемым арсеналом, снабжая своих боевиков и террористов из близких к большевикам политических группировок взрывчаткой для совместных акций. Одна из таких акций – первое покушение на премьер-министра П. А. Столыпина (1861–1911) 25 августа 1906 г. в его доме на Аптекарском острове в Петербурге, в результате которого были убиты 27 чел., находившихся там, и ранены 32, включая дочь Столыпина. Исполнитель теракта, максималист (член мелкой леворадикальной группировки в партии эсеров), получил бомбу от Красина.

Затем в летопись криминальных деяний ленинского «финансиста» вошла попытка наладить по заданию Большевистского центра производство фальшивых денег, чтобы расстроить

¹⁸⁰ См.: Lutz M. L. B. Krasin und Siemens: Deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen im institutionenökonomischen Paradigma // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 2008. Jg. 95. H. 4. S. 397.

¹⁸¹ См.: Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 г. / под ред. Ф. Н. Самойлова. М.; Л., 1935.

¹⁸² Ulam A. The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia. New York, 1965. P. 241.

¹⁸³ Обстоятельства указывали на самоубийство, но семья Морозовых считала Красина убийцей Саввы; см.: Фельштинский Ю. Вожди в законе. М., 2008. С. 13–15.

¹⁸⁴ По материалам охраны, сумма страховки Морозова, предназначенной для Андреевой, составляла 100 тыс. рублей (записка от 30 апреля 1907 г., Фонд Охранного отделения в Институте Гувера, цит. по: Possony S. T. Lenin. S. 560, Anm. 20). Секретные донесения Департаменту полиции от его большевистских агентов о Лондонском съезде РСДРП (30 апреля – 19 мая 1907 г.) содержат подробные данные о расходовании оставленных Морозовым ста тысяч; см.: Перегудова З. И. Политический сыск России. С. 163.

существующую рублевую систему и тем взорвать российский Госбанк. Сначала планировалось устроить фальшивомонетную мастерскую в Финляндии. Работники финского государственного монетного двора согласились за взятку достать клише мелких рублевых купюр, но не выполнили обещанного. Весной 1907 г. Красин поехал в Берлин, где возобновил старые связи с «АЭГ» и – как раньше в Баку – под прикрытием регулярной работы в этом почтенном предприятии развернул нелегальную деятельность. Она заключалась в создании мастерской для изготовления фальшивых русских денег (и бомб!), которая должна была подделывать ходовые трехрублевые купюры и осуществлять их серийный выпуск в больших масштабах. Красин заказал в берлинской фирме рулоны специальной бумаги с водяными знаками и незаметно сложил их на хранение в редакции газеты «Форвертс». Немецким товарищам он объяснил, что это нелегальная политическая литература для братской русской партии. Когда берлинская полиция обнаружила фальшивомонетную и бомбовую мастерскую, немцы опознали заказчика бумаги. Правление СДПГ пожаловалось меньшевикам, и те поручили Заграничному бюро ЦК РСДРП провести расследование, которым вместе с другими занимался тогда еще меньшевик (а позже – большевистский нарком иностранных дел) Г. В. Чичерин. Ленин сумел добиться передачи расследования от Заграничного бюро большевистскому ЦК, где дело замяли. Лидеры меньшевиков после этого в ужасе отвернулись от большевистских «анархистов-террористов», задаваясь вопросом: «Если все это правда, то... как быть с ними в одной партии?»¹⁸⁵

Красин находился под следствием в тюрьме и вышел оттуда хитростью, когда открывшийся в Лондоне 13 мая 1907 г. т. н. V съезд РСДРП по настоянию меньшевиков обсуждал большевистские «экспроприации» и запретил их как деморализующие исполнителей и компрометирующие партию большинством в 170 голосов против 35 (при 52 воздержавшихся)¹⁸⁶. Не обращая внимания на этот вотум большинства, Красин 25 июня 1907 г. организовал для ленинской партии последний и, пожалуй, самый дерзкий большой налет – нападение на карету, перевозившую деньги в Тифлисское отделение Госбанка. Группой кавказских боевиков, совершивших ограбление по плану Красина и под его присмотром, руководил представитель Ленина на Кавказе «товарищ Коба», т. е. И. В. Джугашвили (партийный псевдоним Сталин). Добычу – 250–350 тыс. рублей в нумерованных 500-рублевых купюрах – распределили между несколькими товарищами в России и за границей. Попытки разменять разыскиваемые полицией купюры привели некоторых из них, например М. М. Валлаха (партийный псевдоним Литвинов) в Париже, за решетку. Красин же не засветился благодаря тому, что химическим способом подправил номера на своих купюрах.

Поздней осенью 1907 г. розыскные меры политической полиции привели ее в Финляндию, и многие нелегалы, в том числе и Ленин в декабре, бежали за границу, но Красин спокойно оставался в своем доме в Куоккале. В феврале 1908 г. его арестовали, и Ленин уже считал, что ему конец. Он знал, что у Министерства внутренних дел достаточно материала, чтобы повесить Красина. Однако того после месяца заключения отпустили «за отсутствием убедительных доказательств». В марте Красин последовал по стопам своего партийного шефа в Берлин и, дабы должным образом содержать большую семью, попробовал снова устроиться в «АЭГ». На сей раз ему дали от ворот поворот¹⁸⁷ – неоднократное злоупотребление положением в фирме в террористически-преступных целях, а главное, «публичное разоблачение его замысла выпускать фальшивые трехрублевки... стоили ему работы»¹⁸⁸. Зато дирекция компа-

¹⁸⁵ П. Б. Аксельрод – Ю. О. Мартову, Цюрих, 7 декабря 1907 г. // Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Берлин, 1924. С. 174–175. О фальшивомонетном предприятии см.: Социалистический вестник. 1922. № 16; Мартов [Ю. О.]. Спасители или упразднители?

¹⁸⁶ Schapiro L. Die Geschichte der Kommunistischen Partei der Sowjetunion. S. 122 ff.

¹⁸⁷ См.: Glennly M. Leonid Krasin: The Years before 1917: An Outline // Soviet Studies. 1970. October. P. 192–221; O'Connor T. E. The Engineer of Revolution. P. 88 f.

¹⁸⁸ O'Connor T. E. The Engineer of Revolution. P. 107.

нии «Сименс-Шуккерт» встретила русского революционера, имеющего дурную славу, с распростертыми объятиями. В отличие от «АЭГ», предъявлявшей высокие требования к профессиональным и личным качествам сотрудников и работавшей в России преимущественно в гражданской сфере, «Сименс-Шуккерт» обслуживала в основном военный сектор и, чтобы справиться с крупными заказами по переоснащению армии и флота, нуждалась в каждом мало-мальски подходящем человеке. Если Герман Гёрц, с 1898 г. директор петербургского филиала «Сименс», позже уверял, что, принимая Красина на работу в Берлине в 1908 г., взял с него обещание «воздерживаться от любой политической деятельности»¹⁸⁹, то это, скорее, относилось к партийной, а не к деловой политике. Красин мог дать обещание с чистой совестью¹⁹⁰, поскольку партийно-политические цели большевиков касательно войны против России во многом совпадали с целями деловой политики концерна «Сименс». По договоренности с генеральными штабами центральных держав фирма взяла на себя техническую подготовку к войне офицеров разведки. Она создала для них особое учебное отделение, удовлетворяя интерес разведслужб Вены и Берлина к самым современным техническим знаниям. «Сименс» лидировала в области беспроволочной телеграфии, и австро-венгерский флот посылал будущих морских офицеров для обучения практическому применению радио в этой и других современных отраслях в Берлин, в «Сименс и Гальске»¹⁹¹. Этими возможностями пользовались и товарищи Ленина. По крайней мере двое из них, Красин и В. В. Воровский, стали здесь крупными специалистами. Русский инженер Красин устраивал «Сименс» именно благодаря своему преступному и нелегальному прошлому, своей руководящей роли в организации большевистских боевых групп и своей связи с революционным подпольем. Он прекрасно подходил для внедрения в общий проект предприятия по модернизации русской армии и военного флота.

«Донельзя счастливый»¹⁹² Красин включился в русское направление деятельности «Сименс-Шуккерт», поработал во всех отделах берлинского главного офиса фирмы, занимавшихся заказами российского военного министра, стремясь попасть в Россию до начала военных действий. Мнимое «воздержание от политики»¹⁹³ и притворный «отход от революции»¹⁹⁴ являлись необходимым условием для того, чтобы его направление на российские дочерние предприятия «Сименс» в период обострения политического кризиса не встретило препятствий. Назначив его в 1912 г. директором своего московского филиала, «фирма похлопотала о его возвращении в Россию... так что у Красина не возникло проблем с полицией»¹⁹⁵. Весной 1914 г. «Сименс» сделала успешного руководителя московского филиала «генеральным директором» петербургского представительства «Сименс-Шуккерт» и накануне войны перевела его в российскую столицу. Передача управления предприятиями российскому подданному предотвратила национализацию фирмы враждебного государства в рамках т. н. экономической войны; эта предосторожность во многом оградила «Сименс» – как и другие крупные немецкие концерны в Российской империи – от действия российского военного законодательства¹⁹⁶. При переселении в столицу Красин, не желая без нужды провоцировать охранку, по

¹⁸⁹ Цит. по: Lutz M. L. B. Krasin und Siemens. S. 397.

¹⁹⁰ В тот период он отдалился от Ленина (как убежден автор данной книги – главным образом по тактическим соображениям); общему приятелю Георгу Соломону он заявил, что Ленин не заслуживает ни помощи, ни денег, это «вредный тип, и никогда не знаешь, что, какая дикость взбредет ему в его татарскую башку» (цит. по: Shub D. Lenin. S. 180).

¹⁹¹ Pethц A. Agenten für den Doppeladler. S. 114.

¹⁹² O'Connor T. E. The Engineer of Revolution. P. 114.

¹⁹³ Kort M. Leonid Krasin: Engineer of Revolution, 1870–1908. Ann Arbor; Michigan, 1974. P. 329.

¹⁹⁴ O'Connor T. E. The Engineer of Revolution. P. 113 ff.

¹⁹⁵ Lutz M. L. B. Krasin und Siemens. S. 397.

¹⁹⁶ Русские филиалы «Сименс-Шуккерт» и «Сименс и Гальске» во время войны пользовались высочайшим покровительством. Министр внутренних дел А. Н. Хвостов (23 ноября 1915 г. – 6 июля 1916 г.), встревоженный непозволительными сговорами и невыполнением существующих заказов для армии и флота, начал против них расследование ввиду серьезных нарушений и подозрений в экономическом шпионаже для Германии. Это расследование, которое коснулось и других военных

старой привычке снова снял для себя и семьи дом в финской Куоккале¹⁹⁷. Не заметив за год никаких признаков полицейского наблюдения, он летом 1915 г. перебрался в самый аристократический район – купил роскошную усадьбу в Царском Селе, где находилась императорская резиденция. Отсюда он стал завоевывать себе монопольное положение в российской военной промышленности. С образованием в 1915 г. Военно-промышленного комитета Красин возглавил его электротехническую секцию. Превращая филиалы «Сименс» в оплоты большевистской пропаганды и пораженческой деятельности, он старался распространить свое влияние и на другие российские военные предприятия, «сохранял за собой директорские посты еще в нескольких фирмах, занятых военным производством»¹⁹⁸. Он позаботился о назначении председателем совета директоров Русского общества «Сименс-Шуккерт» (Екатерининский канал, 25) могущественного русского предпринимателя А. И. Путилова, председателя правлений Русско-Азиатского банка и Общества Путиловских заводов, а тот, в свою очередь, ввел Красина в совет директоров Русско-Азиатского банка. Через Путилова Красин получил доступ к электротехническому оборудованию его оружейных заводов и важной Путиловской верфи. Через него же проторил дорогу к другим военным предприятиям – с теми же обаянием и тактом, которые некогда подкупили Савву Морозова, побудив его финансировать ленинскую партию, добился, чтобы Путилов, «под впечатлением от деловой хватки Красина», передал ему руководство пороховым заводом Барановского: «Красин одновременно управлял и концерном “Сименс-Шуккерт”, и заводом Барановского; они производили отчаянно необходимые русским армии и флоту вооружения и боеприпасы. По приглашению Путилова Красин стал членом правления Русско-Азиатского банка»¹⁹⁹. В этом качестве, а также будучи приятелем шведского банкира, директора стокгольмского «Нюа банкен» Улофа Ашберга²⁰⁰, который, со своей стороны, имел деловые связи с Берлинским дисконтным обществом – партнером германского правительства по переводам в Швецию денег для петроградских большевиков, Красин прикрывал денежные потоки из Германии, маскируя их происхождение и назначение.

Любовь Красина, не посвященная в политическую деятельность супруга, отмечая, как страдало важное военное производство от регулирования и вмешательства со стороны властей, не упомянула об участии собственного мужа в затягивании выполнения государственных заказов и саботаже производства и поставок для фронта²⁰¹. Если уж некоторые военно-промышленные комитеты подозревались в том, что попали под влияние врагов, мешающих военным усилиям России, то Красину руководство электротехнической секцией Центрального ВПК²⁰², несомненно, открывало чрезвычайные возможности подобного рода. Как технический директор русских филиалов «Сименс» и директор порохового завода Барановского глава электротехнической секции ВПК имел самые тесные контакты с заказчиками в армии и на флоте. Он кочевал по их базам и оперативным районам, словно «летучий голландец» (как выразился, по словам Любови Красиной, один адмирал), мог при этом делать наблюдения и сообщать их

предприятий и крупных банков со скрытым немецким участием, против воли царя было похоронено по знаку из Царского Села (т. е. от царицы по наущению Распутина) и стоило министру его поста. См. показания Хвостова: Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / под ред. П. Е. Щеголева. Л., 1924–1927. Т. 1. С. 5–7.

¹⁹⁷ Любовь Красина подчеркнула связь между подпольной деятельностью мужа на стороне Ленина во время и после первой революции и его секретными заданиями накануне войны, заметив: «Самым разумным казалось поступить так же, как мы поступили девять лет назад, и вот мы снова сняли дом в Куоккале и поселились там ранней весной того года. Это было наше жилище, когда летом началась Великая война» (Leonid Krasin. P. 40 f.).

¹⁹⁸ Ibid. P. 41.

¹⁹⁹ O'Connor T. E. The Engineer of Revolution. P. 127.

²⁰⁰ Futrell M. Northern Underground. P. 170.

²⁰¹ Г. Кёнен справедливо считал Красина «одной из ключевых фигур германо-большевистских контактов во время войны»; см.: Koenen G. Der Russland-Komplex: Die Deutschen und der Osten, 1900–1945. München, 2005. S. 87, Anm.

²⁰² «Красин главным образом и поставил эту организацию на деловую ногу... Он с утра до ночи работал над этой геркулесовой задачей» (Leonid Krasin. P. 41).

кому следует, передавать указания верным людям большевиков в воинских частях, а у органов безопасности Российской империи из-за высокой протекции, которой пользовался Красин, были связаны руки²⁰³. В 1916 г. он не побоялся тайно съездить через Швецию в Германию, чтобы лично переговорить с Людендорфом²⁰⁴, а летом 1918 г. по поручению Ленина официально посетил его в Главной ставке на Западном фронте.

²⁰³ См.: Никитин Б. В. Роковые годы: Новые показания участника. М., 2007. С. 151.

²⁰⁴ O'Connor T. E. The Engineer of Revolution. P. 127 (со ссылкой на советский документ 1934 г. в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве: ЦГАОР. Ф. 5881, 1934 г. Оп. 2. Д. 658. Л. 82–84).

1.3. Перемены в прусско-германском Генеральном штабе

Назначенный 1 января 1906 г. новым начальником германского Генерального штаба и принявший на себя ответственность за оперативную подготовку армии на случай войны Хельмут фон Мольтке-младший (1848–1916), племянник генерал-фельдмаршала с тем же именем, как и его австрийский коллега Франц Конрад фон Хётцендорф (1852–1925; с 1918 г. граф), которого его император назначил начальником Генерального штаба в том же году (18 ноября)²⁰⁵, не принадлежал к числу генштабистов, уже привлекавшихся раньше к военному планированию; он был военным практиком. И как таковой быстро увидел трудности, встающие перед германской армией в связи с планированием превентивной войны. Она не только намного уступала по численности соединенным силам вероятных неприятельских армий, но и не располагала, как показали упущения во время предыдущего политического кризиса, достаточно большим разведывательным аппаратом, способным надежно предсказывать конфликты и отвечать будущим задачам на западе и востоке. Поэтому Мольтке в первые же месяцы по вступлении в должность задумал реорганизацию разведки в соответствии с изменившимися условиями возможной превентивной войны. Он мог при этом опереться на сотрудников своего оперативного отдела, которые – как Эрих Людендорф – обладали не только определенными знаниями о России, но и опытом службы в восточных приграничных провинциях (у него самого и то и другое отсутствовало). Посягательства Мольтке на организационную структуру секции IIIb произвели судьбоносный перелом в развитии прусско-германской разведки.

1.3.1. Превентивная война и вопрос об иностранных агентах и вспомогательных войсках

Новый начальник Генштаба 6 марта 1906 г. написал Военному министерству и кабинету министров, ставя под сомнение пригодность существующей организации германской разведки в новых обстоятельствах с учетом будущей войны²⁰⁶. Он отдал распоряжение о кардинальной реорганизации, начало которой предстояло положить руководителю секции IIIb подполковнику Броне и руководителю 1-го (русского) отдела Большого генштаба полковнику Лауэнштайну, перестроив свои подразделения²⁰⁷. Предполагалось привлекать в разведку особо одаренных и образованных кадровых офицеров, в совершенстве владеющих языком, основательно знающих страну и ее армию, самостоятельных в суждениях, умеющих держать себя и уверенно общаться с лицами из самых разных слоев общества, и переводить их в приграничные корпуса в качестве старших лейтенантов и капитанов, прикомандированных к Генеральному штабу. Там им надлежало служить офицерами разведки при главном командовании соответствующей части, подчиняясь начальнику Генштаба. «В случае войны они должны были взять на себя руководство разведывательной службой ША [штабов армий]».

Прусский военный министр (1903–1909) Карл фон Эйнем отклонил этот план в письме от 14 апреля 1906 г. на том основании, что у него, не в последнюю очередь ввиду «особых сословных отношений», имеются «серьезные сомнения» насчет необходимости обречь кадровых офицеров, которым предстоит вернуться в Генштаб или в войска, на «постоянное общение с личностями сомнительной репутации» в течение нескольких или многих лет. За этим отказом скрывалось принципиальное неприятие использования в разведке лиц и методов, несовместимых с традиционным сословным сознанием прусского офицера. Похожие возраже-

²⁰⁵ См.: Leppa K., von. Moltke und Conrad. Stuttgart, 1935.

²⁰⁶ См.: Geheimer Nachrichtendienst u. Spionageabwehr des Heeres von Generalmajor a. D. Gempp. Erster Band. S. 88 ff.

²⁰⁷ См.: Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. S. 3.

ния приводили и традиционно мыслящие офицеры австро-венгерской армии против новой практики в стремительно развивающемся деле шпионажа, которое все больше «скатывалось в серую зону между беззаконием и патриотизмом»²⁰⁸.

Но Мольтке, как и его австрийский коллега, не собирался мелочно упорствовать в старых сословных предрассудках. В ответном письме от 26 апреля он сослался на «полную несостоятельность» разведслужбы в предшествующий период, которая сделала реорганизацию разведки на границах империи «настоятельно необходимой». Возражения министра он опроверг, указав, что офицер «и на этом посту служит отечеству, только приносит ему еще большую жертву, чем кто-либо другой [подчеркивание в тексте. – *Е. И. Ф.*]».

Военный министр согласился лишь на «командирование в приграничные штабы нескольких достаточно взрослых старших лейтенантов» в качестве «пробы, не... постоянной меры». Тогда Мольтке направил капитана Шульца в штаб XVI корпуса, а подполковника Николаи в штаб I корпуса²⁰⁹. По прошествии года – в течение которого Шульц и Николаи накапливали опыт нелегального пограничного сообщения с «лицами сомнительной репутации» – он назвал работу этих офицеров настолько образцовой и полезной в случае войны, что ее обязательно нужно поставить на постоянную основу. Опасения военного министра за моральное состояние офицеров Мольтке отменил окончательно, утверждая, что «их деятельность не только не вредит им, но, напротив... обогащает их служебный опыт». На основании такой оценки направление кадровых офицеров в разведывательную службу на восточнопруско-русской границе стало отныне общей практикой.

Первым следствием присутствия специально подготовленных и обученных офицеров разведки на германо-русской границе в Восточной Пруссии оказался рост контрабанды оружия для русских антиправительственных радикалов, которые теперь могли возить товар из стран происхождения (или немецких портов) к границе, а оттуда к местам назначения в Российской империи самым коротким путем через прусскую территорию. В документах прусского Министерства внутренних дел за 1906 г. впервые зафиксированы обширные поставки оружия иностранными социалистами через различные пункты в Пруссии²¹⁰. Вторым следствием была постоянная вербовка немецкой агентуры среди русской пограничной жандармерии. Более ранний прецедент вербовки в 1904 г. жандармского офицера пограничной станции Вирбаллен (Вержболово) С. Н. Мясоедова во время революционных событий дал обнадеживающие результаты (см. ниже), и теперь в целях развития успеха этот опыт широко внедрялся. Работа множества русских пограничных жандармов на германскую разведку сделала границу между Российской и Германской империями, прежде хорошо охранявшуюся, «прозрачной» для большевиков и других лиц, сотрудничающих с германскими властями. Благодаря договоренностям секции IIIb с Эвиденцбюро, помимо северо-западной границы России с Германией в Восточной Пруссии, то же самое произошло и на юго-западной границе с Австро-Венгрией.

Реорганизация секции IIIb и назначение специальных офицеров разведки с немецкой стороны вкупе с вербовкой русских офицеров пограничной жандармерии на российской стороне позволяли создать сеть сбора информации, устройства поездок и снабжения, которая – как прежний «путевой атлас» для немецких офицеров в Российской империи – заходила далеко вглубь России, снабжая важных как для ленинской партии, так и для секции IIIb лиц (беглецов, осужденных, ссыльных) в местах их пребывания деньгами, паспортами (фальшивыми), проездными документами, сведениями о пунктах перехода границы и именами

²⁰⁸ Kronenbitter G. «Krieg im Frieden»: Die Führung der k. u. k. Armee und die Großmachtspolitik Österreich-Ungarns, 1906–1914. München, 2003. S. 238.

²⁰⁹ См.: Nicolai W. Geheime Mächte. S. 17–22.

²¹⁰ Abt. CV, Acta 5. Цит. по: Possony S. T. Lenin. S. 564, Anm. 12 (автор не смогла установить местонахождение этого документа в Берлине). Ср.: Geheimer Nachrichtendienst u. Spionageabwehr des Heeres von Generalmajor a. D. Gempp. Zehnter Band: Weltkrieg. 9. Abschnitt: BA MA. RW 5/v. 50. S. 126.

тех, кто поможет им пересечь границу и проследовать дальше. Подобная практика, которая стала известна охранке сравнительно поздно и потому подробно описана только в документах Охранного отделения о Ленине и большевиках за последние предвоенные годы, подтвержденная немецкими документами времен войны (представители пораженческих революционных партий среди русских военнопленных могли показать немецким должностным лицам оговоренный «тайный знак», чтобы их отделили от других пленных и передали для дальнейшего распоряжения офицеру разведки), берет начало именно от реорганизации разведслужбы, проведенной Мольтке.

Данное обстоятельство, обусловленное повышенным интересом генштабов центральных держав к разведке на внешних и внутренних фронтах Российской империи с помощью специальных агентов, объясняет явление, на которое до сих пор почти не обращают внимания, хотя оно имело большое значение для сосредоточения антироссийских кадров социалистических партий: их неоднократные путешествия в Россию и обратно и спасение от каторги и ссылки. Необычайная мобильность революционных кадров в 1905–1906 гг. и после заставляет сделать только один вывод: им предоставлялись надежные документы и немалая финансовая помощь (на подкуп русских чиновников в местах каторги и ссылки) для безопасного въезда в страну и выезда из нее. Это не слишком удивительно в случае Парвуса, учитывая его предполагаемые старые связи с немецкими военными ведомствами. Он приехал в Россию летом 1905 г. и вместе с Троцким основал в Петербурге один из первых советов рабочих депутатов, который «снабжал денежными средствами»²¹¹. Арестованный, осужденный и сосланный на три года в Туруханск, он, опять же вместе с Троцким, совершил фантастически авантюрный побег из Сибири за границу через всю Россию²¹². Под именем Петера Кляйна Парвус вновь объявился в Германии, где в 1910 г. правление СДПГ разоблачило его как провокатора.

Большое число похожих историй указывает на массовое явление, корни которого крылись в специальных мерах секции ШВ и аналогичного австрийского учреждения. Так, товарищ Ленина М. М. Валлах (партийные клички: Папаша, Литвинов) занимался контрабандой оружия через границу, имея «настоящий» немецкий паспорт на имя Густава Графа²¹³. Вместе с ним ездил в Париж, Льеж, Женеву, Софию и Вену армянский большевик из Гори (Грузия) С. А. Тер-Петросян (партийная кличка Камо) с австрийским паспортом на имя Дмитрия Мирского. Польский соратник Ленина Ф. Э. Держинский чудесным образом сбежал из строго охраняемых русских тюрем²¹⁴. Лео Йогихеса из Литвы, в январе 1907 г. приговоренного варшавским военным судом к пожизненной ссылке в Сибирь, освободил в феврале при отправке к месту ссылки польский ленинец и многолетний сотрудник Эвиденцбюро Фюрстенберг-Ганецкий, затем его в апреле безопасным путем доставили в Берлин. Сам Ганецкий был задержан при освобождении другого товарища из тюрьмы и 8 марта 1907 г. сослан в Вятскую губернию, но уже в апреле бежал и явился к Ленину в Финляндию. Когда он в конце апреля по поручению Ленина поехал в Варшаву, его опять арестовали и 11 ноября отправили в Оренбургскую губернию, откуда он снова сбежал и вскоре оказался за границей в Западной Европе. В 1909–1910 гг. Ганецкий с несколькими товарищами курсировал между Берлином, Петербургом, Москвой и

²¹¹ Цит. по: Chavkin B. Alexander Parvus – Financier der Weltrevolution. S. 35 (со ссылкой: ГА РФ. ДП. Д. 1603. Ч. 1. Л. 1). Немецкие и русские источники подтверждают его агентурную деятельность в этот период.

²¹² В его книгах «В русской Бастилии во время революции» (Дрезден, 1907) и «Побег из Сибири» (СПб., 1908) подчеркивалась изобретательность заключенных, которая наверняка подкреплялась акциями помощи со стороны разведок центральных держав.

²¹³ Possony S. T. Lenin. S. 561, Anm. 27 (со ссылкой на донесение охранки от 12 декабря 1906 г.).

²¹⁴ Феликс Эдмундович Держинский (1877–1926), с 1895 г. принадлежал к левому крылу литовской социал-демократии, в 1897 г. арестован в Ковно за работу в революционном подполье и в 1898 г. сослан на 3 года в Вятскую губернию. В 1899 г. бежал в Варшаву, где в 1900 г. снова был арестован. В 1902 г. сослан на 5 лет в Якутию, бежал в том же году, опять в Варшаву, а оттуда в Берлин. Из Берлина в 1905 г. поехал в Россию для участия в революции, с 1906 г. примкнул к Ленину; см., напр.: СВЭ. Т. 3. С. 168–170.

Краковом, пока не уговорил Ленина в 1911 г. обосноваться в Габсбургской монархии и не уладил в 1912 г. все формальности для его поселения в Кракове²¹⁵.

Пограничный контроль эти и прочие товарищи проходили так легко, что Дзержинский и Ганецкий в 1907–1909 гг. без конца ездили туда-сюда, то и дело арестовывались и ссылались, но «каждый раз убегали»²¹⁶. И они, и многие другие по возвращении в Европу, как правило, сначала останавливались в Берлине, даже если раньше их с германской столицей мало что связывало. Это относится и к Карлу Радеку, жившему в Швейцарии подданному габсбургской короны, который, в целях подготовки побывав в Берлине, отправился оттуда с немецкими документами для участия в революции в Варшаву. В Берне Радек поддерживал отношения с Карлом Виталем Моором, которого Теодор Либкнехт подозревал в многолетней работе на германскую разведку²¹⁷. Радек тоже из варшавской тюрьмы вернулся в Германию, где Август Бебель позже исключил его из рядов немецкой социал-демократии на Йенском съезде СДПГ (1913), говоря о нем исключительно как о «субъекте», недостойном быть названным по имени.

Из Цюриха приехал поучаствовать в русской революции полунемец-полушвейцарец Фриц Платтен (сын саксонского рабочего и швейцарки). В мае 1906 г. он явился в Ригу с немецким паспортом на имя Людвиг Мелля²¹⁸, привез оружие и боеприпасы, а в мае 1907 г., после года подпольной работы, его арестовали. В рижской тюрьме о нем «заботился» Карл Моор, пока Платтена не выпустили «под крупный залог»²¹⁹ с условием не покидать Ригу. Однако в марте 1908 «германский агент» Платтен «бежал» из Риги в Гамбург и чуть позже прибыл в Цюрих²²⁰. Поскольку к тому времени Моор стал «бедняком»²²¹ и разругался с партийным руководством, Платтен тоже не считался кредитоспособным, партийная касса, скорее всего, была для них закрыта – деньги на дорожные расходы, помощь в тюрьме и залог, должно быть, поступили из других источников²²².

Исключение представляла Роза Люксембург. Ее 8 июля 1906 г. выпустили из варшавской тюрьмы под залог по ходатайству семьи, запретив покидать польскую столицу. 8 августа она под подписку о невыезде получила разрешение на пребывание в Финляндии. Тот факт, что она воспользовалась им, чтобы посетить не слишком уважаемого ею Ленина в Куоккале, и провела в его обществе месяц, прежде чем с надлежащими документами 14 сентября выехала в Гамбург, позволяет усмотреть в ее визите в убежище Ленина не столько интерес к ленинскому революционному опыту²²³, сколько своего рода поход в Каноссу, ибо только так она могла раздобыть необходимые бумаги, – видимо, Ленин или Большевицкий центр имел доступ к немецким паспортам либо, по крайней мере, располагал соответствующими связями (например, через Стокгольм). Предположение, что множество свободно пересекавших границу в обоих направ-

²¹⁵ Ермолаева Р. А. Яков Станиславович Ганецкий (К 85-летию со дня рождения) // Вопросы истории КПСС. 1964. № 3. С. 96–100.

²¹⁶ Nettl P. Rosa Luxemburg. Köln; Berlin, 1967. S. 525. Петер Неттль, как и другие западные историки социалистического движения, в неведении обо всех строгостях русского полицейского государства находил это явление столь естественным, что даже никак не комментировал.

²¹⁷ О Карле Мооре см., напр.: Schurer H. Karl Moor – German Agent and Friend of Lenin // Journal of Contemporary History. 1970. Vol. 5. No. 2. P. 131–152; Haas L. Carl Vital Moor, 1852–1932. Ein Leben für Marx und Lenin. Zürich; Einsiedeln; Köln, 1970.

²¹⁸ См.: Свенцицкая О. В. Фриц Платтен. М., 1974. С. 16.

²¹⁹ Там же. С. 17.

²²⁰ См.: Иванов А. Фриц Платтен. М., 1963. С. 7–9. Иванов прямо назвал Платтена германским агентом.

²²¹ См. конфиденциальную записку советника швейцарского посольства в Берлине д-ра Л. Эггера послу А. фон Планта о разговоре с Карлом Моором, Берлин, 15 октября 1919 г.: Documents Diplomatiques Suisses (далее – DDS). Vol. 7 (1918–1920). Pt. 2. Bern, 1984. Nr. 110. P. 258 f.

²²² В подготовленных К. К. Звонаревым исследованиях, напечатанных в ранние годы советской власти «для служебных целей» и переизданных в 2005 г., и Фриц Платтен, и Карл Моор характеризуются как «агенты германской разведки»; см.: Звонарев К. К. Агентурная разведка: Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. Ге р – манская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Киев, 2005 [репринт издания 1929–1931 гг.]. С. 333–335.

²²³ Как говорит Неттль: Nettl P. Rosa Luxemburg. S. 336 ff.

лениях русских социалистов ездили в Россию для разжигания революции с немецкой помощью и, таким образом, вольно или невольно в качестве немецких агентов, находит подтверждение в воспоминаниях высокопоставленного работника российского Министерства иностранных дел. А. В. Неклюдов, под конец карьеры – посланник в Стокгольме, хорошо знакомый с основным маршрутом «северного подполья», знал, что число германских агентов в Российской империи в 1905–1906 гг. резко выросло и что они сыграли в русской революции роль, «явно негативную» для его страны. На основании имеющихся у него сведений Неклюдов утверждал: «Берлин определенно установил связь с русскими революционерами и содержал в рабочих центрах империи верных и ловких агентов»²²⁴. Такими центрами политической активности были Петербург, Москва, Варшава, Рига и пр.; и только варшавская охранка при энергичном шефе Батюшине в некоторых случаях вскрывала закулисную сторону этого движения и уличала кое-кого из его пособников²²⁵.

²²⁴ Nekludoff A. Souvenirs diplomatiques: En Suede pendant la Guerre Mondiale. Paris, 1926. P. 197.

²²⁵ См.: Sisson E. One Hundred Red Days: A Personal Chronicle of the Bolshevik Revolution. New Haven, 1931 – с приложением: The German-Bolshevik Conspiracy // The Committee on Public Information, War Information Series. 1918. No. 20 (October). Doc. 51* (на нем. яз.: Die deutsch-bolschewistische Verschwörung: 70 Dokumente herausgegeben vom amerikanischen Komitee für öffentliche Information. Bern, 1919). Изучая связь между Людендорфом и Лениным, нельзя обойти вопрос подлинности документов, приобретенных зимой 1917–1918 гг. в Петрограде специальным посланником президента Вудро Вильсона Эдгаром Сиссоном. Т. н. документы Сиссона (70 документов, 13 из которых Сиссон получил в оригинале, а 35 в фотокопиях) были в США подвергнуты научному анализу и признаны подлинными, за исключением двух. Сиссон достоверно описал путь, каким эти бумаги попали из Смольного к представителю США, позже его подробно обрисовал один из русских посредников в приобретении документов (Семенов [Коган] Е. П. Германские деньги у Ленина // Последние новости [Париж]. 1921. № 294–300) и нашел правдоподобным историк П. Н. Милюков (Последние новости. 1921. № 293). Тем не менее официальные германская и советская стороны оспаривали подлинность документов, и видные российские историки (М. А. Малков, В. И. Старцев и др.) разделяли эту позицию даже после перестройки. Брешь в стене отрицания с российской стороны пробил в 1996 г. А. Г. Латышев. Он нашел среди засекреченных документов Ленина в Центральном партийном архиве (ЦПА ИМЛ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 226) записку Наркомата иностранных дел от 16 ноября 1917 г. под грифом «совершенно секретно», совпадающую по форме и содержанию с документом № 1* из бумаг Сиссона. Записка гласила: «Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров товарищей Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее: 1. В архиве министерства юстиции из дела об “измене” товарища Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7433 от второго марта 1917 года с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России. 2. Были просмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка за № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина». Совпадение этого текста с текстом сиссоновского документа № 1* побудило Латышева настаивать на проверке всех документов Сиссона. Ранее проверка проводилась дважды: д-ром Эрнстом Бишоффом по поручению Филиппа Шейдемана (Bischoff E. Die Entlarvung der «Deutsch-bolschewistischen Verschwörung». Berlin, 1919) и американским дипломатом Дж. Ф. Кеннаном (Kennan G. The Sisson Documents // The Journal of Modern History. 1956. Vol. 28. No. 2. P. 130–154), опиравшимся на исследование Бишоффа. Последнее имело целью оградить от обвинений немецкие ведомства и предприятия, причастные к поддержке и финансированию большевиков, но делалось это неубедительно, отчасти по-дилетантски. Шейдеман лично был заинтересован в том, чтобы доказать подделку, так как его имя фигурировало в документах среди источников субсидий; он дал возможность лицам, скомпрометированным так же, как он сам, «официально констатировать» фальшивку. Макс Хоффман участия в этом принимать не стал, Вильгельм Грёнер принял только до определенных пределов. Остальные представители ведомств воспользовались шансом снять с себя ответственность с благодарностью, но при помощи сомнительных средств. Их «официальное» отрицание связей с русскими революционерами не являлось единичным случаем, оно следовало общему правилу: так, министр иностранных дел, отвечая от имени правительства на парламентский запрос, заявил, будто в делах МИД нет ни намека на то, «что русские политики Ленин и Троцкий поддерживались из средств Министерства иностранных дел или что Министерство иностранных дел давало согласие на поддержку этих политиков германскими военными ведомствами» (Verhandlungen des Reichstages. Bd. 365: 1920/1. Aktenstück Nr. 1399). Последовавшее поручение произвести соответствующее расследование (26 февраля 1921 г.: Ibid. Nr. 1532) осталось «неисполненным». И это несмотря на то, что Карл Иоганн фон Фосс (псевдоним Ханс Форст) еще весной 1919 г. подтвердил подлинность большей части документов Сиссона в передовице «Берлинер тегеблатт» (Die Beziehungen des deutschen Imperialismus zum russischen Bolschewismus // Berliner Tageblatt. 1919. 31. März), а д-р Эдуард Бернштейн, в правительстве народных уполномоченных занимавший должность помощника от Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ) в Имперском казначействе с доступом к его документам, засвидетельствовал финансирование большевиков (Bernstein E. Ein dunkles Kapitel // Vorwärts. 1921. 14. Januar; Idem. Meisterstück und Meisterschuld. Des dunklen Kapitels zweiter Teil // Vorwärts. 1921. 20. Januar). Прусский государственный комиссар по вопросам общественного порядка Роберт Вайсман (СДПГ) соглашался с этой точкой зрения, благодаря собственному петроградскому опыту ее разделяли французские и английские дипломаты. Более поздние научные исследования подкрепили их сведения и извлекли на свет массу доказательств из архивов МИД. Не зная об этих источниках, Дж. Ф. Кеннан на основании брошюры Шейдемана-Бишоффа, а также результатов формальной, технической и графологической экспертизы склонялся к условному отрицанию подлинности

В Берлине события войны и революции в России открыли заинтересованным наблюдателям из Большого генштаба глаза на дальновидность прусского военного реформатора Карла фон Клаузевица, считавшего, что Россия может быть побеждена не каким-либо иностранным государством, а только собственной слабостью и внутренним расколом²²⁶. Реорганизация разведслужбы с преодолением традиционных «сословных границ» убрала моральные барьеры на пути к систематическому использованию этого открытия. Под впечатлением от него разведывательная секция Шв с 1905 г. перешла к щедрому снабжению русских эмигрантов антиправительственного настроения документами и прочим необходимым для поездок, предоставляя средства для въезда в Российскую империю и материальную поддержку даже враждебным России радикальным социалистам из Швейцарии. С их помощью русский отдел Большого генштаба (так же как Эвиденцбюро, по свидетельству М. Ронге), помимо докладов от своих официально допущенных на русско-японский фронт военных наблюдателей, мог получить достоверную информацию о передвижениях войск внутри России и борьбе на внутренних фронтах русской гражданской войны. Таким образом, ценность этих неофициальных осведомителей значительно повысилась, и в 1905–1906 гг. секция Шв в ходе применяемого теперь массового рекрутирования агентов в России²²⁷ стала систематически вербовать будущих коллаборационистов из антироссийских левосоциалистических кругов. Вышеприведенные слова ее сотрудника Фридриха Гемппа, что до 1905–1906 гг. «коренные русские или поляки и интернациональные евреи» как «профессиональные агенты» германской разведки «еще не играли роли», если идти от обратного, фактически означали, что с этих пор их значение для добычи разведанных резко возросло и сделало их весомым элементом работы за границей.

Перечисление Гемппом групп этих агентов вызывает ряд вопросов, и в первую очередь вопрос, имел ли он в виду больше отдельных лиц или также коллаборационистские группировки (партии). Как говорят намеки Макса Ронге²²⁸, в то же время, когда, судя по немецким и русским источникам, ширилось рекрутирование отдельных агентов, секция Шв Большого генштаба приступила к сотрудничеству с социалистическими партиями, причем лидер партии сам подбирал товарищей для агентурной деятельности и предлагал их кандидатуры. Среди таких партий ленинская охватывала все три национальности, названные Гемппом: к партии большевиков, поначалу преимущественно русской, принадлежали и поляки, которые уступали русским численностью в массе рядовых партийцев, зато играли заметную роль в руководстве; в ней также – наряду с другими этническими группами, например представителями прибалтийских и кавказских народов, – состояли евреи, в основном российские и польские²²⁹. Чисто

документов Сиссона. Правда, он понимал, что ему не хватает компетентности для окончательного суждения, и допускал: «Тот, кто верит в аутентичность [этих документов]... должен быть готов признать... 1. Что... от Ноябрьской революции до... Брестского мира советские руководители реально находились в тайном подчинении у германского Генерального штаба... 2. Что это подчинение заходило так далеко, что германский Генеральный штаб реально контролировал выборы Центрального исполнительного комитета в январе 1918 года... 3. Что германский Генеральный штаб тайно содержал... целые ведомства в Петрограде... 4. Что Брест-Литовские переговоры... были изощренной мистификацией... а советские переговорщики в действительности тайно контролировались немцами... по другим каналам» (Kennan G. The Sisson Documents. P. 134; его признание в недостаточных исторических знаниях см.: *Revolutionary Russia* / ed. R. Pipes. Cambridge, Mass., 1968. P. 95). Тем не менее для российских авторов, отрицающих подлинность документов Сиссона, «экспертиза» Кеннана стала краеугольным камнем аргументации. А. А. Арутюнов подверг эту аргументацию детальному разбору в 2002 г. в своей двухтомной биографии Ленина. Путем изучения множества подлинных документов, дублирующих или косвенно подтверждающих документы Сиссона, из российских государственных архивов, научного анализа их содержания, упоминающихся в них дат и лиц он сумел найти доказательства в пользу аутентичности большинства документов Сиссона. Поскольку все же их подлинность до сих пор остается спорной, ссылки на эти документы в данной книге отмечены звездочкой.

²²⁶ Clausewitz C., von. *Vom Kriege: Hinterlassenes Werk*. Frankfurt a. M.; Berlin; Wien, 1980. S. 703.

²²⁷ См., напр.: Звонарев К. К. *Агентурная разведка*. С. 410–412.

²²⁸ Ronge M. *Kriegs- und Industrie-Spionage*. S. 47.

²²⁹ В руководстве большевиков «русские», т. е. этнические русские или великороссы, составляли 42 % (чуть меньше статистической оценки их доли от всего населения страны – 44 %), «малороссы» (украинцы) – 9 % (против 19 % от населения), поляки – 3 % (6 % от населения), евреи – 15 % (4 % от населения); кроме того, там было 10 % кавказцев (4 % от населения), 6 % латышей (1 % от населения) и по 1 % литовцев, белорусов и немцев. См. из последних работ: Riga L. *The Bolsheviks and*

польская ППС сотрудничала с Эвиденцбюро²³⁰, а ее левая фракция одновременно контактировала с Лениным и его товарищами. Под выражением «интернациональные евреи» Гемпп, возможно, понимал отдельных еврейских агентов (вроде Парвуса и пр.), а как группу – тех, кто в годы мировой войны появился в политической номенклатуре нескольких революционных партий России под названием «интернационалистов». Так, меньшевистская группировка под руководством Ю. О. Мартова, отколовшись от большинства меньшевиков, конституировалась в качестве самостоятельной партийной группы «меньшевиков-интернационалистов», а часть партии эсеров во главе с В. М. Черновым объявила себя «эсерами-интернационалистами». В «интернационалистических» партийных группировках большую долю составляли еврейские деятели, поэтому можно допустить, что Гемпп объединил обозначением «интернациональные евреи» коллаборационистские силы этих партий, т. е. «еврейских интернационалистов» из разных партийных групп. В кругах молодых еврейских «интернационалистов» (в отличие от старшего поколения) действительно существовала определенная готовность к сотрудничеству с разведками центральных держав. Имелись и другие группировки (такие, как «социалисты-меж[ду]районцы»), которые, не вставляя слово «интернационалисты» в свое название, в общем считали себя интернационалистами. У них в руководстве тоже была велика доля евреев, и они тоже могли сотрудничать с разведслужбами центральных держав (скажем, через Парвуса или Троцкого за рубежом). При этом не установлено, много ли знали (если знали) внутрироссийские группы о связях с разведкой своих эмигрировавших кумиров (Парвус во время войны создал себе ореол мецената классовой борьбы с неисчерпаемыми богатствами, который сбил с толку даже его немецких товарищей). Все «еврейские интернационалисты» определили свои политические позиции в связи с Циммервальдской и Кинтальской конференциями и в России индивидуально (как Н. Н. Суханов) или коллективно (как межрайонцы) склонялись к более или менее открытому пораженчеству.

Очень обобщенно в приведенной Гемппом классификации «профессиональных агентов» (если говорить о группах) «коренных русских» можно соотнести с партией Ленина, «коренных поляков» с ППС, а «интернациональных евреев», т. е. еврейских «интернационалистов», с партийными группами, которые координировались Парвусом, Троцким и Черновым, причем степень сознательности их сотрудничества с секретными службами различалась. В противоположность «интернационалистическим» (и потому, как правило, пораженческим) группировкам другие социалистические партии Российской империи, от социал-демократов большинства или правых социал-демократов до правых эсеров, трудовиков и народных социалистов, не сотрудничали с разведками вражеских держав на групповом уровне и вряд ли сотрудничали на индивидуальном (автору такие случаи неизвестны). Несколько особняком тут стоит Партия социалистов-революционеров – в большинстве своем русская, опиравшаяся на русское крестьянство²³¹; она как партия не сотрудничала с неприятельскими генштабами, и еврейские члены ее руководящих органов, которые в первую очередь считали себя *русскими* евреями, следуя воле рядовой партийной массы, длительное время сторонились коллаборационизма. Но по возвращении Чернова²³², который под псевдонимом Гарденин со своей газетой «На чужбине», финансируемой из иностранных источников, выступал за поражение России среди русских военнопленных в немецких и австрийских лагерях, петроградский ЦК ПСР под его влиянием также широко раскрыл двери вражеским агентам. Значительное же большин-

the Russian Empire. New York, 2012. P. 16 (об этнически русских большевиках: с. 227–229).

²³⁰ Это сотрудничество не является предметом настоящего исследования. См. о нем с российской точки зрения «Краткий обзор польского революционного движения по 1 августа 1915 г.» начальника Варшавского охранного отделения: Лемке М. К. 250 дней в царской ставке, 1914–1915. Переизд. Минск, 2003. С. 435–446.

²³¹ О социально-экономической базе и составе российских партий см.: Riga L. The Bolsheviks and the Russian Empire. P. 50.

²³² Ср.: Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию: Мои воспоминания (1882–1922). Берлин, 1923. Т. 1. С. 363 (о том, как Чернов по возвращении старался подстраховаться от разоблачения и преследования).

ство русской социал-демократии во главе с ее вождем Г. В. Плехановым как отказалось в свое время от предложений японцев, так и продолжало не только избегать сотрудничества с врагом в любой форме, но и осуждать его. Меньшевистская группа Мартова с еврейским большинством в руководстве, пытавшаяся во время войны взять на себя посредническую роль в качестве «меньшевиков-интернационалистов», принимала средства на пропагандистскую и организационную работу от своих немецких товарищей из правления СДПГ, но при этом долго пребывала в уверенности, что речь идет о пожертвованиях от немецкой партии или промышленности.

Таким образом, известная присказка немецких чиновников, что «всех русских подмазывали»²³³, содержит неоправданное преувеличение. «Подмазывали» и в результате делали послушными интересам Германии в России в первую очередь тех «русских», которые уже поступились национальной гордостью, сознательно сотрудничая с японским Генеральным штабом, и теперь охотно предоставляли себя в распоряжение очередного агрессора ради того, чтобы уничтожить свою родину изнутри (во внутренней номенклатуре секции/отдела Шв они проходили по графе «предатели родины»), т. е. группу Ленина и ее вольных или невольных помощников.

Экскурс: Ленинский пограничник Я. М. Свикке

Свободное пересечение границы русскими и прочими агентами разведок центральных держав стало возможным благодаря предусмотрительности секции Шв Большого генштаба. В 1904 г. ей удалось поставить себе на службу ездившего вместе с императором на охоту в его восточнопрусских владениях в Роминтенской пуще русского подполковника С. Н. Мясоедова, который с 1901 г. руководил пограничным жандармским корпусом соседней российской станции Вержболово (Вирбаллен). Как начальник находящейся в 742 км от Петербурга и в 663 км от Берлина пограничной станции важной железнодорожной линии Петербург— Варшава — Берлин, по которой за 24 часа можно было попасть из одной столицы в другую, он осуществлял контроль за проезжающими, их багажом и грузами и мог выдавать паспорта для выезда за границу. Во время революционных беспорядков Мясоедов широко пользовался своими возможностями в германских интересах, а 27 сентября 1907 г. покинул службу на германо-русской границе, уйдя в отставку в знак протеста против своего перевода вглубь страны по распоряжению Столыпина. На его место пришел латышский большевик Свикке.

Рижанин Ян Мартынович Свикке (1885–1976; партийные клички: Родионов, Тарасов, Тарасов-Родионов) в 1904 г. вступил в большевистскую фракцию РСДРП как латышский социал-демократ. Он участвовал в революционных беспорядках 1905–1906 гг., и в знак признания его заслуг Ленин в августе 1907 г. делегировал его на Штутгартский конгресс II Интернационала. В 1907–1908 гг. Свикке встречался с Лениным как в его финском убежище или во время его коротких вылазок в Москву и Петербург, так и в Женеве. По данным историка И. Ф. Плотникова, он «по заданию партии» внедрился в полицию и проработал там несколько лет, обеспечивая во время службы на западной границе тайную переправку единомышленников за рубеж²³⁴. Упомянутая Плотниковым «полиция» – это Особый жандармский корпус, который действительно выполнял полицейские задачи, например по розыску политических преступников, и, как и полиция, подчинялся Министерству внутренних дел. Насколько сегодня известно, Свикке пробыл там с 1907 г. чуть ли не до Первой мировой войны, семь лет «служа» и ленинской партии, и германскому Генеральному штабу. Таким образом, он принадле-

²³³ В передаче Эдуарда Бернштейна, см.: Новая жизнь. 1918. 24 янв.

²³⁴ См.: Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.): Энциклопедия и библиография. Екатеринбург, 2007. С. 86. О Свикке см. также: Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 128–130.

жал к тем партийцам, которые, согласно Ронге²³⁵, подбирались партийным лидером и через него попадали в разведывательную агентуру. В Вержболово, на станции первого класса линии Петербург – Берлин, второго по значимости пути сообщения с Западом в Российской империи после строительства линии Варшава – Петриков – Вена (третьим позже стала ветка Москва – Александрово – Варшава с пересадкой на Берлин), с первоклассным же таможенным контролем, предупредительный жандарм, строго причесанный по-прусски на прямой пробор²³⁶, обращал на себя внимание проезжающих и некоторым из них западал в память. Так, бывшая фрейлина царицы баронесса Буксгевден, которая в мае 1918 г. находилась при больном царевиче в Тобольске, узнала в «комиссаре Родионове», перевозившем с отрядом латышских чекистов Алексея Николаевича в Екатеринбург, жандармского офицера из Вержболово, проверявшего у нее бумаги во время ее частых поездок в Берлин и обратно²³⁷. Последний генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандования русской армии при Временном правительстве, который ведал в том числе и контрразведкой, установил в результате расследования, что Свикке-Родионов, служа в Вержболово, неоднократно надолго отлучался в Берлин и проходил обучение при германском Генштабе²³⁸. Когда «комиссар Родионов» встретил в Тобольске добровольно сопровождавшего царя в сибирскую ссылку графа И. Л. Татищева (1859–1918), который с 1905 по 1914 г. был аккредитован при германском императоре в качестве личного представителя государя, у него невольно вырвался возглас: «Я вас знаю!» Граф попытался выяснить откуда, и оказалось, что комиссар бывал в Берлине и видел его там. Допущенная неосторожность, которая могла повести к дальнейшим расспросам и установлению его личности, побудила Свикке по прибытии конвоя в Екатеринбург увезти Татищева и его друга князя Долгорукова от остальных под предлогом освобождения и изолировать их в Екатеринбургском исправительном доме, где обоих 10 июля 1918 г. расстрелял чекист В. А. Сахаров.

В то время Свикке выполнял важные, строго секретные поручения в интересах как Ленина, так и Людендорфа. С момента возвращения Ленина в апреле 1917 г. Свикке активно участвовал в его борьбе за власть, появляясь под партийными кличками в главных точках насильственных действий против лиц и учреждений Временного правительства. После октябрьского переворота он с согласия Ленина привлекался петроградскими резидентами отдела ШВ к особо неблагоприятным с моральной стороны делам, а 19 декабря был назначен одним из первых членов Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). В одном донесении контрразведки штаба Красной армии Наркомату иностранных дел от 23 января 1918 г.^{*237} со списком «германско-русских агентов-информаторов», разосланных с целью наблюдения в разные уголки страны, содержалось и его имя (имена): в Томск поехали «Тарасов и Родионов» – явная описка в фамилии общего германско-большевистского агента Тарасова-Родионова, т. е. Свикке.

В мае 1918 г. Свикке по поручению Ленина и председателя ВЧК Дзержинского, лично попрощавшись с Лениным, отправился в Тобольск, чтобы перевезти в Екатеринбург вторую группу родственников и приближенных бывшего царя. Поручение он выполнял в большой спешке, с ненужной и недостойной жестокостью – и Ленин, и Людендорф опасались, что белые захватят наследника трона и вместе с правительствами стран Антанты будут использовать его в качестве российского правителя в изгнании. В Екатеринбурге «комиссар Родионов» со своим латышским отрядом взял на себя охрану царской семьи; еще один латыш-ленинец Р. И. Берзин, командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом, сделал его членом Высшей военной

²³⁵ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 47.

²³⁶ См. сделанный летом 1917 г. снимок членов Военно-революционного комитета в Петрограде: Pipes R. Die Russische Revolution. 3 Bde. Berlin, 1991–1993. Bd. 2. S. 247.

²³⁷ См.: Соколов Н. Убийство царской семьи. М., 2007 [переизд. 1-го парижского изд.]. С. 186.

²³⁸ См.: Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922. Ч. 1. С. 352.

инспекции Сибири. Во время убийства царя и его семьи Свикке присутствовал на месте событий, а затем был назначен комиссаром типографии Уральского военно-революционного комитета, где выпускал латышскую газету «Вперед». Потом работал исключительно в центральных советских карательных органах. В 1930-х гг. его по указанию Сталина уволили из НКВД, но не репрессировали. После советской аннексии Латвии Свикке вернулся на родину, умер он в 1976 г. в Риге.

1.3.2. Проникновение в охранку

Вследствие усилившейся активности офицеров германской разведки не на своей территории в германо-русском пограничье нарастала напряженность. В 1907 г. прусское Министерство внутренних дел ужесточило правила пересечения границы для российских офицеров, умножая тем самым пограничные споры. «Необычайная инициативность и ответственность» (Ф. Гемпп) немецких офицеров, ведущих по новым инструкциям военную разведку в приграничных районах России, вызвала все больше осложнений, которые вскоре вылились в российские процессы по делам о шпионаже; как позже признавался Гемпп, тут была «не совсем неповинна успешная деятельность Николаи из Кёнигсберга».

Наряду с привлечением, поощрением и обучением попавших в Германию революционеров, секция IIIb теперь широко осуществляла вербовку новых агентов внутри Российской империи. В годовом отчете за 1907 г. говорится о «множестве новых вербовок», в расходной ведомости указаны 13 штатных агентов, правда, полноценными названы только пятеро. Тем не менее в отчете подчеркивается, что «результат их работы... уже весьма отрядный»: «Касательно русских укреплений и железных дорог, подготовки войск, а также мобилизации пограничной охраны, помимо многочисленных устных сообщений, предоставлено много оригинальных документов, например, служебные предписания, приказы по военному округу...»²³⁹

Параллельно с реорганизацией секции IIIb Генерального штаба в 1906 г. произошли изменения и в полицейской сфере. Чтобы минимизировать возможные последствия русской революции для Германии, в частности влияние замешанных в «революционных кознях» студентов и евреев на немецкие учреждения (например, университеты) и социал-демократических агитаторов на армию, власти распорядились усилить контроль и надзор и ограничить приток подозрительных элементов²⁴⁰. Для тщательного учета «неблагонадежных» и беспрепятственного сотрудничества с нужными элементами, в первую очередь беглыми русскими революционерами, было создано Центральное полицейское управление при полицей-президенте Берлина. С 1 января 1907 г. оно приступило к работе «в тесном служебном общении с секцией IIIb Б [ольшого] генерального штаба». Берлинское центральное управление открыло в тех столицах федеративных государств империи, где находилось много русских эмигрантов, свои отделения, которые «с готовностью подчинялись руководству секции IIIb»²⁴¹.

Повышение мобильности российских борцов с самодержавием и их использование военными ведомствами в 1906–1907 гг. положили начало интенсивной фазе разведработы Большого генштаба в России. Помимо секции IIIb и 1-го (русского) отдела, возможность привлечения для разведки русских осведомителей увидели и другие отделы. К примеру, артиллерийский офицер Макс Бауэр, прикомандированный к отделу укреплений как специалист по подрыву и сносу иностранных крепостей, нанял русскоговорящего студента, чтобы с его помощью научиться не только русскому языку, но и правилам поведения русского подполья.

²³⁹ Geheimer Nachrichtendienst u. Spionageabwehr des Heeres von Generalmajor a. D. Gempp. Erster Band. S. 95, 143.

²⁴⁰ См. материалы заседаний кабинетов министров 18 декабря 1905 г. и Коронного совета 13 февраля 1906 г.: Acta Borussica, Neue Folge. Die Protokolle des Preußischen Staatsministeriums. S. 164, 169.

²⁴¹ Geheimer Nachrichtendienst u. Spionageabwehr des Heeres von Generalmajor a. D. Gempp. Erster Band. S. 81, 94.

Вооружившись этими знаниями, он предпринимал тайные поездки к российским приграничным крепостям под прекрасной маскировкой и в сопровождении местных информаторов²⁴².

Одновременно стал усиливать разведывательную деятельность в России и австро-венгерский Генеральный штаб, правда, медленнее и осторожнее, чем немецкие коллеги. Венскому Эвиденцбюро «как раз в 1906 г.» открылась «перспектива... быстро оживить сеть конфидентов перед конфликтом» благодаря польским эмигрантам из России: «Д-р Витольд Йодко и Ю. Пилсудский от имени российской Польской социалистической партии предложили Генеральному штабу в Перемышле агентурные услуги в обмен на поддержку их устремлений. Хотя Вена [в отличие от Берлина. – *Е. И. Ф.*] пока не решалась пойти на такой эксперимент, но на всякий случай держала этот козырь в рукаве»²⁴³. Года через два венское ведомство, по примеру немцев, отказалось от выжидательной позиции, начало в 1908 г. без ограничений привлекать к своей разведработе польских социалистов Пилсудского и активизировало контакты с российскими революционерами всех направлений²⁴⁴. В этой связи в ноябре 1907 г. капитана Генштаба Максимилиана Ронге призвали из Граца на службу в Эвиденцбюро при его тогдашнем шефе полковнике Ойгене фон Хордличке (1903–1909); Ронге проявил там такое усердие, руководя разведывательной группой, что в 1917 г. сам занял пост начальника бюро (1917–1918). Галицийские центры наступательной разведки против России во Львове, Кракове и Перемышле были возведены в ранг местных «главных разведывательных управлений» и укомплектованы несколькими офицерами каждое. Их задачи состояли в «вербовке, инструктировании и засылке разведчиков, приеме и обобщении их донесений, использовании и оценке конфидентов, постоянно находящихся за границей, обеспечении связи с такими людьми (почта, связные, шифры, тайнопись, секретные чернила и пр.)». Делалось все это в тесном сотрудничестве с продвинувшейся в данной области еще дальше немецкой секцией ШВ, о которой Ронге позже писал: «Ценную помощь на основе принципа взаимности оказывала германская разведка»²⁴⁵.

Интерес других отделов Большого генштаба к добытым секцией ШВ сведениям продолжал возрастать. Даже император перестал игнорировать предположительную необходимость разведывательной подготовки на случай войны и в начале 1908 г. затребовал высочайший доклад о деятельности российских и французских секретных служб, который представил ему 29 февраля 1908 г. начальник Генерального штаба на основании меморандума, составленного руководителем секции ШВ. Меморандум предупреждал об усилении работы спецслужб России и Франции и ее увеличивающейся опасности для германских интересов.

В ситуации неуверенности и растущего страха перед внедрением агентов вражеских разведок глава маленькой большевистской партии мог предложить Берлину выход. Когда он, совершив авантюрный побег из Финляндии по льду Балтийского моря, ненадолго задержавшись в Стокгольме под именем магистра Вебера в ожидании Крупской и вместе с ней продолжив путь в Германию в качестве «профессора Мюллера с женой»²⁴⁶, 4 января 1908 г. (22 декабря 1907 г. ст. ст.) после почти двухлетнего отсутствия явился в германскую столицу (где провел как минимум два дня – якобы «из-за болезни»²⁴⁷), чтобы через Лейпциг²⁴⁸ вернуться

²⁴² Vogt A. Oberst Max Bauer: Generalstabsoffizier im Zwielficht, 1869–1929. Osnabrück, 1974. S. 12 ff., 584, Anm. 8.

²⁴³ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 23.

²⁴⁴ Pethц A. Agenten für den Doppeladler. S. 51.

²⁴⁵ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 27, 29.

²⁴⁶ Gautschi W. Lenin als Emigrant in der Schweiz. Zürich; Köln, 1973. S. 34.

²⁴⁷ Ср.: «Из-за болезни Ленин и Крупская задерживаются в Берлине» (Биохроника. Т. 2. С. 373: 4–6 января 1908 г.).

²⁴⁸ Поссопи (Possony S. T. Lenin. S. 137) нашел эту и другие остановки Ленина в Лейпциге «загадочными». Через Лейпциг проходила железная дорога в Берлин и из Берлина, там издавалась «Лейпцигер фольксцайтунг» («Лейпцигская народная газета») и (как минимум с 1911–1912 гг.) работала тайная транспортная комиссия большевиков, которой руководил соратник

в Женеву, то привез с собой рецепт, как парализовать деятельность российской секретной службы путем проникновения в нее. И при этом имел веский мотив искать поддержки для реализации своего проекта: прекращение японских субсидий, запрет «экспроприаций» Лондонским съездом РСДРП (1907) и неудача фальшивомонетного предприятия его «финансиста» Красина летом 1907 г. сильно стеснили его в средствах. С мужеством отчаяния он еще охотился за чужими наследствами (в первый же вечер пребывания в Берлине посетил Розу Люксембург в ее квартире во Фриденау на Кранахштрассе, 58, тщетно пытаясь убедить ее признать право его партии на наследство Шмита²⁴⁹), но, чтобы поставить партийную работу на твердую ногу, нужны были стабильные доходы. Предположительно в Берлине ему их обещали²⁵⁰, и, возможно, решающую роль сыграли как раз его знания об охранке и начатое им внедрение туда агентов из рядов собственной партии. Среди первых же товарищей, прошедших 1 ноября 1907 г. в III Государственную думу, находились потенциальные сотрудники охранки. 13 из 442 депутатов Думы являлись социал-демократами, некоторые из них – сторонниками Ленина. Из этих последних большевистский депутат от Харьковской губернии Василий Егорович (Георгиевич) Шурканов²⁵¹ (р. 1876), женатый православный из крестьян Московской губернии, точно (в неизвестный момент времени) поступил на службу в Охранное отделение (агентурная кличка Лимонин, жалованье 75 рублей в месяц). Шурканов по окончании начальной школы стал рабочим-металлистом, работал на петербургском заводе «Новый Айваз», на Харьковском паровозостроительном заводе. Был избран членом Думы и товарищем председателя Союза металлистов, несмотря на то что в 1906–1907 гг. участвовал в десяти экспроприациях в Харькове. В мае 1912 г. он представлял свою фракцию на 7-й Всероссийской конференции РСДРП(б) в Стокгольме и выступал с докладом о пропаганде во время войны. В начале 1917 г. фигурировал в донесениях Петроградского охранного отделения как важнейший осведомитель о начинающихся волнениях из социал-демократической среды. Для охранки его задача состояла в слежке за товарищами. Какую главную задачу поставила ему партия, посылая в охранку, неизвестно, несомненно одно – такие агенты действовали «с неслыханной дерзостью»²⁵². Под эгидой Шурканова большевистская группка в социал-демократической думской фракции окольным путем привлекала других подходящих товарищей к парламентской работе в качестве докладчиков. Доказано, что по крайней мере один из них, Роман Вацлавович Малиновский²⁵³, докладчик III и депутат IV Государственной думы, стал крупнейшим агентом Ленина в охранке.

В последующие годы ленинский рецепт проникновения в охранку с успехом претворялся в жизнь. Поскольку охранка, следуя «Инструкции» 1907 г., в массовом порядке рекрутировала агентуру среди разочарованных, судимых и психически неустойчивых партийцев, партийный лидер, со своей стороны, мог, пользуясь случаем, делать подходящих людей из этого контингента двойными агентами. В документах Департамента полиции содержатся данные более чем о 2 700 штатных сотрудниках из рядов русской, польско-литовской и латышской социал-демокра-

Ленина И. О. Таршис (партийные клички: Альберт, Пятница), видимо не без ведома немецких властей.

²⁴⁹ О споре за наследство мебельного фабриканта Шмита см.: Geyer D. Kautskys russisches Dossier: Deutsche Sozialdemokraten als Treuhander des russischen Parteivermögens, 1910–1915. Frankfurt; New York, 1981.

²⁵⁰ По словам А. Петё, Ленин «очень рано» получил «финансовую поддержку» из Берлина и/или Вены, так как «основное направление соответствующего размещения финансов... ясно ведет к твердому ядру российских сторонников переворота» (Pethő A. Agenten für den Doppeladler. S. 52). Петер Шуберт (Schubert P. Die Tätigkeit des k.u.k. Militärattachés in Bern während des Ersten Weltkrieges. Osnabrück, 1980. S. 380) установил, что австрийцы поняли значение Ульянова гораздо позже, чем немцы. Поскольку Ленин завязал собственные отношения с Эвиденцбюро на рубеже 1911–1912 гг., представляется вероятным, что его регулярное, хотя поначалу весьма скромное финансирование секцией IIIb началось не позже 1908 г.

²⁵¹ См.: Государственная дума Российской империи, 1906–1917. М., 2008. С. 711.

²⁵² Dan T. Die Sozialdemokratie Russlands nach dem Jahre 1908 // Martow Ju. Geschichte der russischen Sozialdemokratie. Berlin, 1926. S. 265.

²⁵³ См.: Государственная дума Российской империи. С. 347.

тии²⁵⁴. Причем процент социал-демократов в штатной агентуре полицейских и сыскных органов значительно превышал долю членов других революционных партий, а наибольшее распространение это явление получило опять-таки среди большевиков²⁵⁵. Лишь немногие меньшевики соглашались служить шпиками, и в т. н. полицейской агентуре их было «всегда меньше», чем большевиков, каковое обстоятельство руководители охраны объясняли более высоким интеллектуальным уровнем меньшевиков²⁵⁶. Некоторые начальники охранных отделений (например, глава Московского охранного отделения А. П. Мартынов и его сотрудник ротмистр В. Г. Иванов), по служебной обязанности ознакомившиеся с социальными, психологическими и историческими предпосылками революционного движения, специализировались на вербовке и курировании социал-демократов, и особенно большевиков. Мартынов много лет поддерживал отношения с некоторыми большевиками из самого близкого ленинского окружения, в том числе с другом сестры Ленина по кличке Романов, и «вел» влиятельного большевика австрийского происхождения, которого в своих воспоминаниях называл Иваном Яковлевичем²⁵⁷. Самый известный большевистский двойной агент Р. В. Малиновский, судя по служебным запискам охраны, уже в 1907–1910 гг. имел связи с Департаментом полиции²⁵⁸, пока в 1910 г. не стал штатным сотрудником Московского охранного отделения, а в 1912 г. – наиболее высокооплачиваемым агентом из большевиков, который находился в личном ведении директора департамента С. П. Белецкого вплоть до увольнения последнего в январе 1914 г.

К 1910 г. работа шпиками приняла среди товарищей Ленина массовый характер, так что «порой... казалось, будто большевики – не более чем инструмент охраны», в 1908–1909 гг. четверо из пяти членов петербургского комитета ленинской партии были полицейскими агентами²⁵⁹. Пока Белецкий находился в руководстве Министерства внутренних дел (1910–1914), их число продолжало расти; судя по опубликованной части документов московской охраны, только в секретной агентуре Московской губернии состояло по меньшей мере 12 известных партийцев-ленинцев. Причины массового участия большевиков в подобного рода деятельности офицеры, отвечавшие за работу с осведомителями, видели в их низком духовном и культурном уровне, которого в большинстве случаев не доставало даже для того, «чтобы проводить пожелания д[епартамен]та полиции»²⁶⁰. Это наблюдение побуждало сотрудников охраны усиленно выискивать среди большевиков «интеллигентных рабочих». Видимо, они достигли определенных успехов, поскольку возлюбленная Ленина Инесса Арманд в 1909 г. жаловалась в Москве на провокаторство, ставшее в партии частым явлением, причем именно «среди интеллигентных рабочих, у которых ведь в противовес личным интересам, несомненно, стоит осознанный классовый интерес». Она полагала, «что партия бессильна уничтожить провокаторство en masse, потому что причины этого явления вне ее»²⁶¹. Ленин, который, вторя ее замечаниям, требовал «строить организацию так, чтобы в нее не мог попасть провокатор»²⁶², давно извлекал из провокаторства свою выгоду и не собирался от нее отказываться. Он уста-

²⁵⁴ См.: Перегудова З. И. Источник изучения социал-демократического движения в России (Материалы фонда департамента полиции) // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 96.

²⁵⁵ Спиридович А. И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти. С. 225.

²⁵⁶ Показания А. П. Мартынова комиссии Муравьева, см.: Дело провокатора Малиновского / сост. Б. И. Каптелов, И. С. Розенталь, В. В. Шелохаев. М., 1992. С. 135.

²⁵⁷ См.: Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 308–309.

²⁵⁸ Записка вице-директора Департамента полиции С. Е. Виссарионова, цит. по: Дело провокатора Малиновского. С. 62–63.

²⁵⁹ Possony S. T. Lenin. S. 151.

²⁶⁰ Показания А. П. Мартынова комиссии Муравьева: Дело провокатора Малиновского. С. 135.

²⁶¹ Цит. по: Голос Истории. 2-е изд. М., 1992. С. 31–32.

²⁶² Цит. по: Розенталь И. С. Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 66. См. также: Ленин В. И. ПСС. Т. 4. С. 194; Т. 7. С. 17.

новил правила, позволяющие ЦК давать отдельным товарищам особое разрешение на осведомительство²⁶³, взяв тем самым под личную защиту секретных агентов из рядов собственной партии, которые действовали в его интересах. В результате его партийная работа, с точки зрения Министерства внутренних дел, вошла в число «крупных примеров, когда руководители революционных организаций разрешали некоторым из своих членов вступать в сношения с политической полицией в качестве секретных осведомителей, в надежде, что, давая полиции кое-какие несущественные сведения, эти партийные шпионы выведут у нее гораздо больше полезных сведений для партии»²⁶⁴.

Ленин сам признал это на допросе у следователя Н. А. Колоколова из «Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств» под председательством московского адвоката Н. К. Муравьева (комиссии Муравьева), показав: «Малиновский превратился в одно из звеньев длинной и прочной цепи, связывавшей... нашу нелегальную базу с двумя крупнейшими органами воздействия партии *на массы*, именно с “Правдой” и с думской с[оциал]-д[емократической] фракцией. Оба эти органа провокатор должен был охранять, чтобы оправдать себя перед нами. Оба эти органа направлялись нами непосредственно... Малиновский мог губить и губил ряд отдельных лиц. Роста партийной работы в смысле развития ее значения и влияния *на массы*, на десятки и сотни тысяч... этого роста он ни остановить, ни контролировать, ни “направлять” не мог. Я бы не удивился, если бы в охранке... всплыл и такой довод, что Малиновский *на деле* оказался слишком связанным легальной “Правдой” и легальной фракцией депутатов, которые вели *революционную* работу в массах [более], чем это терпимо было для “них”, для охранки [курсив в тексте. – Е. И. Ф.]»²⁶⁵.

Таким образом, Ленин весной 1917 г. впервые вынужденно сознался в одном случае применения метода, который он практиковал и во многих других неизвестных случаях, продолжая держать в тайне еще больше операций подобного рода. Ибо он засылал своих товарищей не только в полицейские и сыскные органы, но и «в высшие звенья государственного аппарата или в близкие к правительственным инстанциям круги»²⁶⁶. Проникновение в эти инстанции и в охранку шло так успешно, что под конец «полиция и Ленин... работали рука об руку»: «Полиция арестовывала товарищей, с которыми Ленин не мог справиться, и не особенно возражала против продажи его книг в России. Ленину прощали призывы к террору и восстанию, к свержению правящих классов и буржуазии»²⁶⁷.

Правда, с Заграничной агентурой охранки Ленину везло меньше²⁶⁸. В ее отделениях в Берлине, Женеве, Париже и т. д. около 100 секретных агентов, отчасти тоже из рядов революционеров, следили за 4–5 тыс. русских эмигрантов, принадлежавших к антиправительственным партиям²⁶⁹. Двойные агенты в Заграничной агентуре, предъявлявшей к своим сотрудникам высокие требования, встречались гораздо реже, чем во внутренней охранке. К рекрутиро-

²⁶³ См.: Кознов А. П. Борьба большевиков с подрывной агентурой царизма в период реакции (1907–1910 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1986. № 12. С. 67. См. также: Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 59–74.

²⁶⁴ Спиридович А. И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти. С. 248.

²⁶⁵ Новый документ В. И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 23–24. См. также: Elwood R. E. Lenin's Testimony to the Extraordinary Investigatory Commission // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. 1999. Vol. XLI. No. 3–4. P. 259–271.

²⁶⁶ Эренфельд Б. Тяжелый фронт: Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1983. С. 30–31.

²⁶⁷ Possony S. T. Lenin. S. 151.

²⁶⁸ См., напр.: Johnson R. Zagraničnaia Agentura: The Tsarist Political Police in Europa // Journal of Contemporary History. 1972. Vol. 7. P. 221–242; Борисов А. Особый отдел Империи: История Заграничной агентуры российских спецслужб. СПб., 2001.

²⁶⁹ См.: Агафонов В. К. Парижские тайны царской охранки. М., 2004. С. 15, 306–395 (около 100 кратких биографий агентов Заграничной агентуры).

ванию там подходили иначе: преимущество отдавалось секретным сотрудникам с хорошим образованием, владеющим несколькими языками, убежденным патриотам. Среди них была непропорционально велика доля русских евреев, таковым являлся и многолетний руководитель берлинской резидентуры Хеккельман, он же Лангезен, он же (после перехода в православие) Гартинг. В парижской резидентуре служащие еврейского происхождения, включая крещеных евреев и евреев с русифицированными именами, составляли 40 %; среди них, наряду с социал-демократами и эсерами, находились беспартийные чиновники и интеллигенты свободных профессий. Помимо доминирующих групп русских и еврейских агентов, Заграничной агентуре оказывали услуги поляки, прибалты, представители привилегированных слоев (в том числе дворянства) русских и остзейских немцев. Долго остававшейся нераскрытой деятельности самого значительного большевистского сотрудника Заграничной агентуры, врача Я. А. Житомирского, охранка (а благодаря ей и историки последующих времен) обязана важнейшими сведениями о решениях и передвижениях Ленина и его товарищей в эмиграции. Житомирский после отъезда из Берлина (1901–1902) трудился в заграничной охране 15 лет, по большей части в Париже. Он как никто умел совмещать работу на охранку с безупречной партийной карьерой. Так, в 1907 г. он принимал участие в Лондонском съезде РСДРП, сблизился с Большевистским центром, в 1908 г. участвовал в Женеве в общих собраниях ЦК РСДРП, а в 1909 г. вошел в состав его женеvского Заграничного бюро. В годы войны следил за поразительной пропагандой большевиков во Франции, где служил врачом в русском экспедиционном корпусе. Ленин очень ценил сведущего друга и товарища и лишь в январе 1914 г. через своего агента в охране Малиновского узнал о подозрениях «частного детектива» эсеров В. Л. Бурцева²⁷⁰ в адрес Житомирского. Во время ревизии парижского охранного отделения, проведенной руководителем Особого отдела Департамента полиции М. Е. Броецким по поручению товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского (сентябрь – октябрь 1913 г.), в парижской агентуре охраны среди 23 секретных сотрудников насчитывались 11 эсеров, 4 анархиста-коммуниста, 2 социал-демократа (один из них Житомирский), 1 бундовец, 1 латышский социал-демократ, 1 член армянской партии «Дашнакцутюн» и 2 сотрудника, специально представленные к Бурцеву²⁷¹.

Во время визита Ленина в Берлин в январе 1908 г. масштабы проникновения его товарищей в охранку и другие государственные учреждения еще нельзя было предвидеть в полной мере. Однако соответствующие планы, несомненно, давали ему, особенно с расчетом на будущую войну, удобную позицию для переговоров с разведками центральных держав. Вполне вероятно, решение переселиться в Париж, которое он действительно осуществил вскоре по возвращении из Берлина в Женеву, возникло у него под этим впечатлением, и он взял на себя на время пребывания там задачи, которые – так же как основание партийной школы в парижском пригороде Лонжюмо – отвечали общим интересам его партии и секции Шв Большого генштаба²⁷². Поэтому, может быть, не случайно Крупской так врезалось в память недоброжелательное отношение парижской полиции к Ленину и его товарищам²⁷³.

²⁷⁰ О В. Л. Бурцеве см.: «Я левый из левых, демократ, социалист...»: Архивная справка на В. Л. Бурцева // Исторический архив. 2002. № 1. С. 116–144; № 2. С. 42–80. О его разоблачениях рассказала (не во всем верно) Рита Кроненбиттер: Kronenbitter R. T. The Sherlock Holmes of the Revolution // Studies in Intelligence. 1967. Vol. 11. No. 4. P. 83–100.

²⁷¹ Содержание отчета о ревизии см.: Перегудова З. И. Политический сыск России. С. 171–173 (со ссылкой: ГА РФ. Ф. 102.00.1911. Оп. 314. Д. 24. Л. 1–49).

²⁷² Указания на это могут находиться в докладах Департамента полиции о партийной школе в Лонжюмо (Перегудова З. И. Политический сыск России. С. 319, 354, примеч. 51) и до недавнего времени недоступных личных фондах Ф. Бинта (ф. 509), В. Л. Бурцева (ф. Р-5802) и В. К. Агафонова (ф. 509) в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), которые автор не имела возможности просмотреть. Ср.: Там же. С. 9–11.

²⁷³ Krupskaja N. Erinnerungen an Lenin. S. 263. Документы отвечавшего за внешнюю разведку Второго бюро французского Генерального штаба за соответствующие годы (1908–1912) не содержат (больше) никакой информации по этому поводу, что неудивительно после всех их путешествий (в 1940 г. – в Берлин, в 1945 г. – в Москву) и просмотра заинтересованными лицами.

Несмотря на все эти перспективные возможности, остается вопрос, почувствовал ли Ленин в январе 1908 г. в Берлине такое же понимание в отношении себя самого и нужд своей партии, какое встретил четыре года назад со стороны офицера японской разведки в Женеве. Все-таки внешность и черты характера этого приземистого плотного русского с его вспышками «татаро-монгольской дикости» (так отозвалась в то время о Ленине Роза Люксембург²⁷⁴), во время разговора помогавшего себе резкими короткими взмахами рук, коверкавшего немецкий язык и даже при переходе на родную речь производившего впечатление недоучки²⁷⁵, никак не соответствовали взглядам думающего о своем продвижении прусского офицера разведки или Генштаба на свойства, которые украсили бы его карьеру. Определенное недовольство берлинским опытом, возможно, побудило Ленина, когда тот в преддверии войны искал для себя и товарищей подходящую обстановку, чтобы с подобающими средствами подготовиться к великому противостоянию, весной 1912 г. – после того как еще в 1911 г. он распекал «Иудушку Троцкого», который «получал субсидию»²⁷⁶ в Вене, – при посредничестве Фюрстенберга-Ганецкого поселиться под крылом у Главного разведывательного управления венского Эвиденцбюро в Кракове. Офицеры разведки многонациональной империи в известной мере больше привыкли иметь дело с агентами других национальностей и лучше, чем их прусские коллеги, понимали психологию сотрудников-славян.

1.3.3. Людендорф во главе оперативного отдела – «злой гений Мольтке»

С назначением 1 апреля 1908 г. на пост руководителя 2-го, т. е. оперативного, отдела Большого генштаба в подготовку германской разведки к возможной войне энергично включился подполковник Эрих Людендорф. По свидетельству позднейшего шефа секции ШЬ, Людендорф имел «в Генеральном штабе, как начальник оперативного отдела, решающее влияние» на развитие разведслужбы. В то же время он демонстрировал своим примером «желание Генерального штаба со свежими силами наверстать упущенное»²⁷⁷. Очень скоро он велел разведке прямо готовиться на случай мобилизации.

Как начальник 2-го отдела Людендорф занимался всеми связанными с армией вопросами, которые касались ее «военного развития в мирное время (обучение, вооружение, оснащение, организация) и ее мобилизации», отвечал за охрану границ и «развертывание войск в случае мобилизации», подчиняясь непосредственно указаниям начальника Генерального штаба, и стал чувствовать себя «важной персоной, на которую обращают внимание»²⁷⁸. С таким чувством новый начальник отдела постарался по-своему применить план Шлиффена в реальном планировании развертывания армии. Как и прежде, «горячий сторонник шлиффеновского учения, относившийся с почтением, но без особого восхищения к Мольтке-младшему, обладателю столь великого имени, он со всей тщательностью принялся за план развертывания к

²⁷⁴ В письме к Иогихесу от 19 августа 1909 г., цит. по: Nettl P. Rosa Luxemburg. S. 549.

²⁷⁵ В документах хорошо осведомленной московской охранки Ульянов-Ленин характеризовался как недоучившийся литератор. Ср.: Материалы по истории общественного и революционного движения. Т. 1. С. 236–238.

²⁷⁶ См.: Ленин В. И. О краске стыда у Иудушки Троцкого // Ленинский сборник XXI. С. 303. Троцкий с 1907 г. жил в Вене и выпускал там «Правду», которую «через галицийскую границу контрабандой переправляли в Россию, что было трудно вообразить без содействия и финансирования со стороны австрийских государственных учреждений» (Pethц A. Agenten fыr den Doppeladler. S. 52). В начале 1911 г. его завербовали на службу в Эвиденцбюро (см.: Бурцев В. Л. Ленин и Троцкий – австро-германские агенты // Общее дело. 1921. 22 июня), после чего он смог «временами снимать виллу в Хюттельсдорфе... и у него... еще оставались деньги на продолжительные поездки по Сербии и Румынии в 1912–1913 гг.» (Pethц A. Agenten fыr den Doppeladler. S. 52).

²⁷⁷ Nicolai W. Geheime Мdchte. S. 22.

²⁷⁸ Письмо Людендорфа матери, 24 июля 1908 г.: BA MA. NL Ludendorff. Bd. 17. Nr. 66.

началу кампании, который, как он сказал, может и должен быть подготовлен сильно заранее»²⁷⁹. В предписаниях для западного района развертывания он со Шлиффеном разошелся: предусмотренное количество войск показалось ему недостаточным для большой битвы на уничтожение во Франции. Он составил законопроект о крупном увеличении армии, предлагая образовать в мирное время три новых армейских корпуса; в дальнейшем это стало у него некоей идеей-фикс, которую он так и не смог провести в жизнь. Зато планы Шлиффена для восточного фронта в Восточной Пруссии Людендорф оставил в основном неизменными: небольшие силы для обороны, которые в крайнем случае отступят к Висле, чтобы после победы над Францией перейти в наступление вместе со всеми остальными войсками.

Свои труды на посту начальника оперативного отдела Людендорф назвал впоследствии «изнурительными боями»²⁸⁰ за то, чтобы как-то «компенсировать» отставания германского «вермахта в численности на обоих направлениях». Ибо между гениальным шлиффеновским «планом наступления на западе на бумаге» и его осуществлением в реальности существовало «ощутимое противоречие».

Численная слабость германской армии по сравнению с растущими армиями стран Антанты неотступно тревожила оперативный отдел во времена Людендорфа (и как сотрудника, и как начальника) при обдумывании превентивного удара. Когда Людендорфа лишили надежды на новые армейские корпуса, ему пришлось искать другие средства, чтобы «компенсировать отставание». Оглядываясь назад в 1926 г., он утверждал, что нашел их: якобы они заключались в продуманных операциях, которые «умножают небольшие силы благодаря их подвижности» и позволяют атаковать по очереди с разных сторон в одном направлении, нанося удары в слабые места противника. В качестве «классического примера» компенсации численного отставания собственных войск он привел тогда свои военные действия на востоке с 23 августа 1914 г., когда ему удалось с одними и теми же войсками, быстро их перегруппировывая, нанести решающие поражения русским войскам в Восточной Пруссии, Литве и на юге Польши, «остановить общее русское наступление и сорвать русский план наступления».

Это заявление можно считать верным в лучшем случае по отношению к действиям в Восточной Пруссии, где хорошо развитая немецкая железнодорожная сеть и надежная немецкая техническая и коммуникационная инфраструктура позволяли такие быстрые перегруппировки и переброски войск и техники. Уже в соседних районах Литвы и Польши подобный метод не работал и совсем не годился для применения на более отдаленных неприятельских территориях. Там нужно было искать и привлекать другие «средства» сглаживания численного неравенства. Одно из них – использование местных агентов и вспомогательных сил, вербовавшихся и обучавшихся генеральными штабами центральных держав с 1905–1906 гг. Как показывает изучение военного сотрудничества с такими силами в ходе упомянутых Людендорфом кампаний, утверждение насчет успехов благодаря подвижности и маневренности представляло собой по большей части мистификацию для прикрытия выгоды, извлекавшейся командующими Гинденбургом и Людендорфом из услуг русских коллаборационистов. Эту возможность создала для них работа разведслужб с иностранными агентами из всех слоев населения, которой добился Мольтке и которую Людендорф целенаправленно расширял и форсировал.

9 ноября 1908 г. он потребовал от начальника секции IIIв Брзе «сообщить, как у нас мыслится организация разведывательной службы в случае войны и какое применение должны найти наши офицеры разведки при мобилизации». Ф. Гемпп по поводу подключения Людендорфа к подготовке разведки к войне заметил: «С какой секретностью и осторожностью подходят к этим вопросам, видно из того... что подполковник Брзе дает начальнику 2-го отдела

²⁷⁹ General Buat. Ludendorff. Lausanne, 1920. S. 14.

²⁸⁰ Ludendorff E. Der Aufmarsch 1914 // Deutsche Wochenschau. 1926. 8. Ernting (August). S. 1.

сведения об организации только устно, при докладе обер-квартирмейстеру I»²⁸¹. На основании этого устного доклада Людендорф велел секции IIIb составить письменную схему ее функционирования, и в частности действий офицеров разведки, в ходе мобилизации, каковую лично переработал и в феврале 1909 г. представил начальнику Генштаба в виде инструкции «Секретная разведывательная служба во время войны». В инструкции Людендорф предсказывал войну через пять с лишним лет и в характерной для него кадетской манере²⁸² пояснял, что в момент мобилизации начальнику секции IIIb с одним делопроизводителем следует сидеть в ставке Высшего командования, направив по одному офицеру Генштаба в восточную и западную армии, а остальным офицерам секции – оставаться в Берлине; офицеры разведки должны находиться в боевой готовности на прежних местах службы и в ходе развертывания отчитываться одновременно перед секцией IIIb и своим верховным командованием. После создания штабов армий приписанным к ним офицерам разведки надлежит отчитываться перед ними и секцией IIIb, а прочим оставаться в прямом подчинении у ставки ВК (секции IIIb). Всех офицеров разведки необходимо в 1-й день мобилизации обеспечить грузовиками.

Параллельно с «настройкой» германской разведки на случай войны Людендорф продолжал углублять сотрудничество с австро-венгерской разведкой. Тут «бодрящий»²⁸³ эффект на австрийцев произвел международный кризис вследствие присоединения австро-венгерской монархией Боснии и Герцеговины (1908), т. н. аннексионный кризис (1909), который не привел к войне благодаря вмешательству Берлина на стороне Вены. Во время кризиса, едва не столкнувшего Австрию в бездну большого конфликта, лишь два активных конфидента сообщали ей о военных диспозициях России²⁸⁴. Попытки приобрести других информаторов в Российской империи терпели неудачу, за исключением некоторых успехов Львовского разведывательного управления: там капитан фон Ишковский сумел привлечь новых квалифицированных конфидентов, преимущественно из кругов ППС и русско-польских социалистов, к разведработе в российских приграничных районах. В течение сравнительно спокойного 1910 г. австро-венгерский Генеральный штаб постепенно начал излекать уроки из просчетов своей разведки. Весной ежегодное венское совещание его разведывательной группы указало на необходимость стандартизации шпионской деятельности перед лицом повышенной потребности в военной информации и постановило переработать действующую инструкцию для всех разведцентров «Цели разведывательной службы». Затем Генштаб стал уделять разведывательной деятельности усиленное внимание и увеличил бюджет на нее. Однако в первую очередь это касалось разведки в балканских странах и Турции. Что же до России, то венское Эвиденцбюро полагалось на знания опережающих его берлинских коллег и «в некоторой степени освобождалось от этой заботы Германией»: «При таких начальниках германской разведывательной службы, как полковник Брозе, а потом майор Вильгельм Хайе, связь между нами приобрела еще более тесный характер. Я не раз бывал в Берлине, майор Хайе в ноябре 1910 г. приезжал в Вену, и результаты наших совещаний были изложены в меморандуме “Р а з в и т и е р а з в е д ы в а т е л ь н о й с л у ж б ы с о в м е с т – н о с Г е р м а н и е й ” [разрядка в тексте. – Е. И. Ф.]»²⁸⁵. Не раскрытый автором вышеприведенной цитаты текст этого меморандума говорил о регулировании совместной работы в России. Хайе, назначенный начальником секции IIIb в 1910 г., сделал самой неотложной задачей своих сотрудников добывание русских планов развертыва-

²⁸¹ Geheimer Nachrichtendienst u. Spionageabwehr des Heeres von Generalmajor a. D. Gempp. Erster Band. S. 79.

²⁸² Особенность речи командующего Людендорфа заключалась в том, что в минуты напряжения и волнения голос у него становился очень высоким и пронзительным – возможный результат телесных наказаний, которым своенравный ученик в подростковом возрасте подвергался в кадетской школе Плон и потом в Главном кадетском училище Лихтерфельде.

²⁸³ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 52.

²⁸⁴ См.: Reifenberger J. Die Entwicklung des militärischen Nachrichtenwesens in der k.u.k. Armee // Osterreichische militärische Zeitschrift. 1976. Nr. 3. S. 222, Anm. 21.

²⁸⁵ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 46.

ния. Его интересовали два ключевых вопроса: «1) Где будут развернуты корпуса виленской и варшавской армий? 2) Куда двинутся корпуса петербургской и московско-казанско-центральной армий?» При выведывании мер «повышения боеготовности русских» приоритет отдавался вопросу, «когда будет публично отдан приказ о всеобщей мобилизации русских вооруженных сил»²⁸⁶. Поэтому Хайе настоятельно рекомендовал своим офицерам «доставать оригинальные материалы по развертыванию за плату», сколько бы за них ни просили. Поскольку по Виленскому военному округу кое-какие материалы уже удалось приобрести, теперь на очереди стоял Варшавский военный округ, где следовало прочесать все штабы²⁸⁷.

Варшавский военный округ в равной мере интересовал и германскую, и австро-венгерскую разведку. Соответственно центральной задачей в совместном ноябрьском меморандуме 1910 г. ставился «обмен поступающими сведениями о России», касающимися «дислокации русских... войск... вооружения, подготовки и оснащения... строительства системы укреплений и стратегической железнодорожной и дорожной сети, а также... развертывания вооруженных сил»²⁸⁸.

Тесные рабочие отношения между секцией IIIb при майоре Вильгельме Хайе (1910–1913) и Эвиденцбюро при полковнике Августе Урбанском фон Острымече (1909–1914), на взгляд Вены, оправдывали себя хотя бы потому, что Эвиденцбюро по сравнению с секцией IIIb, как и прежде, страдало не только от недостатка средств, но и от нехватки надежных конфидентов в военно-политических центрах Российской империи; австро-венгерским военным атташе, в отличие от их немецких коллег, официально все еще запрещали вербовать и курировать осведомителей – хотя неофициально после аннексионного кризиса от австро-венгерских консульских служб в России очень любили требовать усиленного внимания к военным делам. С точки зрения немцев, сближение разведок Тройственного союза в 1910 г. было вызвано якобы «деятельностью разведки стран Антанты, все более выступающей как единое целое»; оно привело к «расширению знаний о действиях неприятеля и раскрытию определенных крупных дел», к которым В. Николаи причислял разоблачение полковника австро-венгерского Генштаба Редля в Праге²⁸⁹.

В рамках этого усиленного сотрудничества возросло значение (главных) разведывательных управлений в Галиции, которые – так же как немецкие разведывательные центры в Восточной Пруссии – поддерживали оживленное тайное трансграничное сообщение с Российской империей. Львовское разведуправление под началом капитана Генштаба фон Ишковского теперь сознательно следовало примеру немцев, привлекая «отдельных людей из польской социалистической партии... причем получило такие хорошие результаты, что в конце 1910 г., преодолев сомнения морального порядка, стало устанавливать связь с конфидентами, которых называла партия... Соседи Австро-Венгрии проявляли гораздо меньше щепетильности в использовании политических партий в своих целях»²⁹⁰. Это известное указание Ронге на практику назначения агентов секретных служб партийным руководством, которая – как доказывает случай Свикке – в Германии успешно применялась заметно раньше, чем в Австрии.

Ноябрьский меморандум 1910 г., письменное соглашение о совместном шпионаже в Российской империи с определением главных направлений деятельности сторон, приобрел особое значение, когда в 1910–1912 гг. разведки обоих государств понесли тяжелые потери в своей военной агентуре и вынуждены были заменять «разрушенные сети»²⁹¹ разоблаченных или

²⁸⁶ См.: Richtlinien für die Mob.-Vorarbeiten der Nachrichtenstellen, November 1913 // Geheimer Nachrichtendienst u. Spionageabwehr des Heeres von Generalmajor a. D. Gempp. Erster Band. S. 108 f.

²⁸⁷ См.: Bemerkungen des Chefs IIIb // Ibid. S. 348.

²⁸⁸ Nicolai W. Geheime Mächte. S. 40.

²⁸⁹ Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. S. 20.

²⁹⁰ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 47.

²⁹¹ Pethő A. Agenten für den Doppeladler. S. 236 ff.

выбывших из игры по другим причинам военных шпионов иным способом. Подготовка к возможной войне сделала методы проникновения немецких агентов в нужные российские военные учреждения грубее, а действия немецких пограничников в Восточной Пруссии, работавших на полковника Николаи, агрессивнее, что вызывало контрмеры с российской стороны. Так, арест российского почтового инспектора Фалька-Кокинса при посещении Восточной Пруссии побудил российские власти задержать на своей территории под Вержболово ответственного за это немецкого пограничного комиссара Дресслера из Эйдткунена – это один из «величайших конфузов германской разведки до 1914 года», ибо, по словам Гемппа, «на самом деле Дресслер, выходя далеко за пределы, поставленные прусскому чиновнику его министерством, уже давно работал на разведывательную службу под началом Николаи» и за свои заслуги был по ходатайству секции ШВ награжден высоким орденом. Своей «прогулкой» через российскую границу он нарушил служебные правила. Его арест в служебной униформе на российской стороне (16 апреля 1912 г.) и предпринятое в России расследование повлекли за собой внешнеполитические последствия, которые пагубно сказались на эффективности усилий секции ШВ в столь важном для нее приграничном секторе. Потеря Дресслера и других немецких агентов и шпионов²⁹² в 1912 г., согласно Гемппу, «надолго закрыла для разведывательного центра очередной участок возможной работы, дорогу через Эйдткунен».

Наряду с выходом из строя местных агентурных сетей в приграничье, случались неудачи и на самом верху. Так, удаление агента секции ШВ С. Н. Мясоедова из контрразведывательного отделения российского Военного министерства, куда он попал по протекции министра, поставило дальнейшую разведку военных планов России в этот важный период под такую угрозу, что ее руководитель в начале 1912 г. дал указание: «Мы должны теперь, после того как из-за бдительности русских наши лучшие связи уничтожены, искать новые зацепки, чтобы восстановить контакт с высшими штабами».

Должно быть, «зацепки» были найдены в необычайно короткий срок: уже годовым отчетом секции ШВ за 1912 г. констатировал, что число вновь завербованных доверенных лиц за истекший год «значительно выросло». Возможно, это объяснялось тесным сотрудничеством с австрийской организацией, которая теперь тоже применяла практику подбора агентов руководством той или иной коллаборационистской партии. Находясь под патронажем венского Эвиденцбюро, Ленин мог в январе 1912 г., в связи с проведением нелегальной 6-й (т. н. Пражской) партийной конференции большевиков, предоставить в распоряжение секретных служб центральных держав многообразные связи своих российских товарищей в значимых для военной разведки центрах Российской империи и ее парламентских институтах, включая Думу, – даже назвать, ради углубления сотрудничества, верных людей своей партии в российском Генеральном штабе (см. ниже).

В этих условиях 3 декабря 1912 г. начальник германского Генштаба фон Мольтке представил докладную записку о реорганизации контрразведки²⁹³. Как правило, докладные Мольтке составлялись на основе черновиков, подготовленных Людендорфом, или прямо выходили из-под его пера. Правда, осенью 1912 г. влияние начальника оперативного отдела на начальника Генштаба превысило меру, допустимую для Военного министерства. В октябре Людендорф после ухода с поста его прямого начальника генерал-квартирмейстера фон Штайна получил непосредственный доступ к начальнику Генштаба. Отныне эта безрассудная «горячая голова» с «железной решимостью» увлекала за собой «благородного, прекрасно образованного, но не уверенного в себе... часто колеблющегося Мольтке»²⁹⁴, оказывая на него завораживающее воздействие, далеко не все причины которого прояснены. Напор, с каким Людендорф

²⁹² См.: Schmidt J. W. *Gegen Russland und Frankreich*. S. 215 f., 218 ff.

²⁹³ *Geheimer Nachrichtendienst u. Spionageabwehr des Heeres von Generalmajor a. D. Gempp*. Erster Band. S. 185, 380, 345 f.

²⁹⁴ Ritter G. *Staatskunst und Kriegshandwerk: Das Problem des «Militarismus» in Deutschland*. München, 1965. Bd. II. S. 278.

толкал мягкого, склонного к потусторонней мистике²⁹⁵, стареющего и прихварывающего аристократа к воинственному бряцанию оружием²⁹⁶, пришлось чиновникам Военного министерства не по вкусу. Директор Общевоенного департамента Франц Вандель порицал «честолюбивых карьеристов... в Генеральном штабе» и ставил Мольтке в упрек, что их «недостаточно урезонируют сверху», ибо они «вносят смуту», а «в Генеральном штабе нет твердой руки»²⁹⁷. И сам Людендорф «осенью 1912 года... услышал, что в Военном министерстве меня считают злым гением генерала фон Мольтке – дескать, если я буду продолжать в том же духе, т. е. добиваться пополнения вермахта, то доведу народ до революции!»²⁹⁸ Дабы воспрепятствовать ему, министерство прибегло к определенному давлению, в том числе и на Мольтке. Смутяна, чьи максималистские идеи о небывалом повышении германской военной мощи далеко превосходили щедрость правительства и рейхстага, перевели из Генштаба в войска, чтобы новый начальник, генерал кавалерии фон Эйнем, «приучил его к дисциплине»²⁹⁹. Людендорф, не без оснований расценивая свое удаление из Генштаба (27 января 1913 г.) как наказание³⁰⁰, искал утешения в мысли, что Мольтке отпустил его с честью, и старался сделать все, чтобы встретить вероятную войну на руководящей должности. Характерным свидетельством столь же неуместной, сколь необычной жесточенности Людендорфа является тот факт, что, видя угрозу провала своей максималистской программы увеличения армии, он стал искать для пропаганды своих целей политических союзников среди общественности. Через отставного генерала Кайма, члена Пангерманского союза, он убедил председателя союза Генриха Класса во всеуслышание поддержать в печати его конфиденциальные служебные требования, окончательно разозлив подобным беспрецедентным нарушением генштабовских традиций военного министра фон Хеерингена и директора департамента Ванделя³⁰¹.

Если, пойдя на основании проектов Людендорфа на крупнейшее до тех пор увеличение военного бюджета, имперское правительство раскрутило маховик наращивания европейскими странами вооружений с целью подготовки к войне (сначала примеру Германии последовала Франция, потом Россия)³⁰², то особая забота начальника оперативного отдела о германской разведке положила начало соревнованию европейских секретных служб. Подлинный автор докладной записки Мольтке утверждал, что русская, английская и французская разведдеятельность в отношении Германии усилилась и существующие контрразведывательные учреждения больше не в силах ее сдерживать. «Мы должны бороться с захватывающей нас в тиски единой системой», – требовал он, предвосхищая параноидальное «мировоззрение» опального военачальника Людендорфа после войны. Растущее число судебных процессов против шпионов в Германии служило ему только доказательством «нашей безоружности и беспомощности в этой области». Исходя из такой оценки, Людендорф предлагал две меры. Во-первых, он выступал за то, чтобы «всю контрразведку... как вопрос общеимперского значения» подчинить «статс-секретарю Рейхсминистерства внутренних дел», причем высокопоставленный сотрудник министерства должен будет вести дела «в теснейшей связи с секцией ШВ Большого генерального

²⁹⁵ Он устраивал в своем доме спиритические сеансы; его жена Элиза, урожденная фон Мольтке, известная эзотеристка, ученица Р. Штайнера, оказывала на него сильное влияние и на войне сопровождала его в ставку – уникальный случай в прусской военной истории!

²⁹⁶ «Мы должны снова стать вооруженным народом... Для Германии не может быть пути назад, только вперед» (Мольтке [читай: Людендорф] – Военному министерству, 25 ноября 1912 г.: K. R. Anlagen. S. 147; цит. по: Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Bd. II. S. 277, 376, Anm. 45).

²⁹⁷ Цит. по: Nebelin M. Ludendorff. S. 184.

²⁹⁸ Ludendorff E. Der Aufmarsch 1914. S. 1. См. также: Elze W. Tannenberg. Breslau, 1928. S. 38.

²⁹⁹ В Большом генштабе все были уверены, что к смещению Людендорфа привели его последние военные проекты; ср.: Nicolai W. Geheime Mдchte. S. 46.

³⁰⁰ Ludendorff E. Mein militdrischer Werdegang. S. 157.

³⁰¹ См.: Goodspeed D. J. Ludendorff: Genius of World War I. Boston; Cambridge, 1966. P. 17.

³⁰² См. об этом: Herzfeld H. Die deutsche Rьstungspolitik vor dem Weltkrieg. Bonn; Leipzig, 1923. S. 115 ff.

штаба и разведывательным отделом Главного морского штаба». Во-вторых, во внесенном им в 1912 г. законопроекте об армии³⁰³ он запрашивал значительное увеличение бюджета разведывательной службы. Благодаря его «личному влиянию»³⁰⁴ разведке на год вместо прежних 300 тыс. марок стали выделять 450 тыс., из них 50 тыс. марок с 1913 г. предназначались на случай чрезвычайной политической напряженности.

Особое внимание автор докладной уделил «пресловутой охранке»³⁰⁵: она, мол, располагает в своей стране и за рубежом неограниченными средствами, ее агентура контролирует важные для германской разведки приграничные города вплоть до самого маленького поста, так же как и шпионские сети в нейтральных странах. «На границе охранку поддерживают пограничная охрана и жандармерия, внутри страны – последняя», – просто зеркальное отражение деятельности секции ШВ! Сверх того, «оказывается, охранка занимается розыском... и в Германии». Благодаря господству такого мнения среди высших чинов Большого генштаба специфическое значение Ленина как сотрудника – эксперта по русской охранке возрастало безо всяких усилий с его стороны.

Во время как страх перед действиями охранки внутри Германии в Большом генштабе усиливался, ожидание военного нападения с востока слабело. «Большая программа по усилению русской армии», с помощью которой российский военный министр В. А. Сухомлинов намеревался окончательно сгладить потери боевой мощи в русско-японской войне и поднять армию и флот насообразный текущему политическому положению передовой уровень, разрабатывалась давно, но принята была только в июне 1914 г. и сделала бы Россию боеспособной великой державой не раньше 1917 г. До ее завершения Россия воевать не хотела. Поэтому вышедший в отставку на рубеже 1905–1906 гг. прежний начальник Генштаба граф Шлиффен в последней записке для преемника, написанной незадолго до смерти (4 января 1913 г.) в качестве своего рода завещания, заходил настолько далеко, что для начала будущей войны предусматривал боевые действия исключительно на западе, с использованием всех имеющихся сил, а на востоке предлагал «вообще не ставить полевых войск»³⁰⁶. Предложение практически оголить будущий восточный фронт в первой фазе войны стало возможным лишь с учетом временной небоеспособности России.

Держали ее в уме и участники совещания с командованием армии и флота, созванного императором во дворце в воскресенье 8 декабря 1912 г. Насколько известно сегодня, на этом импровизированном «военном совете» решался вопрос о войне³⁰⁷. Начальник Генштаба Мольтке настаивал, что «чем скорее, тем лучше»³⁰⁸, так как выжидание будет ставить Германию во все более неблагоприятное положение. Император, который еще во время «сербского кризиса» в ноябре 1912 г. подчеркнул, что, прежде чем идти на Москву, надо сначала покорить Францию³⁰⁹, не изменил точку зрения и теперь. Такой приоритет поневоле вытекал из эконо-

³⁰³ Об истории этого законопроекта см., напр.: Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. Bd. II. S. 268 ff.

³⁰⁴ Nicolai W. Geheime Мдchte. S. 34.

³⁰⁵ В. Николаи после войны продолжал считать бывшую российскую разведывательную службу самой дорогой, подчеркивая, что «русская охранка, державшая своих агентов по всей Европе... всемерно» его поддерживала: Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. S. 19.

³⁰⁶ Der Weltkrieg 1914 bis 1918 / bearbeitet im Reichsarchiv. Berlin, 1925. Bd. 2. S. 11.

³⁰⁷ См.: Rühl J. C. G. An der Schwelle zum Weltkrieg: Eine Dokumentation über den «Kriegsrat» vom 8. Dezember 1912 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1977. Jg. 21. H. I. S. 77–134; Idem. Die Generalprobe: Zur Geschichte und Bedeutung des «Kriegsrates» vom 8. Dezember 1912 // Industrielle Gesellschaft und politisches System: Beiträge zur politischen Sozialgeschichte: Festschrift für Fritz Fischer zum 70. Geburtstag / hg. D. Stegmann u. a. Bonn, 1978. S. 357–373. Относительно Мольтке: Groh D. «Je eher desto besser!» Innenpolitische Faktoren für die Präventivkriegsbereitschaft des Deutschen Reiches, 1913/4 // Politische Vierteljahresschrift. 1972. Nr. 13. S. 501–521.

³⁰⁸ Из дневника адмирала фон Мюллера: Rühl J. C. G. An der Schwelle zum Weltkrieg. Dok. 4. S. 100.

³⁰⁹ В записке от 11 ноября 1912 г., где император предсказывал последствия провокационной австрийской политики относительно Сербии: «Мобилизация и... война на 2 фронта для Германии, т. е., чтобы идти на Москву, нужно сначала взять Париж. Париж, несомненно, будет поддержан Лондоном. Таким образом, Германии придется вступить в борьбу за существо-

мических условий будущей войны: Германия подошла к пределу своих финансово-хозяйственных возможностей и должна была позаботиться о том, чтобы война «сама себя кормила». Опыт франко-прусской войны 1871 г. с ее «Седанским чудом» и благословенными миллиардами из французской государственной казны, которые послужили большим подспорьем Германской империи в ее первые годы и способствовали неожиданно резкому росту благосостояния офицерских семей, – заронил в душу всего поколения императора тайный соблазн: близкий Париж обещал удовлетворить нужды германской военной экономики куда быстрее, чем далекий и труднодоступный Петербург³¹⁰; даже если бы немецкая армия большими силами одолела первые препятствия в России, русские, как сказал Мольтке, могли, «отступая вглубь своей огромной страны, затянуть войну до бесконечности»³¹¹. Поэтому начальник Генштаба выступал за старый план Шлиффена: «Наступать на Францию как можно сильнее, обороняться против России как можно слабее». Последние наставления графа Шлиффена (к тому времени уже умершего) он подкорректировал в докладной, датированной 1913 г. В ней Мольтке оспорил мнение Шлиффена, будто при мощных, победоносных действиях Германии против Франции Россия откажется от вступления в Восточную Пруссию и, следовательно, восточный фронт можно оголить. Он напомнил о существующих на данный момент союзных отношениях: Россия по договору обязана участвовать в войне на стороне Франции, а если она с победами двинется к Берлину, это «чрезвычайно подстегнет сопротивление Франции даже после тяжелых поражений и, наконец, заставит отозвать германские вооруженные силы с запада для защиты столицы». Соответственно Мольтке считал необходимым «оставить часть наших войск на востоке, как бы мы ни нуждались в них в решающей битве на западе».

В процессе взвешивания двух точек зрения в марте 1913 г. приняло участие Министерство иностранных дел, бросив на чашу весов суждение о текущем положении, принадлежавшее бывшему российскому премьер-министру и министру финансов графу С. Ю. Витте, чье германофильство не вызывало сомнений³¹². Граф Витте считал, что Россия ни за что не станет воевать; она не начнет военные действия, полагал он, даже если произойдет раздел Балкан, т. е. возникнет прямая угроза ее границам. Ее армия не готова, а из 50 млн ее нерусского населения 30 млн будут шпионить для захватчиков и вести гражданскую войну; в Финляндии и Польше тотчас вспыхнет революция. Царь не желает войны ни в коем случае – в Германии просто не очень хорошо представляют себе внутреннюю обстановку в России.

Трудно поверить, что граф Витте в столь критический момент так легкомысленно выдал сведения (кстати, в основном неверные), которые не могли не подстегнуть сторонников войны в Германии. Скорее, его посредник Й. Мельник и/или германский посол граф Пурталес хорошо подредактировали его высказывания в угоду желанию тех, кто поручил им прощупать бывшего премьер-министра, – изобразить великого Витте коронным свидетелем плачевного

вание с тремя великими державами, поставив на карту всё, с риском в конечном счете погибнуть» (Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914 [далее – GP]. Bd. 33: Der erste Balkankrieg 1912. Berlin, 1927. Nr. 12349. S. 303). Ср.: Mombauer A. Helmuth von Moltke and the Origins of the First World War. Cambridge, 2001. P. 142.

³¹⁰ Этот мотив красной нитью проходит сквозь все военные и дипломатические документы рассматриваемого периода. Шлиффен в 1905 г., говоря о Бельгии, подчеркивал: «Кто первым займет Брюссель и возьмет с него несколько миллиардов контрибуции, тот будет иметь преимущество» (цит. по: Wallach J. L. Völkerrecht und Schlieffenplan. Völkerrecht und Neutralität // Kriegsverbrechen im 20. Jahrhundert / hg. W. Wette, G. Bberschdr. Darmstadt, 2001. S. 56). А германский посол в Берне в 1915 г. предостерегал рейхсканцлера против сепаратного мира с Россией, так как он означал бы потерю французских миллиардов (Ромберг – Бетман-Гольвегу, 30 сентября 1915 г.: PA AA. Russland. Nr. 61. Bd. 123; на англ. яз.: Zeman Z. A. B. Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London; New York; Toronto, 1958. P. 7).

³¹¹ Докладная генерала фон Мольтке «Поведение Германии в войне Тройственного союза», 1913: Elze W. Tannenberg. Urk. 1. S. 158.

³¹² Доклад графа Пурталеса Министерству иностранных дел о разговоре Витте с Йозефом Мельником, его связным с германскими промышленными кругами, 13 марта 1913 г.: PA AA. Russland. 61. Bd. 121. См. также: Katkov G. German Political Intervention in Russia during World War I // Revolutionary Russia. P. 64 ff.

состояния России, обрекающего ее на гибель в момент нападения³¹³. И это им действительно удалось.

При таких обстоятельствах Большой генштаб, составляя в апреле 1913 г. планы на новый мобилизационный год, принял решение, имевшее далеко идущие последствия для хода войны, – отказался от планирования «большого восточного развертывания»³¹⁴, которое до тех пор ежегодно осуществлялось параллельно с разработкой плана западного развертывания. Главная причина состояла в намерении в ближайшем будущем вести наступательную войну на западе. К сопутствующим причинам, помимо нехватки средств, жажды французских ресурсов, технических соображений (к примеру, российская железнодорожная система не позволяла быстрого продвижения), относилась убежденность, что восточное развертывание в данный период просто не нужно. Радикальные советчики Мольтке, в том числе Людендорф, считали его «пустой тратой времени»³¹⁵ и добились его отмены.

Для разведывательной секции Большого генштаба отказ от подготовки к «большому восточному развертыванию» повлек за собой два практических следствия: с одной стороны, ей пришлось укреплять контрразведку внутри Германии и на ее границах, а с другой – активно поощрять силы, способные действиями в русском тылу надолго парализовать наступательный потенциал царской армии, нейтрализовать ее обороноспособность и революционизировать Россию. В секретной докладной 1913 г.³¹⁶ доказывалась осуществимость этих задач. Там говорилось, что «революционные устремления в армии и на флоте... в последние годы не раз имели успех, а именно в технических войсках», да и вообще русский солдат вряд ли «все еще верен императору, послушен и надежен». В докладной подчеркивалось, что оснащенность русской армии «средствами связи... пока сравнительно невелика», а немецкая сторона наверняка будет «придавать большое значение... хорошей связи» и «широко пользоваться в этой области... современным техническим оборудованием». Автор докладной упоминал недостаток тяжелой артиллерии в русских полевых войсках и медленные темпы ее пополнения, но предупреждал, что скоро ее станет больше и русские армейские корпуса по числу орудий сравняются с немецкими.

Новые задачи потребовали кадровой реорганизации секции IIIb Большого генштаба. Испытанного в работе на востоке разведчика, руководителя Кёнигсбергского главного разведывательного центра Вальтера Николаи взяли в Генеральный штаб и, присвоив ему звание майора, поставили во главе всей секции IIIb (вместе с той ее частью, которая занималась Францией). От своего предшественника капитана Вильгельма Хайе Николаи принял «построенный в соответствии с современными требованиями, четко организованный и управляемый рабочий коллектив»³¹⁷. Новый шеф внес в его работу одно коренное изменение – сделал основной

³¹³ Поэтому слова Г. Каткова, что предложение Витте Германии заставить Австрию напасть на Сербию «граничило с изменой» (Katkov G. German Political Intervention in Russia during World War I. P. 65), представляются не слишком справедливыми.

³¹⁴ См.: Ritter G. Der Schlieffenplan. S. 34 ff.

³¹⁵ Gasser A. Deutschlands Entschluss zum Prgventivkrieg 1913/14. S. 177 ff., 182, Anm. 30 (Людендорф здесь назван радикальным подстрекателем Мольтке).

³¹⁶ Geheime Denkschrift des Großen Generalstabes aus dem Jahre 1913: Mitteilungen über russische Taktik // Elze W. Tannenber. Urk. 3. S. 165–182.

³¹⁷ Вальтер Николаи (1873, Брауншвейг – 4 мая 1947, Москва) как руководитель секции или (с 1915 г.) отдела IIIb тесно сотрудничал с Людендорфом, хотя порой между ними возникали личные трения. Хорошо знавший русский язык, с 1906 г. занимавшийся русским направлением в военной разведке, Николаи в 1908 г. возглавил Кёнигсбергский главный разведывательный центр, а в начале 1913 г. был назначен начальником разведывательной службы, которой руководил до конца Первой мировой войны. Во Вторую мировую войну его прославила книга американского журналиста Курта Рисса «Тотальный шпионаж», вышедшая в ноябре 1941 г. в США, а в апреле 1945 г. в СССР. Книга вызвала интерес у Сталина, который по окончании войны велел внести Николаи в советские списки разыскиваемых лиц. По распоряжению заместителя наркома внутренних дел генерал-полковника И. А. Серова советская поисковая спецгруппа 7 сентября 1945 г. обнаружила Николаи в Нордхаузене (Тюрингия) и в том же месяце арестовала. После допроса сотрудниками НКВД в Веймаре его 30 октября 1945 г. вместе с архивом личных и служебных документов отправили в Москву на Лубянку, где поджидало собранное на него советской внешней разведкой в межвоенный период досье под названием «Оберст». Теперь в дополнение к нему завели оперативное

упор на вербовку перспективных агентов в предполагаемых вражеских государствах. В отличие от начальника секции Брозе, который в 1905–1906 гг. и позже рекрутировал своих агентов по большей части из массы осевших в Германии и Швейцарии революционеров, а с 1909 г. усиленно засылал в Петербург и размещал там специально подготовленных немецких разведчиков (в том числе семью Бауэрмайстер и капитана Генштаба Зигфрида Хая), Николаи стал вести гораздо более агрессивную вербовку на местах, преимущественно в российской столице. Он набирал местную агентуру во всех сферах общественной жизни и через нее (несомненно, по твердым оперативным планам) проникал в военные учреждения, предприятия военного значения, банки, промышленные круги, политические партии, даже в непосредственное окружение царя. В результате Николаи не только имел возможность как следует ознакомиться с решениями российского Генштаба и российских секретных служб; в Петербурге в его агентуру, помимо актеров, предпринимателей³¹⁸, профессоров, оппозиционеров и революционеров³¹⁹, входили лица из высшего общества³²⁰ и высокопоставленные придворные³²¹, пользовавшиеся таким доверием, что начальник секции недаром хвастался в узком кругу, будто «русские у него в кулаке»³²². От немецких дипломатических и консульских представительств в Российской империи теперь требовали помогать Николаи в его трудах. В петербургском посольстве главным помощником стал Хельмут фон Люциус³²³, с 1909 г. второй, а с 1911 г. первый секретарь посольства при после графе Пурталесе. Его внеслужебная деятельность не укрылась от российской стороны. Вскоре Люциус лишился доброго имени немецкого дипломата, прослыл интриганом и махинатором, даже подозревался в политических интригах против собственного шефа. Русская контрразведка распознала в нем вербовщика агентов и шпионов³²⁴ и нашла доказательства в его перлюстрированной частной корреспонденции³²⁵.

Первая задача Николаи на посту начальника секции ШВ заключалась в том, чтобы выработать служебные инструкции в духе докладной Мольтке от 3 декабря 1912 г. (идушей от Людендорфа). Они следовали основному принципу «еще больше, чем прежде, ориентировать

дело № 21152 «Материалы по делу Николаи Вальтера Германовича, бывшего начальника разведки германского Генштаба». За полтора года заключения добавились протоколы допросов Николаи самыми опытными следователями НКВД (например, Л. А. Шварцманом и В. И. Масленниковым). Затем его перевели на спецобъект, где он писал материалы на заданные темы (о Вильгельме II, начальниках Генерального штаба Мольтке и Фалькенхайне, фельдмаршале Гинденбурге, Людендорфе, Гитлере, Гиммлере, Гессе и знаменитых немецких шпионах, таких, как Мата Хари). Готовясь к защите на запланированном судебном процессе, он составлял и личные записки. Большая часть его наследия находится в деле Н-21152 в Центральном архиве ФСБ РФ, некоторые документы есть в других архивах, например, записи о Мате Хари – в Российском государственном военном архиве (ф. 1414к). В мае 1947 г. с Николаи случился инсульт, 4 мая он умер в Бутырской тюремной больнице. Его тело кремировано на московском Донском кладбище.

³¹⁸ Предпринимателей и банкиров, о чьих тайных связях с Германией ходили разговоры, иногда подкрепляемые доказательствами (таких, как Д. Рубинштейн, Ланской, Юнкер, директора предприятий военной промышленности вроде К. К. Шпанна на Путиловском заводе), стало не счесть. Они пользовались протекцией «немецкой партии» при дворе и учреждений рейха и даже во время войны оставались почти недосыгаемыми для русской контрразведки. См., напр.: [Шеголев П. Е.]. Петроградская контрразведка накануне революции: Из воспоминаний сотрудника // Былое. 1924. № 26. С. 220–240. Здесь бессилие контрразведки перед непреодолимым немецким влиянием описано с точки зрения ее второстепенного (и нелояльного) работника.

³¹⁹ Сношения русских революционеров со связными в дипломатических представительствах центральных держав русской контрразведкой, как правило, игнорировались. См.: Старков Б. Охотники на шпионов. С. 222.

³²⁰ Часть петроградского общества и дипломатического корпуса во время войны подозревала, например, что графиня М. Э. Клейнмихель, урожденная Келлер (р. 1846), в своем салоне собирает информацию для германского императора.

³²¹ Так, командующий лейб-гвардии гусарским полком В. Н. Воейков (р. 1868), назначенный после женитьбы на дочери министра императорского двора графа Фредерикса (25 декабря 1913 г.) дворцовым комендантом, слыл «сторонником немецкого влияния при русском дворе» (Падение царского режима. Т. 3. С. 66–67) и подозревался в тайных связях с Германией.

³²² Старков Б. Охотники на шпионов. С. 293.

³²³ С 10 сентября 1914 г. барон Люциус фон Штёттен; см.: *Biographisches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes, 1871–1945* (далее – ВНАД). 5 Bde. Paderborn, 2000–2005. Bd. 3. S. 127 f.

³²⁴ См., напр.: Старков Б. Охотники на шпионов. С. 25–27. Старков насчитал девять представителей германского посольства, включая самого посла, причастных к шпионажу. О перлюстрации корреспонденции Люциуса см.: Там же. С. 207.

³²⁵ Там же. С. 207.

на войну» работу секции. Директивы по востоку гласили: «Оправдать существование секции ШВ могут только ее достижения в войне. Следовательно, подготовка к войне должна стоять на переднем плане нашей деятельности. Все мероприятия мирного времени должны рассматриваться с точки зрения их эффекта для войны. Пусть офицер разведки перед каждой новой вербовкой, покупкой сведений спросит себя: какую пользу для войны это принесет? Только так мы обеспечим связи и результаты, равно пригодные для разведки в мирное и в военное время. Сбор сведений в мирное время имеет целью знакомство с армией, укреплениями и территорией наших соседей на случай войны. Таким образом, разведка мирного времени есть лишь подготовка к войне, которая увенчивается получением материала о развёртывании нашего вероятного противника. То же самое относится к контрразведке и контршпионажу. Первая должна мешать нашим соседям знакомиться с делами нашей армии... Второй служит для введения наших противников в заблуждение – всегда с учетом возможной войны! [Курсив и подчеркивание в тексте. – *Е. И. Ф.*]»

Важнейшие отдельные меры касались подготовки к войне против России. Первоочередной целью сбора сведений назывались планы развёртывания русских западных армий Виленского и Варшавского военных округов, а также корпусов центральных армий Петербургского, Московского и Казанского округов. Отсюда вытекало «требование, чтобы военные агенты жили внутри России [подчеркивание в тексте. – *Е. И. Ф.*]»: «Вербовка и обучение русских на этих территориях и участках – ключ ко всей моб[илизационной] подготовке. Пока здесь нет “коренных” агентов, нам не выполнить наши моб[илизационные] задачи!»³²⁶

Так как вербовка и обучение русских агентов, постоянно проживающих в Российской империи, обычными способами требовали много времени, при подготовке к войне были затруднены, а в «период напряженности» перед конфликтом почти невозможны, секция ШВ теперь особенно нуждалась в том, чтобы кандидатуры надежных «коренных агентов» подбирали руководители сотрудничающих с ней партий. Иметь в осведомителях в столице и самых разных уголках страны проверенных, искушенных в нелегальной работе товарищей, владеющих методами тайных разъездов и передачи сведений, ждущих только знака, чтобы раздобыть и доставить нужную германской разведке информацию, означало получить большое преимущество. Тесная и прочная связь с действующей в условиях строгой конспирации партией большевиков создала для этого соответствующие предпосылки. Таким образом, значение потенциальных коллаборационистов из большевистского подполья внутри России росло вместе с предвоенной напряженностью. Ленин, как наиболее опытный партийный вождь-конспиратор, представлял для разведок центральных держав особый интерес.

³²⁶ Geheimer Nachrichtendienst u. Spionageabwehr des Heeres von Generalmajor a. D. Gempp. Erster Band. S. 119 ff.

1.4. Ленин под покровительством Эвиденцбюро

В течение 1910 г. венское Военное министерство сделало выводы из последствий пренебрежения военной разведкой до и во время аннексионного кризиса. С начала 1911 г. оно приступило к приготовлениям на случай грядущего конфликта, которые и «разведке пошли на пользу»³²⁷. Оно велело центральным ведомствам наметить основные направления будущей деятельности с учетом возрастания военных потребностей. На ежегодном заседании разведывательной группы 10 марта 1911 г. ее руководитель Макс Ронге представил проект новой инструкции по разведке, который был принят в качестве директивы, обязательной для всех работающих в этой области учреждений и органов. В итоге увеличилось финансирование разведки, появились такие затратные современные подразделения, как служба шифрования и служба прослушивания телефона и телеграфа, укомплектованные первоклассным персоналом; «с 1911 г. Эвиденцбюро смогло частично провести некоторую кадровую перестройку»³²⁸. 24 ноября 1911 г. оно получило санкцию на интенсификацию и расширение деятельности, направленной против России, и в том же году усилило контакты с представителями антиправительственной русской оппозиции за рубежом, которые располагали необходимыми связями в Российской империи.

Я. С. Фюрстенберг (партийный псевдоним Ганецкий), давний конфидент Эвиденцбюро, работавший теперь на Краковское главное разведывательное управление, обратил внимание Ленина на новые финансовые и рабочие возможности австрийской разведки, «выяснил положение у властей», т. е. у той же разведки, и уладил все вопросы с его переселением в Краков³²⁹. Главное разведывательное управление Кракова, отвечавшее за Польшу, Украину и центральную Россию, до тех пор имело дело преимущественно с эмигрировавшими польскими социалистами Пилсудского, которые предназначались для революционизирования и захвата русской Польши, и украинскими эмигрантами-австрофилами, которым предстояло действовать на завоеванной Западной Украине. Для центральной России требовались русские партия и движение, готовые революционизировать свою родину с помощью армий центральных держав. Радикальный предводитель маленькой большевистской группировки в русской социал-демократии прекрасно соответствовал этим целям. Ганецкий сумел настоять в управлении на кандидатуре своего партийного босса и на все два года пребывания Ленина в Кракове был приставлен к нему в качестве ближайшего сотрудника.

1.4.1. От мировой войны к мировой революции

Приглашение Ганецкого застало Ленина, страдавшего от депрессии в Париже, в самый подходящий момент. Работа его идейного вдохновителя среди социалистов Парвуса «Классовая борьба пролетариата» открыла ему глаза на то, что военные круги в Берлине теперь задумались о предмете его заветных желаний на рубеже 1907–1908 гг. – грядущей войне, которая нажимом извне создаст предпосылки для революционизирования России изнутри. Формулировка Парвуса: «Мировая война может... завершиться только м и р о о й р е в о л ю ц и е й

³²⁷ Ronge M. Kriegs- und Industrie-Spionage. S. 52.

³²⁸ Помимо книги Ронге, см.: Reifberger J. Die Entwicklung des militärischen Nachrichtenwesens in der k.u.k. Armee // Österreichische militärische Zeitschrift. 1976. Nr. 3. S. 215.

³²⁹ Ганецкий Я. Воспоминания о Ленине. С. 8. Помимо других сильно компрометирующих Ленина сведений в этих воспоминаниях приводится протокол его допроса как новоприбывшего иностранца в полицейском участке 15 июля 1912 г., в котором Ленин своей подписью удостоверил, что «сдал докторский экзамен» на юридическом факультете Петербургского университета (Там же. С. 48–49). Это, возможно, послужило еще одной из причин того, что книга Ганецкого была изъята из обращения, а ее автор арестован и репрессирован.

[разрядка в тексте. – *Е. И. Ф.*]»³³⁰, – отвечала сокровенным мыслям Ленина и вмиг заставила его отринуть все сомнения по поводу момента и характера его будущих действий. Тот факт, что социалистический экономист-теоретик при этом, под влиянием немецкой социал-демократии, предостерегал, как будто специально обращаясь к Ленину, от форсированного «революционизма» («революционизм, который не хочет видеть ничего кроме последнего дня и последнего великого решения, не-историчен и ненаучен»³³¹) и произвольного «революционного обострения» борьбы («не революционное обострение, а социальное расширение борьбы»), мало его беспокоило. Он ухватился за предоставленную возможность и сделал 1912 г., когда Вена настраивалась на кажущуюся неотвратимость войны с Россией, годом планирования собственной войны в тесной связке с генштабами центральных держав. Ленин с размахом начал «новую жизнь», которую переселившиеся вместе с ним в Краков товарищи позже славили как высший этап партийного развития³³², тогда как на самом деле она была отмечена глубочайшей зависимостью от военных планов центральных держав, направленных против их родины.

Краков 1912 г. – совсем не тот уютный провинциальный городок с доброжелательными полицейскими, каким его позже представила советским читателям Крупская³³³. Это был сильно милитаризованный город с «беспорным господством военной формы»³³⁴ на улицах. Жизнь там кипела вокруг корпусных штабов и австрийской крепости, где находился крупнейший многочисленный гарнизон. Рядом с различной австрийской униформой мелькала польская, принадлежавшая полякам-эмигрантам (по словам Крупской, в одном только Кракове их насчитывалось 4 тыс. чел.³³⁵), чьи «общества» под прикрытием занятий гимнастикой, стрельбой и прочей физкультурой воспитывали великопольский патриотизм и дожидались удобного момента для освобождения Польши от русского ига. За два года костюмы членов общества «Сокол» как-то незаметно превратились в хорошо известную полевую форму Польского легиона. «Чем удушливее в течение следующих двух лет становилась политическая атмосфера, тем более неприкрыто эти объединения словом и делом демонстрировали свои намерения, тем неосторожнее высказывались и вели себя, настолько, что даже власти пришли в некоторое смущение. Безбоязненно говорили о множестве оружия и боеприпасов, припрятанных по ту сторону границы, и самым решительным образом уверяли, что все готово к восстанию»³³⁶. В обстановке предвоенного оживления националистических эмигрантских организаций Ленину предназначалась задача создать русское движение под своим руководством. Он пользовался всеми привилегиями желанного будущего союзника³³⁷. Но, прежде чем войти в краковский привилегированный круг обладателей шикарных загородных домов в Высоких Татрах, почти неизвестному русскому предстояло выдержать испытание.

1.4.2. Ленинский дебют: Пражская партийная конференция

Мероприятие, вошедшее в канонизированную историю Коммунистической партии Советского Союза как «Шестая (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП»³³⁸, пред-

³³⁰ Parvus. *Der Klassenkampf des Proletariats*. Berlin, 1911. S. 147.

³³¹ Ibid. S. 136 («Die Illusionen vom letzten Kämpfe»).

³³² Sinowjew G. N. *Lenin: Sein Leben und seine Tätigkeit*. [Berlin], 1920. S. 24.

³³³ Krupskaja N. *Erinnerungen an Lenin*. S. 265 ff.

³³⁴ Styrck J. *Politische und militärische Erinnerungen aus meinem Leben*. Leipzig, 1922. S. 292. Штюрк приступил к службе в Кракове, как и Ленин, в 1912 г.

³³⁵ Krupskaja N. *Erinnerungen an Lenin*. S. 266.

³³⁶ Styrck J. *Politische und militärische Erinnerungen aus meinem Leben*. S. 293.

³³⁷ Единственная привилегия, в которой ему отказали, – поселить вместе с собой возлюбленную и ее детей. Крупская объясняла это «замкнутостью» краковской жизни, которая в данном отношении «напоминала немного ссылку»: Krupskaja N. *Erinnerungen an Lenin*. S. 303.

³³⁸ См.: Пражская конференция РСДРП 1912 года: Статьи и документы. М., 1937; КПСС в резолюциях и решениях съез-

ставляло собой тайное совещание самого узкого круга воинствующих большевиков с целью установления контакта с венским Эвиденцбюро. Конференция в условиях «строжайшей конспирации» впервые проводилась в славянской столице – чешской метрополии австро-венгерской монархии, и собрались на нее целых 18 сторонников Ленина: 14 делегатов от внутриросийских партийных организаций, в том числе два номинальных меньшевика, которые вскоре перешли к большевикам, и как минимум два, если не три, большевистских агента охраны (Р. В. Малиновский и А. С. Романов, он же Аля Алексинский, друг сестры Ленина)³³⁹, а также 4 представителя большевиков за границей, двое из которых (Ленин и Зиновьев), собственно, созвали конференцию и авторитарно ею руководили, обеспечив с помощью интриг отсутствие других социал-демократов (меньшевиков, бундовцев, польских и литовских товарищей). Эта маленькая, совершенно не репрезентативная для общего состава русской социал-демократии группа заседала под незримым прикрытием Эвиденцбюро 18–30 (5–17) января 1912 г. в пражском Народном доме на Гибернской улице³⁴⁰. Конспирация соблюдалась такая, что работники нелегальной лейпцигской транспортной организации большевиков устраивали приезд делегатов тайно, встречали прибывающих на пражском вокзале, не зная их имен, и, не называя места заседания, доставляли по адресу, который упорно держался в секрете, а делегаты, чья подлинная личность была известна только Ленину и Зиновьеву, приезжали, выступали и уезжали под псевдонимами.

Подоплекой этого сборища служили ожидания Эвиденцбюро, что лидер радикальной группки из антигосударственной части всероссийской социал-демократии за границей даст решающий стимул к созданию чрезвычайно необходимой службы наступательной разведки против России («обеспечение общей разведки с целью осветить деятельность русских корпусов в средней полосе России»³⁴¹ и т. д.), привлечет к этой разведке своих товарищей в российском подполье и, используя также прочие связи на родине, станет надежным партнером центральных держав в борьбе за победу над ней. При должной психологической нацеленности на успех и в отсутствие любых мыслимых противников из рядов русской социал-демократии Ленин выдержал экзамен. Из Праги в Париж к своей жене и секретарю, которая на сей раз не могла его сопровождать, он вернулся успокоенным: «Ильич стал другим... гораздо менее нервным, более сосредоточенным, думал больше о задачах, вставших перед русским рабочим движением... Еще несколько месяцев тому назад Владимир Ильич как-то с грустью говорил Анне Ильиничне, приезжавшей в Париж: “Не знаю уж, придется ли дожить до следующего подъема”, – теперь он ощущал уже всем существом своим эту поднимающуюся бурю...»³⁴²

Венское Эвиденцбюро нашло в лице Ленина нужного ему русского партийного лидера, имевшего под рукой сеть тайных связей, конфиденентов во многих районах страны и в армии и через верных людей пробравшегося даже в парламентское либеральное движение³⁴³. Он располагал проверенной транспортной организацией (в партии ее называли «транспортной комис-

дов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. Кн. 1. М., 1953. С. 265–287. Бертрам Вулф писал о Ленине: «Со свойственной ему смелостью он убедил Пражскую конференцию... назвать себя “Шестым съездом Российской социал-демократической рабочей партии” и взять на себя все права и функции партийного съезда» (Wolfe B. V. Drei Mдnner, die die Welt erschдtterten. Wien, 1952. S. 633). Однако правомочные партийные руководители, которым он не дал там появиться, увидели в этом коварную узурпацию и расценивали fait accompli конференции и ее главного результата – нового, послушного Ленину ЦК – как второй «захват власти» Лениным в партии.

³³⁹ Благодаря присутствию этих агентов строго секретной конференции, за которой Департамент полиции следил с большим интересом, посвящена обширная документация в архивах российского Министерства внутренних дел; см.: Перегудова З. И. Политический сыск России. С. 316–318, 353, примеч. 40 (об основных документах).

³⁴⁰ См., напр.: Krupskaja N. Erinnerungen an Lenin. S. 256 ff.; Shub D. Lenin. S. 139 ff.; Possony S. T. Lenin. S. 163 ff.; Service R. Lenin. S. 175 ff. См. также донесения задействованных агентов охраны: Материалы по истории общественного и революционного движения. Т. 1. С. 85–87.

³⁴¹ Reifberger J. Die Entwicklung des militдrischen Nachrichtenwesens in der k.u.k. Armee. S. 216.

³⁴² Krupskaja N. Erinnerungen an Lenin. S. 262.

³⁴³ См. об этом: Аронсон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962. С. 130–132.

сией»), которую в годы реставрации при Столыпине нелегально выстроил «Альберт», т. е. И. О. Таршис из Вилькомира Ковенской губернии, секретарь Московского комитета РСДРП по кличке Пятница. Теперь Альберт из Лейпцига организовывал под благожелательным взором германских органов безопасности переправку грузов (печатной продукции, оружия) и людей через границу в обоих направлениях официальными и нелегальными путями, заготавливал паспорта, налаживал связи с пограничными контролерами с той и другой стороны, обеспечивал приезжающих и отъезжающих товарищей жильем, транспортом и билетами. Он же доставлял из России в Прагу участников конференции с помощью своих штатных сотрудников Петунникова и Валерьяна, к которым в качестве неофициального помощника присоединился большевистский агент охраны из криминальной среды М. И. Бряндинский³⁴⁴. Альберт был так важен для осуществления планов Ленина, что его позвали на Пражскую конференцию в числе четырех заграничных представителей партии.

Состав делегатов подбирался с учетом интересов венских и краковских хозяев. Это были преимущественно новички в социал-демократическом движении (некоторые прошли подготовку в партийных школах на Капри и/или в Лонжюмо), в среднем в возрасте двадцати с небольшим лет, главным образом из рядов русского пролетариата с добавлением нескольких представителей важных для центральных держав национальных окраин империи, многие – неквалифицированные и квалифицированные рабочие крупных предприятий, в том числе военных, в стратегически значимых районах страны. Большевистскую группу Петербурга (столица, производство вооружений и боеприпасов, порт) представляли два делегата, Екатеринослава (тяжелая промышленность, сельское хозяйство в окрестностях) – один. По одному делегату прибыло из Саратова (Поволжье), Николаева (черноморский порт, флот), Вильны (от многонациональной западной приграничной губернии на конференцию явился рабочий-еврей лет 18–20), Центрального промышленного района (большевистский агент охраны Георгий с партийным псевдонимом Андрей Сергеевич Романов, т. е. А. Алексинский) и Казани (жест Ленина в сторону офицеров разведки австрийского Генштаба?). Такое социальное и региональное представительство местных большевистских групп должно было убедить венских покровителей конференции в «глубоком эшелонировании» партии Ленина в Российской империи и в ее способности стать в будущем вспомогательными внутрироссийскими войсками австрийцев.

Состав избранного в Праге Центрального комитета подчеркивал это намерение. В числе нежелательных элементов из социал-демократической партии Ленин наряду с польскими и литовскими товарищами не допустил на конференцию еврейских марксистов, которые ввиду своих необъятных международных связей легко могли сорвать его планы. В результате еврейский элемент на данной конференции оказался не так силен, как бывал обычно на других социал-демократических собраниях, и столь умелая селекция привела к образованию действительно русского (с добавлением представителей национальных окраин) руководящего органа: в комитет из семи человек с правом дальнейшей кооптации членов, помимо многолетнего подручного Ленина и второго, после него, представителя заграничной организации большевиков на конференции Г. Е. Радомысльского (партийный псевдоним Зиновьев), вошли всего два еврея – Виктор (Д. М. Шварцман) из Киева, симпатизирующий Ленину меньшевик плехановского направления, избрание которого являлось временной компромиссной мерой ввиду необходимости представительства Украины, и Борис Иванович из Москвы, он же Шая Голощекин, партийный псевдоним Филипп (наст. имя Филипп Исаевич или Исакович Фрамм), уроженец г. Невель Витебской губернии. Как Зиновьев, так и Голощекин ставили свою принадлежность к

³⁴⁴ О М. И. Бряндинском см.: Агафонов В. К. Парижские тайны царской охраны. С. 322–324. Его донесение в охранку от 26 декабря 1913 г. см.: Материалы по истории общественного и революционного движения. Т. 1. С. XVIII–XX.

ленинской партии выше принадлежности к еврейству и категорически отрицательно относились к еврейской интеллигенции, особенно среди меньшевиков³⁴⁵.

Голощекина, старого большевика с 1903 г. с бурной историей многократных арестов, ссылок и побегов, неизменно приводивших его за границу к Ленину, привычного к террору и насилию руководящего деятеля, известного своим презрением к «мягкотелой интеллигенции»³⁴⁶, Альберт доставил в Прагу лично. По возвращении с конференции нового члена ЦК РСДРП и его Русского бюро арестовали и сослали в Тобольск. Он сбежал в Петербург, а оттуда по заданию партии ушел в уральское подполье. На рубеже 1912–1913 гг. Голощекин появился на Краковской конференции Ленина, которая определила структуры нелегальной партийной организации, сотрудничающей с Эвиденцбюро. В итоге ему поручили создать боеспособную тайную организацию на Урале, где в марте 1913 г. его снова ждали арест и ссылка – на сей раз вместе с уральским уроженцем Я. М. Свердловым и другими членами местного партийного руководства – в Туруханский край Енисейской губернии, откуда бежать было невозможно. Освободившись по амнистии Временного правительства в марте 1917 г., он работал в петроградском ЦК, пока Ленин в мае не послал его проводить большевизацию тяжелой и военной промышленности Урала, который рассматривался как район тактического отступления в случае краха большевистской власти в столице. Здесь Голощекин правил твердой рукой, занимая высшие военные и партийные посты, будучи после большевистского переворота назначен военным комиссаром Уральской области. В этом качестве он ведал надзором за сосланной семьей бывшего царя и при приближении белых войск настоял на ее убийстве. Послужив в гражданскую войну исполнительным орудием кровавого подавления и искоренения ленинских противников в таких многонациональных краях, как Урал, Поволжье и Сибирь, после смерти Ленина он возглавил крайком партии в Казахстане, где с 1924 по 1933 г. с миллионами жертв осуществлял перевод на оседлость казахов-кочевников, принудительную коллективизацию и политические репрессии. Когда Гитлер захватил власть в Германии, Сталин, бывший товарищ Голощекина по ЦК, зная его опыт в сотрудничестве с германским Генштабом и предполагая возможный германо-советский альянс, перевел его на высокую должность в центр. После нападения Германии на СССР Голощекин был арестован по подозрению в шпионаже и 28 октября 1941 г. расстрелян как «вредитель».

Из того же теста был попавший в ЦК Серго (Г. К. Орджоникидзе) из Тифлиса, грузинский большевик, в отличие от большого числа образованных грузинских меньшевиков – кутила и пьяница, бесшабашный профессиональный революционер, приверженец Ленина с 1903 г. Арестованный в декабре 1905 г. как член вооруженной боевой дружины, но в мае 1906 г. выпущенный под залог, он эмигрировал в Германию. Проведя там 8 месяцев, в начале 1907 г. вернулся в Россию и занялся партийной работой в Баку. После повторного ареста и бегства явился в 1911 г. к Ленину в Париж, поступил в партийную школу в Лонжюмо. В том же году он по распоряжению Ленина нелегально уехал в Россию, на Пражскую конференцию его вызвали оттуда³⁴⁷. Как и Голощекин, Серго славился презрением к партийной интеллигенции с ее тонкими чувствами.

В качестве еще одной компромиссной меры, обусловленной территориальными соображениями, в ЦК ввели Тимофея (С. С. Спандаряна) – армянина из преимущественно мусульманского Баку, чувствительного интеллигента, отца двоих детей. Его уже на обратном пути аре-

³⁴⁵ «Энциклопедия юдаика» говорит о Григории Евсеевиче Зиновьеве (1883–1936) из Елизаветграда как об основателе и руководителе Коммунистического Интернационала, подчеркивая, что он, хоть и родился в еврейской семье, «с ранней юности полностью ассимилировался в русскую жизнь, особенно в радикальный марксистский социализм» (Encyclopaedia Judaica. Vol. 16. Col. 1029 f.). Голощекин (1876–1941) – как, впрочем, и А. Гельфанд-Парвус – в этой национальной еврейской энциклопедии не упоминается и, таким образом, к еврейству ею не причисляется.

³⁴⁶ См.: Плотников И. Ф. Гражданская война на Урале. С. 84–86.

³⁴⁷ О его последующих военных задачах см.: СВЭ. Т. 6. С. 107–108.

ставали по доносу присутствовавших среди участников конференции сотрудников охраны. На его место большевистский агент Охранного отделения Константин из Москвы, тоже приехавший из Праги членом ЦК, кооптировал другого кавказца – только что нелегально, но предположительно с ведома (а то и по наущению) охраны вернувшегося из сибирской ссылки во вторую столицу грузина Иосифа Виссарионовича Джугашвили (Сталина). Соответственно в кругах немецких разведчиков он был известен как террорист, который во время революционной смуты даже в центре столицы совершил налет на транспорт с деньгами³⁴⁸.

Константин, который должен был вместе с Филиппом (Голощекиным) представлять на конференции московскую группу, но прибыл с опозданием, на самом деле звался Романом Вацлавовичем Малиновским (1876–1918) и родился в российско-польской Плоцкой губернии. Ленин его встретил чрезвычайно сердечно, выдвинул кандидатом от партии в IV Государственную думу и ввел в ЦК. Константин также получил задание наладить легальный выпуск «Правды» в Петербурге и добросовестно его выполнил (первый номер вышел 22 апреля [5 мая] 1912 г.). По завершении конференции Ленин вместе с Константином поехал в Лейпциг и там на конспиративном совещании в помещении редакции газеты «Лейпцигер фольксдайтунг» познакомил его с двумя большевистскими депутатами III Думы – Н. Г. Полетаевым (р. 1872, с. Кожухово Костромской губернии) и В. Е. Шуркановым, из которых по крайней мере второй работал на охранку.

Затем Ленин отправился дальше в Берлин, где, остановившись у В. В. Адоратского (Фриденау, Кайзераллее, 99/100), информировал избранных товарищей о последних событиях в партии. Через члена ЦК Спандаряна, уполномоченного им на переговоры с Карлом Каутским, он продолжил борьбу за наследство Шмита, которое находилось под опекой Каутского, Франца Меринга и Клары Цеткин.

Малиновский же из Лейпцига вернулся в Россию, сделал в партии стремительную карьеру как любимец партийного босса, а после захвата этим боссом власти первым из членов ЦК пошел на расстрел по приговору революционного суда.

Экскурс: Ленинский агент охраны Р. В. Малиновский

...Я прекрасно понимаю, что прощение неприемлемо для меня; может быть, лет через сто и будет возможно, но не теперь³⁴⁹.

Самый проклинаемый «provokator» в большевистской партии, «Иуда» из ленинского круга не ошибся. Прошло сто лет, и в ключевых документах трех инстанций, занимавшихся «делом Малиновского», – назначенного Лениным для проформы весной 1914 г. партийного суда в Поронине (Австрия); соответствующей следственной части комиссии Муравьева во главе со следователем Н. А. Колоколовым, работавшей летом 1917 г.; московского Всероссийского революционного трибунала осенью 1918 г. – мы находим свидетельства, которые во многом реабилитируют Малиновского и сильнее всего порочат того, кто управлял им в двойной игре на большой политической сцене, – его партийного начальника Ленина³⁵⁰.

В противоположность большевистской версии о небесталанном партийном активисте, из-за честолюбия, жажды славы и денег сбившемся с праведного пути и под влиянием умных

³⁴⁸ См.: Nadolny R. Mein Beitrag. Wiesbaden, 1955. S. 21 f.

³⁴⁹ Из последнего слова подсудимого Малиновского перед вынесением приговора, 5 ноября 1918 г.: Дело provokatora Малиновского. С. 236.

³⁵⁰ Предположение, что Ленин знал о работе Малиновского в охране, впервые было высказано Леонардом Шапиро (Shapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960. P. 165 f.), затем Бертрамом Вулфом (Wolfe B. Three Who Made Revolution. New York, 1964. P. 535 ff.) и подробно рассмотрено Михаилом Агурским (Agurskij M. The Third Rome: National Bolshevism in the USSR. Boulder; London, 1987. P. 101 ff.). До какой степени самый известный агент охраны служил орудием для своей партии, может быть доказано только сейчас.

ловцов душ, слуг царизма, предавшем Ленина и партию, сами факты биографии Малиновского показывают, что этот поляк, католик и отец семейства, был прирожденным профсоюзным лидером, но ленинские соратники, вопреки его воле и призванию, толкнули его на путь агента, темные стороны которого трагически превышали его способности ко лжи и притворству. Молодой Малиновский, симпатичный и обаятельный ефрейтор лейб-гвардии Измайловского полка, с короткой кудрявой шевелюрой и лихо закрученными усами, попал в поле зрения петербургской охранки уже во время первой революции, вступившись за права бастующих рабочих³⁵¹. Происходил он то ли из обедневших польских дворян, то ли из крестьян, с детства остался круглым сиротой (отца лишился в 8 лет, матери – в 14), получил «домашнее образование» (одна из его сестер работала учительницей, другая гувернанткой), поступал в учение в книжный магазин и на фабрику мельхиоровых изделий, но каждый раз бросал и, в отличие от старших братьев и сестер, преуспевших в академических профессиях, перебивался случайными заработками в надежде уехать за границу, трижды попадался на краже со взломом (1897–1899), в результате чего в конце концов оказался в Плоцкой окружной тюрьме. Владелец тюремной фабрики взял способного молодого человека после освобождения к себе и тем спас «от гибели»³⁵². В 25 лет (1901) Малиновский вступил в РСДРП. В том же году его призвали на военную службу и направили в столицу, в лейб-гвардии Измайловский полк. Во время беспорядков 1904–1905 гг. он, служа конюхом у полковника Ботерьянова, сблизился с социал-демократами среди повстанцев и, должно быть, вступил в контакт с большевистскими боевыми группами. По возвращении в часть осенью 1905 г. его обвинили в агитации, но штабс-капитан Розгильдеев не дал делу ход, зачислив Малиновского добровольцем на Дальний Восток. Впрочем, его батальон так и не покинул Могилевский гарнизон до конца русско-японской войны и был расформирован. В апреле 1906 г. Малиновский, уволившись в запас, стал токарем на заводе Лангензипена. Умение произносить зажигательные речи, искреннее участие к рабочей доле вскоре привели его в руководство петербургского Союза металлистов. Директор Департамента полиции, лично курировавший этого агента в 1912–1914 гг., расхваливал его качества: «От природы Малиновский был богато одарен способностями, в особенности поразительной, я бы даже сказал, феноменальной памятью, тем ораторским искусством, которое, как бы проникнутое силою, убежденностью, могло увлекать и взвинчивать слушателей, и, наконец, дерзостною смелостью, которая граничила с фанатизмом партийного энтузиаста»³⁵³.

Эти качества импонировали и ленинцам, через Зиновьева установившим связь с Малиновским в конце 1906 – начале 1907 г. По данным Зиновьевым впоследствии показаниям в комиссии Муравьева, Малиновский тогда тяготел к меньшевикам (на самом деле он ценил образованных меньшевистских интеллектуалов и преклонялся перед В. В. Шером, который, со своей стороны, видел в нем будущего «русского Бебеля»), но старался занимать взвешенную позицию между двумя фракциями³⁵⁴. Малиновский позже подчеркивал, что именно в ту пору «впервые» познакомился «с политической агитацией» и начал «сам работать на общественном поприще»³⁵⁵. Контакт Зиновьева с заводским рабочим – социал-демократом и профсоюзным

³⁵¹ О его деятельности в охранке см.: Материалы по истории общественного и революционного движения. Т. 1. С. IX–XI (карьера в большевистской партии), 314 (биография). Прежняя точка зрения на Западе: Wolfe B. B. Drei Mdnner, die die Welt erschütterten. S. 639–663; Idem. Lenin and the Agent Provocateur Malinovsky // The Russian Review. 1945. Vol. 5. No. 1. P. 49–69. Сравнительно недавняя публикация из мемуарного наследия: Зиновьев Г. Е. Воспоминания: Малиновский // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. Единственное издание источников: Дело провокатора Малиновского.

³⁵² Показания Малиновского Революционному трибуналу при ВЦИК, 27–28 октября 1918 г.: Дело провокатора Малиновского. С. 138.

³⁵³ Показания С. П. Белецкого комиссии Муравьева, 6 июля 1917 г.: Там же. С. 102.

³⁵⁴ Показания Г. Е. Зиновьева комиссии Муравьева, 26 мая 1917 г.: Там же. С. 55. Тот факт, что Зиновьев не стал скрывать от комиссии Муравьева своих связей с Малиновским в рассматриваемый период, указывает на достаточно прочные отношения, известные другим (потенциальным) свидетелям.

³⁵⁵ Показания Малиновского Революционному трибуналу при ВЦИК, 27–28 октября 1918 г.: Там же. С. 138.

деятелем – произошел в то время, когда Ленин в Финляндии, извлекая уроки из Московского восстания и общего поражения революционного движения, намечал пути, чтобы начать все сначала. Для нейтрализации могущественной охранки, с одной стороны, и превосходящего меньшевистского противника, с другой, он нуждался в союзниках и потому велел «сагитировать», ради будущих интересов своей партии, и этого «интеллигентного рабочего» с дружескими связями среди видных меньшевиков. Не доказано, но вряд ли ошибочно предположение, что некоторые шаги Малиновский уже в 1906–1910 гг. предпринимал с подачи большевиков: теснее сблизился с меньшевистскими кружками, продвинулся до секретаря правления мощного петербургского Союза металлистов («работал я в союзе честно, отдавал этой организации всю душу и сердце»), а вместе с тем, являясь «членом партии с 1901 г.», под именем Эрнест «в 1907 и 1910 гг. говорил добровольно с начальником охранного отделения по телефону»³⁵⁶. В период полицейских репрессий старый партиец добровольно связывался с начальником петербургской охранки лишь в том случае, если старался наладить отношения с тайной полицией и/или подстраховать свою нелегальную деятельность, а делал это по телефону, если не хотел, чтобы о таких отношениях знали его друзья (меньшевики). До 1909 г. Малиновскому, очевидно, удавалось и то и другое. Несмотря на пламенные выступления «талантливейшего оратора» (Зиновьев), например, на 1-м Всероссийском съезде фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, агитация в годы всеохватывающего полицейского контроля при премьер-министре Столыпине сходила ему с рук. Только 15 ноября 1909 г. – по его собственным словам, на Всероссийском антиалкогольном съезде; по документам охранки, на собрании местной социал-демократической организации – он превысил меру допустимого и был арестован. После трехмесячного предварительного заключения его освободили, лишив права проживания в Петербурге. В январе 1910 г. он поселился в Москве, поступил на работу на завод Штолле и записался на курсы в Народный университет Шанявского.

В апреле 1910 г. Малиновского арестовали вместе с московскими меньшевистскими лидерами, а 15 или 16 мая привели на допрос к ротмистру Иванову. Согласно показаниям Иванова летом 1917 г., Малиновский тогда заявил «о своем желании переговорить откровенно с начальником отделения», а начальник, подполковник П. П. Заварзин (с 29 декабря 1909 г.), пояснил, что он «выразил готовность вступить в число секретных сотрудников Московского охранного отделения»³⁵⁷. Вряд ли беззаветный профсоюзный борец принял такое решение по собственному почину, и первые же его действия говорят об управлении им со стороны большевиков: первая информация, которую Малиновский дал московской охранке в качестве ее секретного сотрудника по кличке Портной, касалась вызывавшей опасения у Ленина московской группы меньшевиков-«примиренцев» (Шер, Круглов, Дмитриев, Чиркин и др.). После тактической паузы, призванной защитить осведомителя, этих друзей Малиновского арестовали и сослали. Тот, кто их выдал, тяжело переживал «первый шаг моей подлости», но – как он напомнил своим товарищам в ревтрибунале 1918 г. – не видел другого выхода³⁵⁸. Напомнил он им также, как всячески ограждал и уберечь-таки от ареста «товарища Батурина», т. е. большевика Н. И. Бухарина, которого охранка с удовольствием изобличила бы с его помощью.

Это и похожие события не прошли мимо внимания московских меньшевиков и бундовцев, которые начали питать подозрения, что Малиновский связан с охранкой. Слухи такого рода докатились и до большевиков, Малиновский был ими настолько раздавлен, что у него появились симптомы нервного расстройства. В ревтрибунале он рассказывал о тяжелом внутреннем конфликте и ослаблении всего своего организма («бессонных ночах», «страданиях и угрызениях совести») из-за «двойной игры» уже в 1911 г. Летом – осенью 1911 г. он попытался

³⁵⁶ Постановление Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, 8 июня 1917 г.: Там же. С. 63.

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ Показания Малиновского Революционному трибуналу при ВЦИК, 27–28 октября 1918 г.: Там же. С. 141.

уйти из охраны, обратился к своему начальнику «с просьбой освободить меня... доказывал... что мне тяжело, что не могу так жить». Просьба эта не отвечала ни интересам охраны, ни намерениям ленинской партии и осталась неудовлетворенной.

Прежде чем Малиновский дождался решения по поводу своего освобождения от службы, в ноябре 1911 г. к нему обратилась В. Н. Лобова (она же старая большевичка Б. Б. Зильберберг), член Московского комитета большевиков и жена большевистского агента охраны А. И. Лобова (в 1913 г. уволенного оттуда за пьянство), с предложением в январе 1912 г. представлять Московский комитет на конференции Заграничного бюро ЦК РСДРП в Праге. Приглашение на конференцию, исходившее, по указанию Ленина, от К. П. Пятницкого и привезенное специальным посланцем из Парижа, большевиком-эмигрантом Л. С. Зеликсоном, в Москву Лобовой, которая в узком кругу московских ленинцев настояла на кандидатуре Малиновского («Недурно ведь вышло», – писала она чуть позже³⁵⁹), явилось для последнего полной неожиданностью. Подозревая какой-то непонятный заговор³⁶⁰, он отказался. Он думал, что Лобова с этим приглашением подыгрывает охране, и уверился в своих подозрениях, когда Заварзин (Малиновский впоследствии ошибся, сказав, что Мартынов³⁶¹) отклонил его просьбу об увольнении и «категорически потребовал» от него согласия на поездку в Прагу. Главной целью поездки и участия в конференции охранка поставила своему агенту личное знакомство с Лениным. Малиновский хотел отвертеться от задания, подумывал о том, чтобы не возвращаться после конференции в Москву, «но страх... убил все»³⁶².

В Праге Ленин встретил долгожданного товарища словами: «Вот это то, чего нам недостает на конференции!»³⁶³ Малиновский выказал истинную преданность партийному боссу: не выполнил поручение охраны сообщить из Праги о месте заседаний («из-за чего был большой скандал, когда я вернулся»), не выдал имена участников кроме и без того известных охране ее же собственных сотрудников. Из Москвы он уезжал с недобрим чувством, прибыл в Прагу против воли (с характерным опозданием!), а на конференции «случилось более страшное – я вошел в ЦК и согласился на кандидатуру в Думу»³⁶⁴. Избрание Малиновского в ЦК РСДРП и выдвижение большевистским кандидатом от Московской губернии по рабочей курии на выборы в IV Государственную думу, несомненно, произошли по инициативе Ленина. Ввиду общеизвестности данного факта Ленину пришлось признать его на допросе в комиссии Муравьева (летом 1917 г.), оправдывая свои решения обнаруженными у нового товарища качествами «горячего и убежденного большевика» и большими агитаторскими талантами. Проверив все обстоятельства и заслушав более 30 свидетелей, комиссия сочла доказанным, что намерение провести Малиновского в Думу исходило от Ленина и ленинцев и лишь потом его подхватило и поддержало Московское охранное отделение³⁶⁵. Малиновского ленинские замыслы повергли в ужас. Он впервые услышал о них только «на январской конференции»: «Там ко мне подошел Ленин и стал со мной говорить о возможности моей кандидатуры. И здесь я совершаю сознательное преступление... Я Ленину стал говорить, что не стоит выставлять мою кандидатуру в Думу, потому что принесу вред себе и партии. Ленин не спра-

³⁵⁹ Розенталь И. С. Провокатор Роман Малиновский. С. 70.

³⁶⁰ «... предложение В[алентины] Н[иколаевны] показалось мне очень странным, и характерно то, что ее мотивировка моей поездки если не целиком, то отчасти совпадала с теми мотивами, о которых Заварзин говорил» (Малиновский на заседании Революционного трибунала при ВЦИК 5 ноября 1918 г.: Дело провокатора Малиновского. С. 210).

³⁶¹ Показания Малиновского Революционному трибуналу при ВЦИК, 27–28 октября 1918 г.: Там же. С. 142.

³⁶² Там же. С. 143.

³⁶³ Зиновьев Г. Е. Воспоминания: Малиновский. С. 187. Малиновский до 1917 г. пользовался особым расположением партийного вождя. Так, в начале января 1913 г. тот писал Горькому, что гостящие у него в Кракове большевистские депутаты Думы Малиновский, Петровский и Бадаев «парни хорошие, особенно первый» (Ленин В. И. Сочинения. 3-е изд. Т. 16. С. 220).

³⁶⁴ Показания Малиновского Революционному трибуналу при ВЦИК, 27–28 октября 1918 г.: Дело провокатора Малиновского. С. 143.

³⁶⁵ Постановление Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, 8 июня 1917 г.: Там же. С. 64.

шивал подробности – в чем дело. Я ограничивался небольшими заявлениями... Стоило мне немножко показать, что нельзя, и Ленин не согласился бы на мою кандидатуру...»³⁶⁶

Слова Малиновского о «преступлении» отражают его неосведомленность и идеализацию партийного вождя: он верил, что Ленин не знал о его судимостях, и, ошибочно полагая, будто тот мог отказаться от своего замысла, винил себя в недостаточно прямом и полном рассказе о собственном криминальном прошлом. Ленин, державший свою партию герметически закрытой от нежелательных элементов и проверявший новичков вдоль и поперек, несомненно, был информирован об уголовных прегрешениях нового кандидата в Думу, – но они его не интересовали. Как стало известно В. Л. Бурцеву, Малиновский «признался Ленину в гнусных преступлениях в прошлом... Ленин прервал его, не желая слушать дальше, и сказал: “Для большевиков такие вещи не могут иметь значения”». Бурцев считал эти сведения «довольно правдоподобными»³⁶⁷ и утверждал, что работа Малиновского на охранку не составляла для Ленина тайны: «Судя по словам Малиновского, Ленин понял и никак не мог не понять, что его [Малиновского] прошлое не просто было связано с прямой уголовщиной, но что сам он был в руках жандармерии – и провокатор»³⁶⁸. Того же мнения придерживался начальник личной охраны царя А. И. Спиридович: «Ленин, знавший, по всему вероятно, о службе Малиновского у Департамента полиции и допускаявший это в расчете, что под прикрытием Департамента Малиновский сможет принести гораздо больше пользы для партии и причинить много вреда правительству, принял его под свою защиту»³⁶⁹.

Решение Ленина тем более примечательно, что юрист, сам пытавшийся баллотироваться в Думу и, следовательно, знакомый с избирательным правом, не мог не знать ст. 10 Положения о выборах в Государственную думу, не допускавшую к участию в выборах лиц, имевших судимости за воровство, мошенничество, присвоение вверенного имущества, без учета срока давности. Если Ленин, несмотря на это, добился выдвижения кандидатуры Малиновского на думские выборы, пустив в ход все внутривнутрипартийные рычаги, видимо, он рассчитывал, что обойти острые углы поможет охранка, заинтересованная в том, чтобы провести его кандидата / своего агента в орган народного представительства, даже с нарушением закона. Он не ошибся: другие большевистские сотрудники Московского охранного отделения, в том числе Сидоров (А. А. Поляков) и Пелагея (А. С. Романов), поддержали кандидатуру своего коллеги и товарища; на предвыборную кампанию ему – помимо 300 рублей «из-за границы и от некоторых партийных лиц»! – выделили средства из бюджета охранки. Малиновский, терзаемый нечистой совестью, искал совета у адвоката, неоднократно обращаясь к нему в ходе избирательной кампании. Этот адвокат, бывший большевик, а ныне видный меньшевик В. Н. Малянтович, член московского социал-демократического избирательного комитета, считал Малиновского «одним из наиболее толковых и развитых партийных рабочих, могущих публично выступать»³⁷⁰, и поддерживал его кандидатуру словом и делом (деньгами). Сомнения Малиновского в правомочности его избрания партийный юрист раз за разом развеивал³⁷¹.

У Московского охранного отделения предложение Ленина вызвало нешуточный интерес: его начальник посвятил в планы большевистского вождя вице-директора Департамента

³⁶⁶ Малиновский на заседании Революционного трибунала при ВЦИК 5 ноября 1918 г.: Там же. С. 210.

³⁶⁷ Цит по: Landau-Aldanow M. A. Lenin und der Bolschewismus. Berlin, 1920. S. 72. Ландау-Алданов не хотел верить, что «Ленин знал или догадывался об агентурной роли Малиновского», но понимал, что Малиновский свидетельствовал именно об этом.

³⁶⁸ Burcev V. Lenin and Malinowski // Struggling Russia. 1919. No. 9–10. P. 130.

³⁶⁹ Спиридович А. И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти. С. 248.

³⁷⁰ Показания В. Н. Малянтовича комиссии Муравьева, 10 мая 1917 г.: Дело провокатора Малиновского. С. 37.

³⁷¹ «Малиновского интересовал, между прочим, вопрос, не может ли быть опротестовано его избрание по чисто формальным основаниям. Те фактические данные, какие Малиновский мне сообщал, дали мне право, как юристу, дать благоприятное для Малиновского заключение» (Там же. С. 36).

полицейской С. Е. Виссарионова. На личном собеседовании агент Портной, как и в разговоре с Лениным, тщетно пытался обратить его внимание на связанные с этим опасности и указывал на препятствие в виде своего уголовного прошлого³⁷². Виссарионов, тем не менее, 5 мая 1912 г. доложил министру внутренних дел А. А. Макарову сенсационную новость: есть возможность «выставить сотрудника Портного кандидатом в члены Государственной думы». На этом рапорте от руки написаны резолюции самого министра («Читал 8.5.1912 г.»), директора Департамента полиции С. П. Белецкого («Представить его превосходительству товарищу министра внутренних дел») и товарища министра внутренних дел И. М. Золотарева («Прошу его превосходительство С. Е. Виссарионова переговорить 11 мая. 10/V И. З. Пр[ошу] обр[атить] вним[ание] на мои пометки в рапорте»). В пометках Золотарева содержались указания на необычность предприятия, но не высказывалось никаких принципиальных возражений, так что после довольно долгих внутриведомственных совещаний было принято решение расчистить секретному сотруднику Портному дорогу в Государственную думу. Заключительная резолюция Белецкого гласила: «Доложено г. министру В. Д. 12/X. Предоставить дело избрания его естественному ходу. С. Б.» До начальника Московского охранного отделения директор Департамента полиции довел решение министерства шифротелеграммой № 1254: «Вопрос об участии известного Вам лица в выборах предоставьте его естественному ходу». «Естественный ход» в данном случае означал устранение возникающих препятствий с вопиющими нарушениями закона. Еврея-мастера с фабрики Фермана, где Малиновский отрабатывал необходимые для кандидата по рабочей курии шесть месяцев, М. С. Кривова, знавшего его биографию, арестовали на время до завершения избирательной кампании под надуманным предлогом; в Пломком окружном суде за взятку в 300 рублей добыли кандидату справку об отсутствии судимости. 19 октября 1912 г. Мартынов уже мог сообщить Белецкому: «Дело предоставлено его естественному ходу. Успех обеспечен». 26 октября в телеграмме № 290502 он рапортовал директору департамента: «Исполнено успешно». Соответственно комиссия Муравьева летом 1917 г. пришла к выводу: «...Малиновского проводили в Государственную думу партия большевиков во главе с Лениным, с одной стороны, и департамент полиции с ведома министра внутренних дел Макарова и его товарища Золотарева – с другой. Это совпадение планов облегчило Малиновскому доступ в выборщики в IV Государственную думу». А ленинцы среди агентов охраны ему «дружно помогали»³⁷³.

Судя по документам Министерства внутренних дел, должным образом подготовленная Крупская, которой Ленин всячески нахваливал товарища «с темпераментом, несомненно, очень способного»³⁷⁴, послала Малиновскому в день их общего успеха обычной почтой письмо с горячими поздравлениями и своей полной подписью «Надежда Константиновна Крупская». Адресат по долгу службы сдал его в охранку – так же как сдавал предыдущие, написанные химическими чернилами, письма от людей из ленинского окружения. «Правда» 3 ноября 1912 г. приветствовала победу на выборах социал-демократа с 10-летним стажем, который теперь заявит о себе по всей России. Петербургский Департамент полиции, принявший агента от Московского охранного отделения в связи с его переездом в столицу, присвоил ему кличку Икс и вознаградил за успех повышением жалованья, которое в итоге достигло астрономической суммы – 500 рублей на содержание семьи и 200 на личные нужды!³⁷⁵

12 ноября новоиспеченный депутат Думы перебрался в Петербург, где директор Департамента полиции, ради удовлетворения потребности в информации общего уровня (о положении в РСДРП и особенно о Ленине), взял его в свою личную агентуру. Раз в две недели

³⁷² Мартынов – Виссарионову, № 303377 от 25 августа 1912 г., цит. по: Постановление Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, 8 июня 1917 г.: Там же. С. 65.

³⁷³ Там же. С. 66–68.

³⁷⁴ Протокол допроса В. И. Ленина в комиссии Муравьева, 26 мая (8 июня) 1917 г.: Новый документ В. И. Ленина. С. 22.

³⁷⁵ Только многолетний сотрудник Заграничной агентуры д-р Житомирский получал больше (до 1 500 рублей).

Малиновский встречался с ним в отдельном кабинете какого-нибудь перворазрядного или второразрядного ресторана со вторым выходом, получал инструкции и предъявлял результаты работы, которые протоколировались обычно присутствовавшим на встречах вице-директором департамента С. Е. Виссарионовым. Двойная игра чрезвычайно много требовала от агента, имевшего от Ленина четкие и исчерпывающие указания не выдавать ни крупинки подлинной информации. Малиновский позже явно поскромничал, заявляя в ревтрибунале: «Не могу сказать, чтобы я в моей работе был искренним от начала до конца перед охранным отделением»³⁷⁶. Он предоставлял прежде всего сведения, которые до него уже раздобыли другие агенты, «врал спокойнее», когда знал, что, например, на том или ином заседании ЦК сотрудников охраны кроме него не было, ленинские резолюции передавал «всегда в так перестроенном виде, как это только мог», чтобы они окончательно не утратили правдоподобие, совсем умолчал о заседаниях и разговорах, проходивших в самом узком кругу в Кракове и Поронине, словом, «всегда старался нанести партии как можно меньший вред»³⁷⁷. Его опубликованные донесения в охранку это подтверждают³⁷⁸, а Белецкий в 1917 г. в комиссии Муравьева подчеркивал, что прекрасно видел отрывочность и нарочитую искаженность информации от Малиновского и считал необходимым принимать меры для ее перепроверки³⁷⁹. Контролируя думскую деятельность Малиновского и публикации в «Правде», Белецкий столкнулся с труднейшими, отчасти неразрешимыми проблемами. Выступления председателя большевистской фракции и заявления фракции, так же как и большую часть статей в «Правду», писал для Малиновского Ленин, Малиновский отдавал их Белецкому на предварительную цензуру. Если в ленинских текстах содержались недопустимо революционные формулировки, Малиновский настаивал на их сохранении, ссылаясь на партийную дисциплину; не придя к согласию с Белецким, он часто в последнюю минуту самовольно отказывался от поправок и рекомендаций своего шефа. В случае совершенно непреодолимых противоречий прибегал к последнему средству – не являлся на заседание Думы, сказавшись больным. Малиновский, без сомнения, – как справедливо признал Ленин в мае 1917 г., подтвердил в том же 1917 г. товарищ министра внутренних дел (с 25 января 1913 г.) генерал-майор В. Ф. Джунковский³⁸⁰ и засвидетельствовал перед ревтрибуналом в 1918 г. бывший вице-директор Департамента полиции Виссарионов³⁸¹ – гораздо больше содействовал антигосударственным устремлениям большевистской партии, нежели доставлял Департаменту полиции средства борьбы с ней. Белецкому это ставили в укор с конца 1913 г. В комиссии Муравьева он в свое оправдание сказал, что в лице Малиновского впервые «вел» в качестве личного агента убежденного большевика. Из его дальнейших объяснений складывается впечатление, что он думал через Малиновского приобрести влияние на Ленина, «загипнотизировать» его³⁸². В ходе рутинного общения с искусно владеющим словом членом большевистского ЦК в глазах полицейского чиновника (даже если оставить вопрос о

³⁷⁶ Дело провокатора Малиновского. С. 210.

³⁷⁷ Показания Малиновского Революционному трибуналу при ВЦИК, 27–28 октября 1918 г.: Там же. С. 144–145. В феврале 1913 г. в Петербурге Малиновский тщетно пытался помешать арестам члена Русского бюро ЦК РСДРП Андрея (Я. М. Свердлов) и члена ЦК Кобы (Сталина); см.: Там же. С. 215–217; Розенталь И. С. Провокатор Роман Малиновский. С. 107–108.

³⁷⁸ В опубликованных донесениях Малиновского и других агентов-большевиков (Материалы по истории общественного и революционного движения. Т. 1. С. 134–136), включенных, например, в циркуляр Департамента полиции № 101901 от 7 июля 1913 г., упор делался на лидерские качества Ленина (его стремление «быть почти диктатором» в партии и ЦК), якобы сильные позиции его группировки в РСДРП («лишь ленинское течение успело сохраниться от разрушения и имеет право претендовать на господствующее положение в партии») и его заинтересованность в расколе партии.

³⁷⁹ Показания С. П. Белецкого комиссии Муравьева, 6 июля 1917 г.: Дело провокатора Малиновского. С. 120.

³⁸⁰ Показания В. Ф. Джунковского комиссии Муравьева, 2 июня 1917 г.: Падение царского режима. Т. 5. С. 69–71.

³⁸¹ «С моей точки зрения, его деятельность как социал-демократа превалировала» (Дело провокатора Малиновского. С. 203).

³⁸² Показания С. П. Белецкого комиссии Муравьева, 6 июля 1917 г.: Там же. С. 109.

сознательном потакании Белецкого большевикам открытым³⁸³), совершенно очевидно, стерлись границы между собственными намерениями и ленинскими целями, и он невольно следовал тем пожеланиям для полиции, которые Малиновский привозил ему из Поронина или Кракова. В особенности это касается директив по окончательному расколу социал-демократической партии на большевиков и меньшевиков, которые Белецкий – боясь намного большего интеллектуального и социального потенциала последних – дал своему большевистскому агенту³⁸⁴, а Ленин с чрезвычайной готовностью использовал, чтобы в собственных интересах бесповоротно расколоть социал-демократическую фракцию в Думе с помощью ее председателя (ноябрь 1913 г.)³⁸⁵.

Малиновский частенько прерывал бурную деятельность в столице, пытаясь развеяться в комфортабельном загородном доме Ульяновых в Высоких Татрах. Так как Департамент полиции не выдавал ему паспорта для частных поездок за границу, хозяева поручали своему помощнику А. Брамму³⁸⁶ (Н. В. Крыленко) обычным тайным путем нелегально переправить его через границу из Русской Польши с австрийскими документами и препроводить к Ленину в Краков или Поронин. Он бывал там «чаще других» депутатов Думы, по словам Ленина – «раз 6 или 7»³⁸⁷, задерживаясь более или менее надолго (до нескольких недель), чтобы отдохнуть и получить новые инструкции. Психологически дом Ульяновых, видимо, стал для него вторым родным домом. Он питал к ним обоим безграничное доверие и несколько раз в моменты крайнего душевного напряжения и страдания сбрасывал перед ними возложенное на него бремя двойной игры, становившееся все нестерпимее. Говоря позже в свидетельских показаниях о его растущей нервозности и несдержанности, приступах рыданий и пьянстве по ночам, чета Ульяновых и их близкие соратники обошли молчанием тот факт, что их гость в слезах, с неммым укором поверял им муки своей совести («порвались нервы... я... плакал, как маленький ребенок... не было спасения, видел, что не переживу никоим образом») и выражал намерение сложить с себя депутатские полномочия³⁸⁸. Если Ульяновы и их гости оставались глухи к этим воплям отчаяния (Крупская объясняла «слабость нервов» Малиновского тем, что «Роман заработался»³⁸⁹), то у верующего православного, отца семейства Белецкого Малиновский нашел понимание. Когда он стал просить Белецкого об увольнении ввиду своего душевного состояния («заявил... что не могу больше, что я могу кончить самоубийством») и ради жены и сыно-

³⁸³ Степан Петрович Белецкий (1873–1918) окончил юридический факультет Университета Св. Владимира в Киеве, начал карьеру провинциальным чиновником при Столыпине, который в 1907 г. назначил его самарским вице-губернатором, в 1909 г. вице-директором, а в 1911 г. и. о. директора Департамента полиции Министерства внутренних дел. После смерти Столыпина в январе 1912 г. стал директором. Насколько известно, Белецкий не устоял перед искушениями этого влиятельного поста и за несколько лет деградировал от способного чиновника до прихлебателя Распутина, охранять и контролировать которого входило в круг его обязанностей. Возможное потворство большевикам, с одной стороны, и общеизвестная связь с Распутиным, с другой, породили подозрения, что его использовали прогерманские группировки. Заключенный при Временном правительстве весной 1917 г. в Петропавловскую крепость, Белецкий всецело сотрудничал с комиссией Муравьева, предоставив в ее распоряжение свои обширные знания о различных людях и фактах. Став после октябрьского переворота узником большевиков, он написал по их требованию «Записки», которые после его расстрела (осенью 1918 г.) были опубликованы в отрывках и в переработанном виде как доказательство загнивания царизма в последние годы существования (см.: Белецкий С. П. Григорий Распутин. Пг., 1923).

³⁸⁴ По словам А. Т. Васильева, мысль «осуществить... смелую политическую акцию» – раскол социал-демократической фракции – принадлежала Белецкому: Wassiljew A. T. Ochрана. S. 261.

³⁸⁵ См.: Розенталь И. С. Провокатор Роман Малиновский. С. 123–124.

³⁸⁶ Большевик Н. В. Крыленко пользовался партийными псевдонимами Абрам или А. Брам, образованными от отчества его отца Василия Абрамовича.

³⁸⁷ Новый документ В. И. Ленина. С. 22, 24.

³⁸⁸ «Однажды проплакал целую ночь, говорил о сложении полномочий и проч.» (показания А. А. Трояновского комиссии Муравьева, 9 июня 1917 г.: Дело провокатора Малиновского. С. 78).

³⁸⁹ Эти ее слова Малиновский привел как не соответствовавшие действительности в своем заключительном слове в ревтрибунале 5 ноября 1918 г.: Там же. С. 214.

вей, тот перекрестился и обещал помочь³⁹⁰: «Ну хорошо, нужно только подыскать удобный момент»³⁹¹. Но прежде, чем Белецкий смог что-то предпринять, его самого уволили со службы (в январе 1914 г.).

Чем больше выгоды извлекал Ленин из работы Малиновского на охранку, приобщая агента к своей деятельности в пользу спецслужб центральных держав, тем меньше имел желания от нее отказываться. Предположительно впервые он раскрыл Малиновскому свою связь с разведкой летом 1913 г. в Поронине³⁹². Малиновского, единственного из думских депутатов, позвали в летнюю резиденцию Ленина на частное совещание, в котором участвовали лица, облеченные исключительным доверием вождя: Крупская, Зиновьев и Каменев. Там ему дали задание найти в Москве двух учеников для планировавшейся в Поронине «партийной школы» пропагандистов (скорее всего, филиала создаваемой Эвиденцбюро «школы конфиденотов»³⁹³), а кроме того, подыскать и рекрутировать как можно больше «агентов», с помощью которых Заграничное бюро ЦК намеревалось контролировать российские органы партии. Эти меры были обусловлены ужесточением требований секретных служб к русским сотрудникам. Видимо, в связи с обсуждением деликатного вопроса о партийных «агентах» Ленин еще сильнее сузил круг участников, отослав Крупскую и Каменева, так что остались только он сам, Зиновьев и Малиновский! И в этом-то теснейшем кругу Малиновского, разъясняя ему необходимость новых мер внутрипартийного контроля, вероятно, просветили насчет связей Ленина с секретными службами центральных держав.

Во время рождественских каникул 1913–1914 гг., проведенных Малиновским у Ленина, его, возможно, представили германской разведке, когда он совершал «турне по Европе»³⁹⁴, которое устроил своему подопечному Белецкий. В намеченных в Петербурге точках маршрута – Краков, Париж, Брюссель, Краков – за ним следили филеры Департамента полиции. Однако, судя по имеющимся документам, полиция явно не узнала о довольно длительных остановках Ленина и Малиновского в Берлине (дважды – в начале и в конце путешествия), державшихся в секрете и потому даже в лениноведении оставивших ничтожно малый след, а также о заключительном визите Малиновского в Вену³⁹⁵.

6 января 1914 г. (24 декабря 1913 г. ст. ст.) Ленин в присутствии Малиновского уведомил своего берлинского партийного связного, армянского большевика В. М. Каспарова, что, возможно, будет в Берлине два часа проездом³⁹⁶. 15 (2) января он вместе с Малиновским отправился из Кракова в Берлин, где, согласно советской литературе, «встречался с латышскими большевиками, обсуждал вопросы предстоящего IV съезда СДЛК [Социал-демократии Латышского края]»³⁹⁷. Предполагавшиеся два часа превратились в два-три дня³⁹⁸. Поскольку

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Показания Малиновского Революционному трибуналу при ВЦИК, 27–28 октября 1918 г.: Там же. С. 147.

³⁹² О совещании ленинского ЦК в Поронине 9 августа (27 июля) 1913 г. см.: Биохроника. Т. 3. С. 128–130.

³⁹³ 1 марта 1914 г. Эвиденцбюро открыло «школу конфиденотов для базового обучения конфиденотов с большими задачами (долгосрочное использование в стране назначения)... В дальнейшем предполагались курсы для офицеров, отобранных для разведывательных поездок. Главные разведывательные управления должны были, согласно мобилизационным планам, представлять командованию закрепленных за ними армий кадры для работы с военнотружущими неприятеля» (Reifberger J. Die Entwicklung des militärischen Nachrichtenwesens in der k.u.k. Armee. S. 216 f.).

³⁹⁴ Показания С. П. Белецкого комиссии Муравьева, 6 июля 1917 г.: Дело провокатора Малиновского. С. 110. «В Брюсселе в январе 1914 года мы с Малиновским были вместе, выехав с ним вместе из Кракова на латышский съезд как представители ЦК. Из Брюсселя ездили с ним в Париж, где он читал большой, открытый реферат о думской деятельности перед несколькимистами слушателей» (Новый документ В. И. Ленина. С. 24).

³⁹⁵ В большинстве монографий и публикаций источников (напр.: Дело провокатора Малиновского. С. 274, примеч. 144) о них не упоминается; советская «Биохроника» Ленина за несколько дней его пребывания в Берлине в начале поездки приводит одно-единственное событие, о втором визите не говорит вообще.

³⁹⁶ Ср.: Биохроника. Т. 3. С. 171; Ленин В. И. ПСС. Т. 48. С. 245–246.

³⁹⁷ Биохроника. Т. 3. С. 177.

³⁹⁸ По словам Штреба (Streb X. Lenin in Deutschland. S. 42), это были дни 8 и 9 января 1914 г.; согласно «Биохронике» (Т.

в Париже, помимо возлюбленной, Ленина ждали неотложные дела (в том числе два митинга, посвященные годовщине «Кровавого воскресенья» 22 января), вряд ли он задержался в Берлине случайно. Каспаров (партийный псевдоним Берлинец), видевшийся с Лениным в Берлине настолько тайно, что их встреча (или встречи) не нашла (не нашли) отражения в известных документах, слыл одним из большевистских агентов секции Шв Большого генштаба и ленинским связным с этим учреждением (см. ниже); придя по просьбе Ленина на вокзал к прибытию его поезда, он мог передать ему сообщения, вследствие которых совместное пребывание Ленина с Малиновским в Берлине несколько затянулось по воле упомянутой службы или по договоренности с ней. Согласовать действия на месяцы, остававшиеся до начала войны, было в обоюдных интересах, и вполне вероятно, что Ленин представил ей Малиновского как своего лучшего человека в Петербурге, которому в планируемых Берлином беспорядках в преддверии мобилизации отводилась роль революционного агитатора бастующих рабочих с высокой думской трибуны.

В Париже Ленин поселился вместе с Инессой Арманд и Малиновским в маленькой гостинице Масанова³⁹⁹. 20 (7) января он сопровождал последнего на выступление с докладом о работе большевистской фракции в Думе, которое собрало около 400 русских эмигрантов различной партийной принадлежности. Потом он предпринял необычный шаг с целью выяснить, известно ли и много ли известно о службе Малиновского в охранке, слухи о которой давно докатились от меньшевиков до его собственной партии, самому информированному русскому охотнику на провокаторов – эсеру В. Л. Бурцеву. Идея была не нова: еще под конец Пражской конференции ленинский ЦК принял решение создать комиссию из трех человек для расследования «провокаторства» в рядах большевиков, поручив ей связаться с Бурцевым в Париже, – данная мера предусматривалась для подстраховки ленинских агентов в охранке. И вот теперь Ленин потребовал от своего (предположительно) самого высокопоставленного агента лично обратиться к Бурцеву от имени ЦК РСДРП с ленинским рекомендательным письмом, чтобы оценить степень его осведомленности о большевиках, сотрудничающих с охранкой, и не в последнюю очередь о собственной персоне визитера⁴⁰⁰.

Бурцев слушал доклад Малиновского, и заявление последнего, что тот хочет поговорить с ним о «борьбе с провокацией» в рядах эсеров и социал-демократов, не вызвало у него никаких подозрений. Увидев личное письмо от Ленина, он заговорил с гостем «довольно интимно», поскольку «глубоко был уверен, что... он отнесется честно к этому», назвал два-три имени сомнительных большевиков, предложив проверить их в Петербурге или Москве, дал надежные контакты в российском Министерстве внутренних дел и в случае успеха в этом деле обещал назвать еще имена. Что касается Заграничной агентуры охранки, то он подтвердил существовавшие подозрения насчет д-ра Житомирского. Бурцев установил Малиновскому определенный срок для сообщения результатов проверки.

После отъезда Малиновского Бурцев получил от социал-демократической газеты «Русское слово» телеграмму с вопросом, не считает ли он возможным, что Малиновский – провокатор. Он взялся за расследование. Дней через десять, узнав, что Малиновский находится с Лениным в Берлине⁴⁰¹, Бурцев потребовал, «чтобы он приехал в Париж. Он не приехал». Тогда Бурцев сообщил социал-демократам, что Малиновский «негодяй, который не выполняет своих обязательств», но у него самого пока нет достаточных оснований подозревать его в провокаторстве. Впрочем, он рекомендовал устранить Малиновского «от всех дел».

3. С. 178), Ленин «не позднее 5 (18) января» приехал в Париж.

³⁹⁹ См.: Pearson M. Lenin's Mistress: The Life of Inessa Armand. New York, 2002. P. 114 ff.

⁴⁰⁰ Показания В. Л. Бурцева, 1 апреля 1917 г.: Падение царского режима. Т. 1. С. 313–315; Показания В. Л. Бурцева, 1 июня 1917 г.: Дело провокатора Малиновского. С. 58–60.

⁴⁰¹ «Он появился через 10 дней в Берлине» (Падение царского режима. Т. 1. С. 314).

Вынося свое суждение, Бурцев не ведал всей тяжести положения Малиновского⁴⁰². Ленин после их встречи уверился, что Малиновского в провокаторстве не подозревают (он ошибся всего на несколько дней!), и велел ему прекратить контакты с Бурцевым. С самим Малиновским по возвращении в гостиницу случился особенно сильный приступ истерических рыданий. Показания Бурцева свидетельствуют, что Малиновский и Ленин, побывав в Париже, Брюсселе (25 января – 2 февраля 1914 г.) и Льеже (2 февраля), вернулись в Берлин.

Визиты Ленина и Малиновского в Париж, Брюссель и особенно Льеж с большой долей вероятности наносились по договоренности с секцией Шв Большого генштаба. В этих городах существовали большие русские колонии, где жило несколько тысяч студентов разных национальностей из Российской империи. Ленин читал студентам реферат на тему «Национальный вопрос», осуждая царизм как «самый реакционный государственный строй» и отмечая «культурно-национальную автономию», на которую возлагало надежды большинство учащихся-евреев, как «выдумку плохоньких интеллигентов» и «софизм бундовцев»⁴⁰³. Он старался разъединить многонациональное студенчество из России, отделить, отколоть от России представителей «обойденных» народов (кавказцев, евреев и др.) и обеспечить их поддержку германским вооруженным силам при наступлении на запад. Эти цели стали видны как нельзя яснее, когда он 2 февраля повторил свой реферат перед русскоязычными студентами Льежского университета⁴⁰⁴.

В крупную русскоязычную эмигрантскую колонию вокруг Льежского университета входили и социал-демократы, и эсеры, и анархисты, и члены ППС. Льеж пользовался особым вниманием оперативного отдела Большого генштаба – планируемый Людендорфом «Налет на Льеж» предполагал покорение города и его крепости в первые три дня западной кампании, чтобы обеспечить германским войскам проход на запад, – так что для немецких завоевателей каждый агитирующий голос, каждая способная держать оружие рука имели значение. Многочисленная группа русскоговорящих студентов должна была представлять немалый интерес для секции Шв, которая в тот период усиленно вербовала агентов в бельгийском приграничье. Тайные договоренности Ленина с секцией Шв перед войной включали поддержку с его стороны военных действий немцев на востоке и на западе, против России и против Франции, акциями в тылу каждого из фронтов⁴⁰⁵. Потому льежские ворота на пути немецких армий через Бельгию к Парижу служили первоочередным местом скрытой прогерманской пропаганды.

Однако Ленин не встретил в Льеже благосклонного приема. Хотя его товарищ В. Г. Гудин, учившийся в 1901–1905 гг. в Петербургском технологическом институте, пользовался доверием среди российских студентов, со своим партийным боссом он сотрудничал лишь с виду. Убежденный монархист, Гудин во время учебы поступил на службу в петербургскую охранку, и по окончании института в 1905 г. его направили в Заграничную агентуру. Ее парижское отделение, отвечавшее также за франкоязычные города Бельгии, поселило нового секретного сотрудника по кличке Ней в Льеже. Этот добросовестный человек испытывал сильные нравственные страдания из-за двойственности своей политической позиции, но службу нес безупречно в течение 12 лет⁴⁰⁶. Возможно, его влияние повинно в том, что пропагандистское выступление Ленина среди студентов Льежа не имело никакого успеха: русскоговорящие студенты Льежского университета при вторжении немцев решительно примкнули к бельгийской

⁴⁰² Позже в ревтрибунале Малиновский объяснил свое молчание нежеланием (из чувства отвращения) видиться с названными Бурцевым полицейскими чиновниками для выяснения других дел: Дело провокатора Малиновского. С. 219.

⁴⁰³ Об этом реферате см.: Ленинский сборник XXX. С. 51–57. Тезисы реферата по национальному вопросу: Ленин В. И. ПСС. Т. 24. С. 382–395.

⁴⁰⁴ См.: Биохроника. Т. 3. С. 184.

⁴⁰⁵ См., напр.: Спиридович А. И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти. С. 252.

⁴⁰⁶ См. оценку, которую дал ему Броецкий после ревизии парижского отделения Заграничной агентуры в 1913 г.: Перегудова З. И. Политический сыск России. С. 173.

армии и гражданскому населению в вооруженной борьбе против немецких захватчиков, которыми командовал лично Людендорф. После взятия Льежа их за это карали особенно беспощадно⁴⁰⁷.

Из Льежа Ленин и Малиновский вернулись в Берлин. Лениноведы об этом их пребывании в Берлине не упоминают, говорят только о визите в Лейпциг («после 2–3 февраля»⁴⁰⁸) и возвращении 6 февраля в Краков, где путешественников дождался еще один большевистский депутат Думы Ф. Н. Самойлов. Из Льежа в Лейпциг на поезде надо было ехать через Берлин, где, по данным Бурцева, Малиновский ненадолго останавливался через 10 дней после их парижской встречи. Цель второго совместного визита Ленина с Малиновским в германскую столицу, возможно, имела связь с первым (например, необходимость отчитаться об определенных результатах посещения Парижа, Брюсселя или Льежа, выполнить какие-то поручения, конкретизировать начатые раньше разговоры о планируемых действиях в предвоенные месяцы). В Лейпциг они предположительно заезжали главным образом для того, чтобы повидать Альберта (Таршиса), чью транспортную организацию обоим в ближайшем будущем предстояло усиленно эксплуатировать. Предположение, что Ленин в январе и феврале 1914 г. знакомил с Малиновским германские ведомства, в первую очередь секцию ШВ Большого генштаба, подкрепляется дальнейшими фактами биографии последнего (см. ниже).

По завершении совместного «европейского турне» Малиновский еще заглянул в Вену (для встречи с офицерами Эвиденцбюро?), прежде чем отправиться домой. В Вене его настигло известие об увольнении Белецкого. Соответствующую газетную заметку ему передал А. А. Трояновский, большевистский активист из венской эмиграции, писавший черновики думских выступлений Малиновского по вопросам бюджета⁴⁰⁹, чья жена Е. Ф. Розмирович работала в Петербурге секретарем большевистской фракции в Думе, в отсутствие Малиновского жила в его квартире, а после его возвращения была арестована охранкой в Киеве⁴¹⁰. Узнав об отстранении Белецкого от должности, Малиновский «весь вздрогнул»⁴¹¹, но быстро взял себя в руки. Это увольнение стало для него «тяжелым ударом»: он увидел «поднявшийся и над его головой молот»⁴¹².

Новый товарищ министра внутренних дел Джунковский, убежденный конституционалист, масон и решительный реформатор (он, например, прекратил обычную для охраны практику заставлять гимназистов и солдат шпионить за товарищами), был непримиримым противником инструкции 1907 г., считал использование агента из революционной среды «безобразием» и давно с раздражением («мне это претило») поджидал случая положить конец отношениям Белецкого с его сотрудником Иксом без публичного скандала. Летом 1913 г. он уже уволил вице-директора Департамента полиции Виссарионова, а узнав о заграничной поездке Малиновского, «сейчас же»⁴¹³, 28 января 1914 г., снял с поста и директора. От судебного преследования Белецкого и Виссарионова Джунковский отказался только потому, что хотел избежать скандала и оградить репутацию Думы⁴¹⁴. На место всемогущего шефа полиции он поставил безупречного прокурора В. А. Брюн-де-Сент-Ипполита и поручил надежному

⁴⁰⁷ А. М. Коллонтай, тогда меньшевичка, с изумлением комментировала сопротивление российских студентов в Льеже: Коллонтай А. Отрывки из дневника 1914 г. Л., 1924. С. 41, 51.

⁴⁰⁸ По словам Штреба (Streb X. Lenin in Deutschland. S. 43), в Лейпциге он находился 3–6 февраля, 4 февраля читал российским студентам реферат «О праве наций на самоопределение». Жил на Элизенштрассе, 45.

⁴⁰⁹ Показания С. П. Белецкого комиссии Муравьева, 6 июля 1917 г.: Дело провокатора Малиновского. С. 109.

⁴¹⁰ Это без ведома Малиновского устроил, ради его прикрытия, Белецкий, который позже объяснял: «Ее арест был вызван крайней необходимостью, ибо начальник охранного отделения в Петрограде мог бы, не зная о сотрудничестве Малиновского, обнаружить его» (Там же. С. 118). Розмирович питала подозрения насчет Малиновского и делилась ими с Трояновским.

⁴¹¹ Показания А. А. Трояновского комиссии Муравьева, 6 июня 1917 г.: Там же. С. 79.

⁴¹² Показания С. П. Белецкого комиссии Муравьева, 6 июля 1917 г.: Дело провокатора Малиновского. С. 120.

⁴¹³ Допрос В. Ф. Джунковского, 2 июня 1917 г.: Падение царского режима. Т. 5. С. 82.

⁴¹⁴ Там же. С. 84.

руководителю Петербургского охранного отделения П. К. Попову, которым заменил прежнего начальника М. Ф. фон Котена, уладить дело с Малиновским без огласки.

Директивы, полученные Малиновским от Ленина в изменившихся обстоятельствах по возвращении в Петербург, должно быть, требовали от него максимально сохранить положение агента. Ибо он с мужеством отчаяния боролся за продолжение своей работы в штате Департамента полиции, взывая к чиновникам, на чье влияние надеялся (Белецкому, Иванову, Мартынову и др.)⁴¹⁵. Прогерманская фракция в Министерстве внутренних дел хлопотала за него. Так, Белецкий обратился к тогдашнему вице-директору политического отдела департамента А. Т. Васильеву с просьбой поговорить о Малиновском с М. И. Трусевичем. Васильев успеха не добился, и прошение Малиновского о восстановлении на службе было отклонено⁴¹⁶.

«Удрученного и раздраженного» Малиновского, помимо блага семьи, прежде всего беспокоила реакция Ленина. В разговоре с Мартыновым, который хотел помочь ему устроить логически обоснованный и не вызывающий подозрений уход из Думы, он с опаской спросил: «Не подвергнет ли он [Ленин] мой способ действий... жестокой критике, а я, может быть, окажусь неспособным оправдать мою линию поведения?»⁴¹⁷ Лишь поняв, что его усилия тщетны, а дальнейшее упорство грозит неприятностями, Малиновский – на условиях отъезда за границу навсегда, выплаты денежного вознаграждения и назначения ежегодной пенсии, а также под гарантию уничтожения связанных с ним документов – ушел со столичной политической сцены и отбыл к Ленину.

⁴¹⁵ «Мне его было жалко; такого растерянного тона я никогда у Малиновского не слышал, и я понял, что, действительно, его положение, видимо, трагическое» (показания С. П. Белецкого комиссии Муравьева, 6 июля 1917 г.: Дело провокатора Малиновского. С. 121).

⁴¹⁶ Wassiljew A. T. Ochrana. S. 261.

⁴¹⁷ Мартынов успокоил его, заверив, что как раз Ленин, предпочитающий крайние решения, встанет на его сторону: Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. С. 319.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.